

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

4-1 (51)

журнал выходит четыре раза в год

ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 4-1 (51), 2021

Научный журнал. Издается с 1968 г.
Выходит 4 раза в год.
ISSN 2306-5826

Главный редактор

д.и.н. К.Ф. Дзамихов

Редакционная коллегия

*д.ф.н. Б.Ч. Бижоев, д.ф.н. Т.Ш. Биттирова,
к.и.н. А.Х. Боров, д.ф.н. А.М. Гутов, д.и.н. А.Г. Кажаров, к.и.н. З.М. Кешева,
к.ф.н. Д.М. Кумыкова (ответственный секретарь), д.ф.н. Б.А. Мусуков,
к.ф.н. Л.Х. Махиева, к.и.н. Д.Н. Прасолов,
д.ф.н. Х.Т. Тимижев, к.и.н. В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

4-1 (51)

the journal comes out four times a year

BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH
№ 4-1 (51), 2021

Scientific journal. Published since 1968
Published 4 times a year.
ISSN 2306-5826

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*; Doctor of Philology *T.S. Bittirova*;
Candidate of History *A.H. Borov*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*;
Candidate of Philology *D.M. Kумыkova (exec. secretary)*;
Doctor of Philology *B.A. Musukov*; Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*;
Candidate of History *D.N. Prasolov*; Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Institute for the Humanities Research KBSC RAS
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОЛОГИЯ

<i>Дзамихов К.Ф., Абаева А.М.</i>	Образ черкесов в концепции немецкого философа XIX века Юлиуса Альтмана	7
<i>Кожев З.А.</i>	Династические связи Идаровых в 50–70-х гг. XVI в.	12
<i>Кармов А.Х.</i>	Завершение коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии и перевод колхозов на устав сельскохозяйственной артели	20
<i>Такова А.Н.</i>	Культовые здания в условиях политики государственного атеизма в советской Кабардино-Балкарии	30

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Гузеланы М.Ж., Махийланы Л.Х., Кючмезланы Л.Б.</i>	Къарачай-малкъар тилде регионализмлени лексикографияда хайырланыу жорукълары	39
<i>Токъмакъ М.Хъ.</i>	Лексико-семантикэ системэр: адыгэбзэм и мыхъэнэбэ псальэхэр	48

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Гутов А.М., Гутова Л.А.</i>	Образ и структурные особенности героической песни в адыгском эпосе	56
<i>Гергокова Л.С.</i>	Трикстерская модель в карачаево-балкарских сказках о животных	65
<i>Гулиева (Занукова) Ф.Х.</i>	Малые жанры карачаево-балкарского фольклора: история и перспективы изучения	74
<i>Хагожеева Л.С.</i>	Оппозиция белого и черного цвета в адыгском эпосе	84
<i>Алхасова С.М.</i>	Эстетическая функция идиостиля в прозе М. Эльберда и ее значение в раскрытии содержательного замысла автора	95
<i>Бетуганова Е.Н.</i>	История как способ этноидентификации (На примере романа Д. Армы «Дорога домой»)	101
<i>Болатова (Атабиева) А.Д.</i>	Болатова (Атабиева) А.Д. Поэтический мир И. Бабаева: концепции, образные парадигмы	107
<i>Сарбашиланы А.М.</i>	Будайланы Азретни чыгъармачылыгыны сураулау энчилиги	117
<i>Хакуашева М.А.</i>	Особенности нового стиля поэзии Д. Шомаховой	125

CONTENT

HISTORY. ETHNOLOGY

<i>Dzamikhov K.F., Abaeva A.M.</i>	The image of the circassians in the conception of the german philosopher of the XIX-th century Julius Altmann	7
<i>Kozhev Z.A.</i>	Dynastic relationship Idarovs in 50–70s of the XVI century	12
<i>Karmov A.Kh.</i>	Completion of collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria and transfer of collective farms to the charter of agricultural artel	20
<i>Takova A.N.</i>	Cult Buildings under the Policy of State Atheism in Soviet Kabardino-Balkaria	30

LINGUISTICS

<i>Guzeev J.M., Makhieva L.H., Kuchmezova L.B.</i>	Principles of lexicography of regionalisms in the karachay-balkarian language	39
<i>Tokmakova M.H.</i>	Lexico-semantic system: polysemy of the kabardino-circassian language	48

LITERARY CRITICISM. STUDY OF FOLKLORE

<i>Gutov A.M., Gutova L.A.</i>	The image and structural features of the heroic song in the Adyg Epos	56
<i>Gergokova L.S.</i>	The trickster model in the karachay-balkarian animalistic fairy-tales	65
<i>Gulieva (Zanukoeva) F.H.</i>	Small genres of karachay-balkarian folklore: history and perspectives of study	74
<i>Khagozheeva L.S.</i>	Opposition of white and black in the adyghe epic	84
<i>Alkhasova S.M.</i>	The aesthetic function of style in M. Elberd's prose and its significance in revealing the author's meaningful plan	95
<i>Betuganova E.N.</i>	History as a way of ethnoidentification (On the example of the novel by D. Arma «The way home»)	101
<i>Bolatova (Atabieva) A.D.</i>	The poetic world of I. Babayev: concepts, figurative paradigms	107
<i>Sarbasheva A.M.</i>	Artistic peculiarity of creativity Azret Budayev	117
<i>Hakuasheva M.A.</i>	Features of the new style of poetry by D. Shomakhova ...	125

Научная статья

УДК 395(470.6)

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-7-11

ОБРАЗ ЧЕРКЕСОВ В КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКОГО ФИЛОСОФА XIX ВЕКА ЮЛИУСА АЛЬТМАНА

Касболат Фицевич Дзамихов¹, Асият Мусаевна Абаева²

¹ Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

² Кабардино-Балкарский государственный университет, Нальчик, Россия

¹ casbolat2013@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

² asiatg@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0066-3755>

© К.Ф. Дзамихов, А.М. Абаева, 2021

Аннотация. Статья посвящена изучению научного наследия немецкого философа и путешественника Юлиуса Альтмана и его вклада в изучение истории народов Кавказа. Материалом для данной статьи послужил сборник стихотворных сочинений Альтмана «Песни из дальних стран», который был составлен автором после поездки в Россию. Данный сборник состоит из четырех разделов: «Песни черкесов», «Сибирские песни», «Греческие песни» и «Песни Востока». В рамках исследования был рассмотрен первый раздел под названием «Песни черкесов», представляющий интерес как источник этнографических сведений о черкесах. Тема борьбы кавказских народов за свободу часто освещалась как в периодических изданиях, так и в научных трудах и мемуарах европейских ориенталистов XIX века. В статье приводятся взгляды общественных деятелей Германии XIX века на некоторые освещенные Альтманом вопросы. Цель данного исследования неразрывно связана с необходимостью расширения источниковедческой базы этнографии Кавказа, а также с проблемой верификации гипотез зарубежных кавказоведов XIX века. Делается вывод о том, что Альтман, как и другие публицисты XVIII–XIX веков не только внесли огромный вклад в европейскую систему знаний, но и оказали значительное влияние на формирование образа черкесов в европейском общественном сознании XIX века.

Ключевые слова: этнография, ориенталисты, кавказоведение, европейские путешественники, черкесы, немецкая периодическая печать XIX века

Для цитирования: Дзамихов К.Ф., Абаева А.М. Образ черкесов в творчестве немецкого философа XIX века Юлиуса Альтмана // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 7–11. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-7-11

Original article

THE IMAGE OF THE CIRCASSIANS IN THE CONCEPTION OF THE GERMAN PHILOSOPHER OF THE XIX-th CENTURY JULIUS ALTMANN

Kasbolat F. Dzamikhov¹, Asiyat M. Abaeva²

¹ Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

² Kabardian-Balkarian State University, Nalchik, Russia

¹ casbolat2013@ayandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4920-6221>

² asiats@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-0066-3755>

© К.Ф. Дзамихов, А.М. Абаева, 2021

Abstract. The article is devoted to the study of the scientific heritage of the German philosopher and traveler Julius Altmann and his contribution to the study of the history of the caucasian peoples. The material for this article was the collection of Altmann's poems «Songs from afar», which was compiled by the author after a trip to Russia. This collection consists of four sections: «Songs of the Circassians», «Siberian songs», «Greek songs» and «Songs of the Orient». Within the framework of the study, the first section entitled «Songs of the Circassians» was considered, which is of particular interest to us as a source of ethnographic information about the Circassians. The theme of the struggle of the Caucasian peoples for freedom was often covered both in periodicals and in scientific works and memoirs of XIX-th century European orientalists. The article presents the views of public figures in Germany in the XIX-th century on some of the issues highlighted by Altmann. The purpose of this study is inextricably linked with the need to expand the source study base of the ethnography of the Caucasus, as well as with the problem of verifying the hypotheses of foreign Caucasian scholars of the XIX-th century. It is concluded that Altmann, like other publicists of the XVIII–XIX-th centuries, not only made a huge contribution to the European system of knowledge, but also had a significant impact on the formation of the image of the Circassians in the European public consciousness of the XIX-th century.

Keywords: ethnography, orientalists, Caucasian studies, European travelers, Circassians, German periodicals of the XIX-th century

For citation: Dzamikhov K.F., Abaeva A.M. The image of the Circassians in the conception of the XIX-th century German philosopher Julius Altmann. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 7–11. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-7-11

Ореол свободолюбия, храбрости и самоотверженности, которым со времен первых упоминаний был окутан образ черкесов, всегда восхищал европейских, а в особенности немецких путешественников, этнографов и исследователей Кавказа. Данная тема лейтмотивом проходит сквозь целые научные труды, мемуары, а также путевые заметки таких авторов, как Нойманн, Рейнегтс, Боденштедт, Штюккер.

Интерес европейских ученых и путешественников к данному региону и населяющим его народам возрос к концу XVIII века. Повышенное внимание к Кавказу было спровоцировано колониальной политикой европейских стран, что повлекло за собой необходимость в знаниях о покоренных народах. Изучение Кавказа также связано с развитием в Западной Европе ориенталистики, которая в течение XIX века постепенно перенимает у колониализма концепции европоцентризма.

Публикации путешественников являлись для Европы XIX века зачастую основным источником информации о народах Кавказа, их истории и культуре. Процесс формирования стереотипов о кавказских горцах в общественном сознании Старого Света не мог не отразиться на творчестве немецких писателей и поэтов.

Одним из выдающихся деятелей науки Германии XIX века, романтизовавшим тему борьбы черкесов за свободу в период Кавказской войны, был немецкий философ, литературовед и путешественник Юлиус Альтман. Карл Фридрих Юлиус Альтман родился 1 марта 1814 года в Потсдаме, где его отец занимал пост правительственного чиновника. Когда в 1825 году отец умер, мать переехала в Берлин. Здесь их сын посещал Евангелическую гимназию у Серого монастыря, изучал с 1834 по 1838 годы философию и после получения степени доктора в 1838 году в качестве воспитателя сына генерала фон Штааль отправился в Москву, где он пробыл до 1843 года [Lexikon der deutschen... 1885: 35]. Это время

своего пребывания в Российской империи он использовал в двух целях: для путешествий, в которых он попытался познакомиться как с Эстонией и Финляндией, так и с российской глубинкой, и для новых знакомств с выдающимися представителями научных кругов и культуры империи [Ausgewählte... 1884: 6–11].

Совершив длительные путешествия по России, а именно по Эстонии и Финляндии, и познакомившись с первыми учеными и художниками страны, он вернулся в Германию и обосновался в Берлине, где Александр фон Гумбольдт и Фарнхаген фон Энзе поддерживали его своими советами. Временами он жил в замке Фюрстенштайн, где он собирал архив князя фон Плесс, во Франкфурте-на-Майне, где и издал «Франкфуртский музей», в Дуйсбурге, где он работал редактором «Рейн-Рурской газеты», в Швейцарии и в других местах, но каждый раз возвращался в Берлин, чтобы закончить начатое ранее [Lexikon der deutschen... 1885: 36].

Ученый и философ Ю. Альтман внес неоценимый вклад в работу над многочисленными энциклопедиями и научными журналами благодаря своим знаниям российской действительности и компетентности в области славянской литературы, пока болезнь и предчувствие смерти не заставили его в начале 1872 года возвратиться в родной город отца, Потсдам, где он еще на первых порах занялся систематизацией своих стихов, но уже 10 июля 1873 года умер [Ausgewählte... 1884: 7].

Первые стихи Альтмана были опубликованы под заголовком «Песни из дальних стран». Альтман показывает выбором своего материала, что его привлекает муза свободолюбия; однако свои требования он предъявляет правителям областей, ставших ему небезразличными, а именно России и Востока. Этот сборник состоит из четырех разделов: Песни черкесов, Сибирские песни, Греческие песни и Песни Востока. Львиную долю занимают Черкесские песни. «Черкесы, суровый кавказский народ, прекрасный и храбрый, сражаются с русскими, которые после подписания Адрианопольского мирного договора захватывают территории на Востоке, хотя зачастую уступали более храброму и фанатичному противнику. Поэт со своей стороны испытывал к отважному народу, готовому все отдать за свою свободу, сильную симпатию, которая только возрастала благодаря антипатии к завоевателям» [Ausgewählte... 1884: 8].

Ниже приведены примеры стихотворных сочинений Юлиуса Альтмана из первого раздела сборника «Песни из дальних стран» под названием «Песни черкесов», которые были опубликованы в различных изданиях немецкой периодической печати XIX века (перевод с немецкого языка Абаевой А.М.):

Желания черкеса

Если я был бочкой пороха
Спрятанной под палаткой,
Я бы от пылающей ненависти вспыхнул
И уничтожил бы весь лагерь.

А если бы кто-то унес ноги
От взрыва бомбы,
Я хотел бы стать скорпионом
Чтобы яростно ужалить ядом моего врага.

А если бы я был зубчатой вершиной Казбека,
Которая видна даже пальмам,
Я бы обрушился на эти группы,
И раздавил бы их с грохотом.

[Blätter... 1847: 113].

Самая добрая весть

«Взгляните, мои храбрые друзья, взгляните на это ружье:
Я его отдам тому в награду, кто сообщит мне самую добрую весть»

Да, это достойный приз победителю, и скакуны у всех есть,
Меньшее, что нужно сделать, это сразить побольше врагов.

И любой сообщает, так как каждому есть чем похвастаться:
Один, что отвоевал у русских богатый трофей!

Другой, что предал огню весь русский лагерь!
Этот, что одолел сегодня в одиночку семерых противников!

Тот, что обезображивает трупы, а пленных мучает с жестокостью! –
Вот бежит парень, и говорит светлым голосом:

«Черкесы, поднимайтесь, мои друзья! что видят мои глаза,
Шестьсот свирепых русских приближаются к нашему оврагу!»

«Шестьсот свирепых русских – это еще шестьсот трупов –
Ты сообщил самую лучшую весть, держи, парень, ружье!»

Молитва черкешенки

Мой отец, бедный старик, принял смерть из рук палача,
Мой юный сын был выслан в рабство к царю.

А дочь обесчестила жестокая стая врагов –
От горечи она вонзила себе в грудь свой меч.

Мой брат и мой супруг вскоре отправились на войну,
Они были убиты врагом, оказавшись в засаде.

Враг увел мои стада, сжег мой кров,
разрушил мой храм, лишил меня Родины.

Аллах, если ты только дремлешь и все же меня слышишь –
Проснись, проснись ото сна, Аллах, ведь мы в такой нужде!

[Ausgewählte... 1884: 9–11].

Стихи Альтмана привлекли внимание литературных критиков, этнографов и журналистов. В качестве реакции на данные стихотворения в 1846 году в журнале политического направления «Grenzboten» вышла статья «Новые рифмы и стихи», в которой автор довольно резко отзывается о содержании «Песен из дальних стран». Автор статьи, Фридрих Хербиг считает, что немецкий поэт должен затрагивать вопросы патриотизма народа Германии, понятные немцам, а не «смотреть в сторону России и Азии». Журналист пишет, что интерес поэта к Кавказу вызван лишь тем, что «тема своеобразия внешних отношений на Востоке стала сейчас в литературе модной, и поэтому отражена абсолютно точно в этих стихах». По мнению Хэрига, в стихах Альтмана «от глубокого погружения во внутреннюю жизнь соответствующих народов остался лишь небольшой след. Но в этом нет никакого своеобразия, а форма часто напоминает о русских образцах, преимущественно о Пушкине и Марлинском, так при прочтении стихов может показаться, что поэт описывал мысли и ощущения от второго лица, как будто их не было в действительности, но они придуманы или присвоены» [Die Grenzboten 1846: 28–30].

Вслед за критической статьей в журнале «Grenzboten» в 1847 году «Blätter für literarische Unterhaltung» публикует абсолютно противоположную по содержанию литературную статью «Немецкие поэты современности», в которой характеризует Альтмана как «талантливого автора». «Песни черкесов», по словам автора статьи, «доносятся с далеких суровых лесистых гор, и учат нас преданности друг другу. Первый раздел описывает нам картины, в основном отражающие особенности духовной и материальной культуры, а также обычаи тех горских народов, которые одолели сынов Рюрика в сражении, принесшем много лишений и жертв обеим сторонам, и исход которого еще не решен. Честность и правдивость в изображении этих событий и сцен позволяет предположить, что автор сам наблюдал за событиями как очевидец, либо его богатая фантазия восполнила недостаток личного присутствия; и можем ли мы желать от поэзии еще чего-то больше кроме эпической выразительности слога?» [Blätter... 1847: 113].

Таким образом, наряду с публикациями европейских исследователей Кавказа и путешественников XIX века, в произведениях Юлиуса Альтмана нашли отражение исторические события периода Кавказской войны. Для современного кавказоведения они представляют особый интерес в качестве нового ценного источника сведений, раскрывающих особенности формирования образа черкесов в европейском общественном сознании XIX века.

Список источников References

- Ausgewählte... 1884 – Ausgewählte deutsche Dichtungen für Lehrer und Freunde der Literatur. Kassel: Verlag von Theodor Kah, Königl. Hof-Kunst-und Buchhändler, 1884. B. 5. 478 p.
Blätter... 1847 – Blätter für literarische Unterhaltung. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1847. B. 1. № 29. 724 p.
Deutsches Dichter-Lexikon 1876 – Deutsches Dichter-Lexikon. Eichstätt&Stuttgart: Verlag der Krull'schen Buchhandlung, 1876. B. 1. 568 p.
Die Grenzboten 1846 – Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik und Literatur. Leipzig: Herbig, 1846. II Band. № 5. 604 p.
Lexikon der deutschen... 1885 – Lexikon der deutschen Dichter und Prosaisten des neunzehnten Jahrhunderts. Leipzig: Druck und Verlag von Philipp Reclam jun., 1885. B. 1. 586 p.

Информация об авторах

К.Ф. Дзамихов – доктор исторических наук;
А.М. Абаева – преподаватель иностранных языков.

Information about the authors

K.F. Dzamikhov – Doctor of Historical Sciences;
A.M. Abaeva – teacher of foreign languages.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 12.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья
УДК 93(470.64)»15/19»
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-12-19

ДИНАСТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ ИДАРОВЫХ В 50–70-х гг. XVI в.

Заурбек Анзорович Кожев

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© З.А. Кожев, 2021

Аннотация. С момента выхода на историческую арену род Идаровых известен своими обширными династическими связями. В первую очередь, это глава клана Идаровых Кемиргоко – тесть Ивана IV Васильевича и еще ряда влиятельных и знатных аристократических домов из числа политических наследников Золотой Орды. Состояние источников не позволяет детально описать династические связи Идаровых – одной из самых многочисленных патронимий Иналидов феодальной Черкесии второй половины XVI в. Прочие династические союзы Идаровых остаются в тени знаменитого брака первого русского царя Ивана Грозного на младшей дочери Кемиргоко Идарова – Марии (Гошаней) Темрюковне Черкасской. Несмотря на то, что этот брак не оставил потомства, он, безусловно, имел важное значение в истории Московского царства, Кабарды и рода Идаровых. Однако синхронный династический союз одного из братьев Идаровых с крымским ханом Девлет-Гирем I – принципиальным и самым опасным противником Ивана IV, позволяет в новом свете взглянуть на политический бэкграунд Идаровых до военно-политического сближения с русским государством *пщылихуэ* Кемиргоко Идарова. Крымские царевичи – внучатые племянники Кемиргоко Идарова, принимали самое активное участие в противодействии кабардино-русскому военно-политическому союзу и попыткам лидера Идаровых укрепить власть великого князя в Кабарде с опорой на Москву.

Ключевые слова: Кабарда, Идаровы, династические связи, Московское царство, Иван IV Грозный, Крымское ханство, Девлет-Гирей I

Для цитирования: Кожев З.А. Династические связи Идаровых в 50–70-х гг. XVI в. // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 12–19. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-12-19

Original article

DYNASTIC RELATIONSHIP IDAROV'S IN 50–70s OF THE XVI CENTURY

Zaurbek A. Kozhev

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, zaurbek_k@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6507-2406>

© Z.A. Kozhev, 2021

Abstract. Since entering the historical arena the Idarovs family is known for its extensive dynastic ties. First of all, this is the head of the Idarovs clan Kemirgoko – the father-in-law of Ivan IV Vasilyevich and a number of influential and noble aristocratic houses from among the political heirs of the Golden Horde. The condition of the sources does not allow a detailed description of the dynastic ties of the Idarovs – one of the most numerous patronymies of the Inalids of feudal Circassia in the second half of the 16-th century. The other dynastic unions of the Idarovs remain in the shadow of the famous marriage of the

first Russian Tsar Ivan the Terrible to the youngest daughter of Kemirgoko Idarov – Maria (Goshanei) Temryukovna Cherkasskaya. Despite the fact that this marriage did not leave offspring, it undoubtedly played an important role in the history of the Muscovy, Kabarda and the Idarov family. However, the synchronous dynastic alliance of one of the Idarov brothers with the Crimean Khan Devlet-Girey I, the principled and most dangerous enemy of Ivan IV, allows us to look in a new light at the political background of the Idarovs before the military-political rapprochement with the Russian state pshyshkue Kemirgoko Idarov. The Crimean princes, grand-nephews of Kemirgoko Idarov, took an active part in opposing the Kabardian-Russian military-political alliance and the attempts of the Idarov leader to strengthen the power of the Grand Duke in Kabarda, relying on Moscow.

Keywords: Kabarda, Idarovs, dynastic connections, Muscovy, Ivan IV the Terrible, Crimean Khanate, Devlet-Girey I

For citation: Dynastic relationship Idarovs in 50–70s of the XVI century. Vestnik KBIGI = KBHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 12–19. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-12-19

Одной из наиболее характерных черт феодальной эпохи, на протяжении которой государства рассматривались как наследственные владения знатных сюзеренов, персонифицировавших в своем лице высшую политическую власть, а родственные связи с правящей династией выступали основным фактором легитимных притязаний на нее, было особое отношение к матримониальным вопросам в среде феодальной аристократии. Наиболее ярко подобный подход к вопросам династической политики отразился в известной максиме монархического дома Габсбургов – «*Bella gerant alii, tu felix Austria nube*» («Пусть другие ведут войны, а ты, счастливая Австрия, заключай браки»). Расчетливая политика Габсбургов в матримониальных вопросах немало способствовала становлению одной из самых могущественных и долговечных династий Европы. Габсбурги добились выдающихся успехов на поприще конвертации династических союзов в военно-политическое могущество и возвышение собственного правящего дома, но сама политика, кратко выраженная в знаменитой максиме, была скорее общим правилом в феодальной Европе. Не была исключением из этого правила и феодальная Черкесия, чья высшая аристократия – в первую очередь Иналиды, ревностно относилась к своему высокому социальному и политическому статусу, а династические союзы рассматривала как важный инструмент в их поддержании как внутри страны, так и на международном уровне.

Династические связи Идаровых – одного из самых влиятельных и сильных княжеских домов Кабарды XVI – первой половины XVII вв., известны российской историографии лучше всего. Это связано с тем, что с момента установления тесных дипломатических связей между Кабардой и Русским государством, Идаровы стали главными проводниками московского направления во внешней политике Кабардинского княжества и, благодаря этому, постоянно находились в фокусе внимания внешнеполитического ведомства Московского царства. Многие Идаровы выехали на службу в Москву и породнились со знатными боярскими родами России [Дзамихов 2001: 150–181; Дзамихов 2007: 74–108]. Тем не менее, наши знания о династических союзах даже главы клана Идаровых – *тцышхуэ* (великого князя) Кабарды в 50-х – нач. 70-х годов XVI в. Кемиргоко Идарова, далеко не полны. Например, мы не знаем из какого рода происходила супруга *тцышхуэ* Кабарды, на ком были женаты его старшие сыновья Мамстриук (Мамсырыкбуэ) и Домануко (Думэныкбуэ). Еще меньше мы знаем о династических союзах других членов семьи Идаровых – родных братьев Кемиргоко. Зато, во многом благодаря женитьбе первого русского царя Ивана IV Васильевича на младшей дочери Кемиргоко Идарова – Гошаней (в крещении Марии Темрюковне Черкасской), мы знаем о том, за кого были сосватаны старшие дочери великого князя Кабарды. Начиная с ранней российской историографии, посвященной вопросам истории Кабарды и кабардино-русских отношений и по сей день, сюжет, связанный с женитьбой

Ивана Грозного – одного из самых знаменитых правителей Русского государства, на княжне из рода Идаровых, обязательно упоминался как значительное событие, повлиявшее на динамику взаимоотношений между Московским царством и Кабардинским княжеством [Ногмов 1994: 124–125; Кудашев 1991: 42–43; История Кабардино-Балкарской 1961: 114; История народов 1988: 334; Мальбахов Эльмесов 1994: 86–88; Карданов 2001: 51–57; Бгажноков 2005; Дзамихов 2001: 88–90; Дзамихов 2007: 30–31, 78–80, 82–83, 84–85, 87–88; Кожев 2006: 216–232; Кожев 2020: 68–104 и др.]. Общим фоном и иллюстрацией к этому сюжету, как не исключительному в хронике династических союзов клана Идаровых, служили матримонические истории старших сестер Марии Темрюковны. Одна из них – Алтынчач, была замужем за астраханским царевичем Бекбулатом, а другая Малхуруб – за Тинехматом – сыном князя Большой Ногайской Орды Измаила [Дзамихов 2001: 294–295; Дзамихов 2007: 82–85]. Династические союзы, заключенные через браки старших дочерей Кемиргоко Идарова, всегда находились в тени самого могущественного «свойственника» *пчышхуэ* Кабарды. Даже символически свадебный кортеж Гошаней с царскими сватами Ф.В. Вокшериным и С. Мякининым отправился в Москву в сопровождении многочисленной свиты, в которую наряду с сотнями черкесских, ногайских и астраханских воинов входили брат царской невесты Домануко, сестра Алтынчач и зять-чингизид Бекбулат [Кабардино-русские отношения 1957: 7, 9–10, 391].

Большая часть первоисточников, содержащих данные по династическим союзам Идаровых в 50–70-х годах XVI в. давно введена в научный оборот и доступна исследователям. Кроме того, и ранее опубликованные, и ряд извлеченных из архивных фондов документов, прямо или косвенно затрагивающих данную проблематику, собраны в приложении к монографии Дзамихова К.Ф. «Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв.», что серьезно облегчает поиск и анализ первоисточников [Дзамихов 2007: 123–147]. Мы не ставим перед собой задачи вновь детально анализировать все выявленные, хорошо известные династические союзы Идаровых и их политическую подоплеку. Она достаточно очевидна. Например, астраханское направление внешней политики Кабарды к середине XVI в. имело уже многолетнюю историю. Первый известный по письменным источникам случай возведения кабардинцами на астраханский престол своего «свойственника», т.е. зятя относится к 1532 г. [Некрасов 2015: 127]. Вплоть до присоединения Астраханского ханства к Московскому царству в 1556 г. кабардинские князья неоднократно вмешивались во внутривосточные конфликты в этом небольшом и относительно слабом татарском государстве, поддерживая своих родственников в борьбе за ханский престол [Некрасов 2015: 133–134].

Династический союз Кемиргоко Идарова с правителем Большого Ногая также имеет очевидную объективную логику поиска союзников в борьбе с внутренними и внешними врагами. Симптоматично, что Кайтукины – основные конкуренты Идаровых в борьбе за лидерство в Кабарде, в эти же годы заключили династический союз с правителем Малого Ногая Кази Ураковым – кровным врагом и главным оппонентом правителя Большого Ногая Измаила (1555–1563), чей сын Тинехмат был зятем Кемиргоко Идарова [Налоева 2015: 5; Дзамихов 2001: 294–299].

Что касается женитьбы Ивана IV на младшей дочери Кемиргоко Идарова, то инициатива в заключении этого брака исходила от русского царя, причем он успел посвататься и в Жанее, где ему дипломатично отказали ввиду разочарования в перспективах русско-черкесского союза против османов и Крымского ханства [Кабардино-русские отношения 1957: 8–9; Кожев 2006: 223–224]. Заинтересованность Ивана IV в надежных союзниках на беспокойном юге в условиях Ливонской войны на западных границах, совпала с желанием Кемиргоко Идарова использовать военно-политическую поддержку Московского царства в целях осуществления сценария крымско-османского симбиоза в реалиях кабардино-русских отношений [Кожев 2015].

Скромной целью настоящей статьи является стремление вывести из тени незаслуженно обойденный российской историографией, хотя и не безызвестный, факт другого династического союза Идаровых, который позволяет иначе взглянуть на политический бэкграунд этого княжеского дома до тесного сближения с Москвой, подкрепленного в августе 1561 г. женитьбой Ивана IV на младшей дочери *пцышхуэ* Кабарды. Как известно, этот брак был коротким и не оставил наследников [Дзамихов 2007: 133, 147]. Но даже после смерти Марии Темрюковны в 1569 г. память об этом династическом союзе, согласно местническому обычаю, долгие десятилетия была фактором особо тесных доверительных отношений московской правящей династии с родом Идаровых. В известной степени эти отношения были унаследованы даже Романовыми, которые как родственники первой жены Ивана IV после Смутного времени сумели добиться царского венца, формально основывая свое право на матримониальных связях с первым русским царем.

При жизни Марии Темрюковны сестры старались поддерживать тесные отношения, используя посольские оказии [Дзамихов 2007: 132]. Но даже после ее смерти Иван IV, следуя духу феодальной этики, продолжал всячески поддерживать своих «свойственников». В связи с этим в переписке Ивана IV со старшей женой крымского хана Девлет-Гирея I (1551–1577) Айшефит (Айшебрат) Масалтан в декабре 1570 г. проскальзывает информация, совершенно неожиданная с точки зрения традиционной для российской историографии оценки внешнеполитических пристрастий Идаровых. Крымское ханство, начиная с последних лет правления Менгли-Гирея (1478–1515) и особенно в годы царствования Мухаммед-Гирея I (1515–1523) превратилось для русского государства в опасного соседа, от которого приходилось откупаться постоянными подарками – «поминками», чтобы избежать разорительных набегов. «Поминки» выплачивались не только правящему хану, но и целому ряду наиболее знатных и влиятельных сановников Крымского ханства, включая «цариц» т.е. его главных жен. Так в декабре 1567 г. «по приговору Боярской Думы и царя Ивана Васильевича» Девлет-Гирею I были отправлены очередные «поминки»: «И царь и великий князь боярского приговора слушал и приказал послати в Крым з гонцом на триста рублей *царю и калге, и царевицем большим, и царицам и князем немногим*, которым пригоже имянным, чтоб со царем дела не порвати (курсив наш – К.З.)» [Дзамихов 2007: 139].

В декабре 1570 г. уже после смерти своей второй жены Марии Темрюковны, Иван IV, отвечая на послание Айшефит (Айшебрат) Масалтан и ее просьбу прислать «поминки» на поездку в хадж в Мекку пишет: «...А в грамоте своей к нам писала еси, что молвя нашей *семье твоим отцом один братья были*, нас и тебя побольши богу надобно было помянуть было ей чернеческое книга евангелие, да в ее б место (т.е. Марии Темрюковны – К.З.) мы здоровы были, больши нас твое сердце болело, *отцы ваши одны братья были ...* И Мы грамоту твою вычли и вразумели гораздо и что еси писала в нашей царице и великой княгине, что божиим судом от здешнего света в покой преставился, *а отцы ваши братья были*, а ты хочешь в Меку и нам бы о том не молить, дать тебе на обиход на твой. И в нашем законе христианском обычай и по смерти тело разлучаетца, а душа от любви духовного совета не отлучаетца. А мы помятуя свою царицу и великую княгиню Марью и по смерти с кровных ее беречи и жаловати и вперед ради есьмя, а для прошения твоего послали есьмя к тебе с своим гонцом з Богданом Шапкиным 300 рублей, так бы еси ведала (курсив наш – К.З.)» [Архив ИГИ КБНЦ РАН Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 12, Л. 26; Дзамихов 2007: 145]. То есть «царица» Айшефит (Айшебрат) Масалтан прямо ссылается на двоюродное родство с умершей Марией Темрюковной, а Иван IV в своем ответном письме признает свои обязательства по отношению к сестре своей умершей супруги и посылает ей в качестве «поминок» крупную сумму на совершение хаджа в Мекку. Фактически это означает, что в 60-х годах синхронно старший из братьев Идаровых был тестем русского царя Ивана IV, а

его родной младший брат являлся тестем крымского хана Девлет-Гирея I, который через полгода после столь любезной переписки сожжет Москву и будет требовать у русского царя восстановления Казанского и Астраханского ханств! Собственно в июле того самого 1570 г., когда происходила переписка крымской ханши Айшефит (Айшебрат) Масалтан и русского царя в Западной Черкесии на границе Жанея и Бжедугии на р. Афипис произошло сражение между крымской армией царевича Алди-Гирея и войсками Кемиргоко Идарова и его закубанских союзников. Упорная битва завершилась поражением Идаровых. *Пщышхуэ* получил тяжелую рану, от которой уже не оправился, а два его сына – Мамстрюк и Булгайрук (Берберюк) попали в плен [Кабардино-русские отношения 1957: 21–22; Ногмов 1994: 123–125; Кожев 2020: 90–104]. И Иван IV был прекрасно об этом осведомлен.

Е.Дж. Налоева, не приводя источников, в своей генеалогической росписи Иналидов Кабарды упоминает Айшефат как дочь Желегота Идарова, предка линиджа Сунчалеевичей – «терских жильцов», которые на протяжении всего XVII в. правили частью Идарея в низовьях Терека [Кабардино-русские отношения 1957: 385; Налоева 2015: 2]. Невозможно предположить, чтобы брак Девлет-Гирея I и Айшефат Желеготовны Идаровой был заключен после 1557 г., когда началось сближение Кемиргоко Идарова с Москвой. Очевидно, что этот брак мог быть заключен лишь с согласия лидера клана Идаровых еще до того, как присоединение Казани и Астрахани к русскому государству, актуализировало московское направление внешней политики *пщышхуэ* Кабарды, а Крымское ханство было основным политическим противником и партнером черкесских княжеств. Собственно и бесленевские князья Каноковы, и жанеевские князья Кансауковы, открывшие московское направление во внешней политике феодальных владений Черкесии, имели тесные политические связи с Крымом до 1552 г., что не мешало им радикально реагировать на попытки крымских ханов навязать им свое жесткое доминирование, когда появлялись иные альтернативы. Так в июне 1557 г. на службу в Москву в числе прочих черкесских аристократов отъехал «... Татар-мурза – служил у Крымского, царю крымскому шурина, царя Девлит-Гирея большая царица сестра его родная и дочь Тарзатык-мурзы (т.е. представитель бесленевского тлекотлешского рода Тазартуковых – К.З.)» [Кабардино-русские отношения 1957: 5].

Исходя из этих обстоятельств, становится понятна подозрительность Ивана IV и бессудная казнь родного брата Марии Михаила (Солтануко) Темрюковича Черкасского в майские дни 1571 г., когда крымская армия Девлет-Гирея I жгла и грабила Москву [Штаден 1925: 98]. В ее составе, после усиления «крымской партии» в результате катастрофического поражения Кемиргоко Идарова в битве на р. Афипис, наверняка были союзные черкесские контингенты, а исходя из родственных связей крымского хана в Кабарде, нельзя абсолютно исключить возможность участия в этом грандиозном походе на Москву даже части Идаровых. И сообщение Генриха Штадена о том, что «...Крымский царь пошел к Москве с Темрюком из Черкасской земли – свойственником великого князя», могло иметь определенные основания [Штаден 1925: 107; Кожев 2020: 102–103]. И в то же время, «большие царевичи» Крыма, которые в 1550–60-х гг. вели крымские армии на Кабарду и русские земли, которые сражались в июле 1570 г. на р. Афипис с коалицией черкесских князей во главе с Кемиргоко Идаровым, а в мае 1571 г. вместе с Девлет-Гиреем I жгли и грабили Москву были внучатыми племянниками *пщышхуэ* Кабарды. Парадоксальность этой ситуации, на взгляд современного человека, объяснима феодальной этикой, в рамках которой ближайшие родственники рассматривались как первые претенденты на роль «заклятых друзей/врагов» в борьбе за власть и влияние, и причин для перехода из одного качества в противоположное всегда было достаточно.

Список источников

- Архив ИГИ КБНЦ РАН – *Архив Института гуманитарных исследований* – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук».
- Бгажноков 2005 – *Бгажноков Б.Х.* О специфике и динамике военно-политического союза России и Кабарды (симмахия и ее асимметризм) // Исторический вестник. Вып. II. Нальчик, 2005. С. 39–86.
- Дзамихов 2001 – *Дзамихов К.Ф.* Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 410 с.
- Дзамихов 2007 – *Дзамихов К.Ф.* Кабарда и Россия в политической истории Кавказа XVI–XVII вв. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2007. 326 с.
- История Кабардино-Балкарской 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. I. М.: Наука, 1967. 480 с.
- История народов 1988 – История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988. 544 с.
- Карданов 2001 – *Карданов Ч.Э.* Путь к России. Нальчик: Эльбрус, 2001. 430 с.
- Кожев 2006 – *Кожев З.А.* Политическая история Черкесии (с нач. XV в. до 1763 г.) // Адыгская, (черкесская) энциклопедия. М.: Фонд им. Б.Х.Акбашева, 2006. С. 168–203.
- Кожев 2015 – *Кожев З.А.* Политический проект Кемиргоко Идарова. Опыт исторической реконструкции // Сборник научных статей по материалам региональной интернет-конференции «Социально-политическое и культурное пространство Центрального и Северо-Западного Кавказа в XVI – нач. XX в.: направление и динамика интеграционных процессов» (г. Нальчик, 19–30 октября 2015 г.). Нальчик, 2015. С. 29–44.
- Кожев 2020 – *Кожев З.А.* Очерки военно-политической истории Черкесии XV–XVII вв. Нальчик: Принт Центр, 2020. 144 с.
- Кабардино-русские отношения 1957 – Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. // Документы и материалы в 2-х томах. Т. I. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. 478 с.
- Кудашев 1991 – *Кудашев В.Н.* Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик: Эльбрус, 1991. 190 с.
- Кушева 1963 – *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Издательство Академии Наук СССР, 1963. 372 с.
- Мальбахов, Дзамихов 1996 – *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем, Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик: Эльбрус, 1996. 349 с.
- Мальбахов, Эльмесов 1994 – *Мальбахов Б., Эльмесов А.* Средневековая Кабарда. Нальчик: Эльбрус, 1994. 350 с.
- Налоева 2015 – *Налоева Е.Д.* Генеалогия кабардинских князей как исторический источник (Альбом из 14 генеалогических карт – приложение к книге Налоевой Е.Д. Кабарда в первой половине XVIII века: генезис адыгского феодального социума и проблемы социально-экономической истории / сост. к.и.н. А.С. Мирзоев. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2015. 371 с.
- Некрасов 2015 – *Некрасов А.М.* Избранные труды. Нальчик: КБИГИ, 2015. 256 с.
- Ногмов 1994 – *Ногмов Ш.Б.* История адыгейского народа. Нальчик: Эльбрус, 1994. 232 с.
- Штаден 1925 – *Штаден Генрих.* О Москве Ивана Грозного: Записки немца опричника. Л.: М. и С. Сабашниковы, 1925. 182 с.

References

Arkhir IGI KBNTs RAN [Archive of the Institute for Humanitarian Research – a branch of the Federal State Budget Scientific Institution «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»].

BGAZHNOKOV B. Kh. *O spetsifike i dinamike voenno-politicheskogo soyuza Rossii i Kabardy (simmakhiya i ee asimetrizm)* [On the specifics and dynamics of the military-political union of Russia and Kabarda (symmachy and its asymmetry)]. IN: *Istoricheskii vestnik*. Vyp. II. Nalchik, 2005. P. 39–86. (In Russian)

DZAMIKHOV K. F. *Adygi v politike Rossii na Kavkaze* [Adygi in the politics of Russia in the Caucasus]. Nalchik: El'-Fa, 2001. 410 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K. F. *Kabarda i Rossiya v politicheskoi istorii Kavkaza XVI–XVII vv.* [Kabarda and Russia in the political history of the Caucasus of the 16th – 17th centuries.]. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 2007. 326 p. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskoi ASSR s drevneishikh vremen do nashikh dnei v 2-kh tomakh. T. 1. [The history of the Kabardino-Balkarian Autonomous Soviet Socialist Republic from ancient times to the present in 2 volumes. T. 1]. Moscow: Nauka, 1967. 480 p. (In Russian)

Istoriya narodov Severnogo Kavkaza s drevneishikh vremen do kontsa XVIII v. [The history of the peoples of the North Caucasus from ancient times to the end of the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1988. 544 p. (In Russian)

KARDANOV Ch. E. *Put' k Rossii* [The path to Russia.]. Nalchik: El'brus, 2001. 430 p. (In Russian)

KOZHEV Z. A. *Politicheskaya istoriya Cherkessii (s nach. XV v. do 1763 g.)* [Political history of Circassia (from the beginning of the 15th century to 1763)]. IN: *Adygsкая, (cherkesskaya) entsiklopediya*. Moscow: Fund them. B.Kh. Akbasheva, 2006. P. 168–203. (In Russian)

KOZHEV Z. A. *Politicheskii proekt Kemirgoko Idarova. Opyt istoricheskoi rekonstruktsii* [Political project of Kemirgoko Idarov. The experience of historical reconstruction]. IN: *Sbornik nauchnykh statei po materialam regional'noi internet-konferentsii «Sotsial'no-politicheskoe i kul'turnoe prostranstvo Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza v XVI – nach. XX v.: napravlenie i dinamika integratsionnykh protsessov»* (g. Nal'chik, 19–30 oktyabrya 2015 g.). Nalchik. 2015. P. 29–44. (In Russian)

KOZHEV Z. A. *Ocherki voenno-politicheskoi istorii Cherkessii XV–XVII vv.* [Essays on the military and political history of Circassia in the XV–XVII centuries]. Nalchik: Print Tsentr, 2020. 144 p. (In Russian)

Kabardino-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv. // Dokumenty i materialy v 2-kh tomakh. T. 1. [Kabardino-Russian relations in the XVI–XVIII centuries // Documents and materials in 2 volumes. T. 1]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. 478 p. (In Russian)

KUDASHEV V. N. *Istoricheskie svedeniya o kabardinskom narode* [Historical information about the Kabardian people]. Nalchik: El'brus, 1991. 190 p. (In Russian)

KUSHEVA E. N. *Narody Severnogo Kavkaza i ikh svyazi s Rossiei (vtoraya polovina XVI – 30-e gody XVII veka)* [The peoples of the North Caucasus and their ties with Russia (second half of the XVI – 30s of the XVII century)]. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. 372 p. (In Russian)

MAL'BAKHOV B. K., DZAMIKHOV K. F. *Kabarda vo vzaimootnosheniyakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em, Krymskim khanstvom (seredina XVI – konets XVIII v.)* [Kabarda in relations between Russia and the Caucasus, the Volga region, the Crimean Khanate (mid-16th-late 18th centuries)]. Nalchik: El'brus, 1996. 349 p. (In Russian)

MAL'BAKHOV B., EL'MESOV A. *Srednevekovaya Kabarda* [Medieval Kabarda]. Nalchik: El'brus, 1994. 350 p. (In Russian)

NALOEVA E. D. *Genealogiya kabardinskikh knyazei kak istoricheskii istochnik (Al'bom iz 14 genealogicheskikh kart – prilozhenie k knige Naloevoi E. D. Kabarda v pervoi polovine XVIII veka: genezis adygsкого feodpl'nogo sotsiuma i problemy sotsial'no-ekonomicheskoi istorii / sost. k.i.n. A. S. Mirzoev)* [The genealogy of the Kabardian princes as a historical source (An album of 14 genealogical maps – an appendix to the book by Naloyeva E. D. Kabard in the first half of the XVIII century: the genesis of the Adyghe feudal society and the problems of socio-economic history / compiled by C. I. A. S. Mirzoev)]. Nalchik: Pechatny Dvor LLC, 2015. 371 p. (In Russian)

NEKRASOV A. M. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Nalchik: KBIGI, 2015. 256 p. (In Russian)

NOGMOV Sh. B. *Istoriya adykheiskogo naroda* [The history of the Adychian people]. Nalchik: El'brus, 1994. 232 p. (In Russian)

SHTADEN GENRIKH. *O Moskve Ivana Groznogo: Zapiski nemtsa oprichnika* [About Moscow Ivan the Terrible: Notes of a German oprichnik]. L.: M. and S. Sabashnikovy, 1925. 182 p. (In Russian)

Информация об авторе

З.А. Кожев – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой и новой истории.

Information about the author

Z.A. Kozhev – Candidate of History, Head. Sector of Medieval and Modern History.

Статья поступила в редакцию 16.11.2021; одобрена после рецензирования 05.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 16.11.2021; approved after reviewing 05.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья
УДК 94 (470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-20-29

**ЗАВЕРШЕНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ХОЗЯЙСТВ
В КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ И ПЕРЕВОД КОЛХОЗОВ
НА УСТАВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ АРТЕЛИ**

Амерби Хазретович Кармов

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, karmovamerbi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3522-033X>

© А.Х. Кармов, 2021

Аннотация. В статье рассматривается коллективизация крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии на завершающем этапе колхозного строительства и перевод колхозов на Устав сельскохозяйственной артели. Дана краткая историографическая характеристика, в которой выявлены исследовательские позиции советских и современных региональных историков, изучавших проблемы колхозного строительства в регионе.

Проанализированы материалы партийных и государственных органов, в которых формулировались основные цели и задачи текущего момента и методы их достижения. В них была провозглашена программа укрепления колхозного строя на основе ужесточения борьбы против классово-чуждых элементов.

Установлено, что приезд комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) весной 1933 г. на Северный Кавказ и посещение ее руководителем Л.М. Кагановичем Кабардино-Балкарской области сыграли мобилизующую роль в деле укрепления колхозного строя и решения хлебозаготовительных задач в условиях тотального голода.

Подчеркивается значение, которое придавало государство переводу колхозов на Устав сельскохозяйственной артели. Проанализированы основные положения Устава, связанные с организацией колхозов, степенью обобществления орудий труда и средств производства, формированием единого земельного массива, находившегося в коллективном пользовании артели, наделением колхозников приусадебными участками и т. д.

Ключевые слова: коллективизация, хлебозаготовка, укрепление колхозов, борьба с кулачеством, Л. М. Каганович, Устав сельхозартели

Для цитирования: Завершение коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии и перевод колхозов на устав сельскохозяйственной артели // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 20–29. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-20-29

Original article

**COMPLETION OF COLLECTIVIZATION OF PEASANT FARMS
IN KABARDINO-BALKARIA AND TRANSFER OF COLLECTIVE FARMS
TO THE CHARTER OF AGRICULTURAL ARTEL**

Amerbi Kh. Karmov

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, karmovamerbi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3522-033X>

© А.М. Кармов, 2021

Abstract. The article is devoted to the collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria at the final stage of collective farm construction and the transfer of collective farms to the Charter of an agricultural artel. A brief historiographic characteristic is given, which reveals the research positions of regional historians of the Soviet period and modern researchers of the problems of collective farm development in the region.

The materials of party and state bodies, which formulated the main goals and objectives of the current moment and methods of achieving them, are analyzed. They proclaimed a program of struggle to strengthen the collective farm system on the basis of a tougher struggle against alien class elements.

It was established that the arrival of the Politburo commission of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in the spring of 1933 to the North Caucasus and a visit by its leader L.M. Kaganovich of the Kabardino-Balkarian region played a mobilizing role in strengthening the collective farm system and solving grain procurement problems in conditions of total hunger.

It is emphasized what importance the state attached to the transfer of collective farms to the Charter of an agricultural artel. Analyzed the main provisions of the Charter related to the organizational design of collective farms, the degree of socialization of tools and means of production, the formation of a single land mass, which was in the collective use of the artel, the endowment of collective farmers with personal plots, etc.

Keywords: collectivization, grain procurement, strengthening of collective farms, struggle against the kulaks, L. M. Kaganovich, Charter of the agricultural cartel

For citation: Karmov A.M. Completion of collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkaria and transfer of collective farms to the charter of agricultural artel. *Vestnik KBIGI* = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 20–29. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-20-29

1. Введение

К концу реконструктивного периода в СССР была осуществлена системная социально-экономическая реформа, включавшая модернизацию промышленности, сельского хозяйства и культуры. Составной частью этого проекта явилась реализация первого пятилетнего плана, предусматривавшего создание экономического фундамента социализма, как в промышленности, так и в аграрном секторе экономики. Этот сложный период отечественной истории нашел отражение в трудах советских региональных историков и экономистов. Так, в монографии Х.М. Бербекова «Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии» анализируются мероприятия центральных и местных органов власти по проведению сплошной коллективизации Кабардино-Балкарской автономной области. Автор заостряет внимание на особенности колхозного строительства в национальных областях Северного Кавказа, указанной в резолюции II пленума Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) (декабрь 1930 г.) «Об очередных задачах работы в нацобластях». В документе подчеркивалось, что «перед национальными областями не ставится задача завершения сплошной коллективизации к весне 1931 г. В отличие от районов сплошной коллективизации в этих областях ТОЗы, как первичная ступень в обобществлении крестьянского хозяйства, будут еще иметь широкое распространение» [Бербеков 1963: 225]. Вместе с тем, следует отметить, что на остальной территории сплошной коллективизации ТОЗы и другие виды коллективных сельскохозяйственных объединений переводились на временный Устав сельскохозяйственной артели.

По мнению Х.М. Бербекова одним из главных препятствий переводу сельского хозяйства на социалистические рельсы на основе сплошной коллективизации явилась открытая борьба антиколхозных сил против мероприятий советской власти. При этом он не выявляет социальный состав участников антиколхозных выступлений и причины, побудившие их на вооруженное восстание в 1930–1931 г.

Автор не упоминает факторы, связанные с хлебозаготовкой, вызвавшей небывалый голод, длившийся с середины 1930 г. по 1933 г. Однако именно эти

обстоятельства необходимо учитывать при объяснении действий крестьян, поднявших оружие против советской власти. При этом следует учитывать и роль идейных врагов советской власти в организации антисоветской борьбы.

Завершающий этап коллективизации крестьянских хозяйств освещается в работе А.К. Текуева «Борьба Кабардино-Балкарской партийной организации за социалистическое преобразование сельского хозяйства». В ней автор рассматривает ключевые вопросы, связанные с организационно-хозяйственным укреплением колхозов Кабардино-Балкарии. С точки зрения автора отправной точкой этого процесса явились решения январского (1933 г.) объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), который вскрыл крупные недостатки в организации партийно-хозяйственной работы в деревне и наметил конкретные пути их преодоления. Одним из них было создание политотделов МТС и совхозов, призванных стать «центрами политического и организационно-хозяйственного руководства колхозами, влияния партии на широкие массы колхозников» [Текуев 1960: 117]. В работе подчеркивается особая роль политотделов в борьбе против «разбитых, но недобитых кулаков». Как пишет автор, «кулак изменил свою тактику и, видя победу колхозного строя, переходит от прямых атак к вредительству «тихой сапой». «Бывшие люди» – кулаки, белогвардейцы, муллы пролезали в колхозы, совхозы и МТС, пытались вредить социалистическому строительству в Кабардино-Балкарии, расхищали социалистическую собственность, ломали тракторы, выводили из строя тягло, травили лошадей, пытались разложить колхозы изнутри» [Текуев 1960: 121]. В данном случае автор выступает не только как транслятор господствовавшей идеологии, но и демонстрирует свое личное отношение к тем разнородным социальным группам, которые вели борьбу против хлебозаготовки и колхозного строительства в КБАО.

В работе М.Х. Ацканова «Экономические закономерности перехода к социализму бывших национальных окраин России» отмечается завершение коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии к концу 1933 г. По данным автора к этому времени 95,5% крестьянских хозяйств было коллективизировано. Вместе с тем, он отмечает тот факт, что кооперирование незначительной части крестьян проходило вплоть до конца переходного периода к социализму. С точки зрения М.Х. Ацканова это объясняется характером производства и природно-климатическими особенностями. В горных условиях, где почти не было пригодных к обработке земель и пастбищных угодий, люди занимались животноводством. Как и в других подобных районах страны, социалистические преобразования проходили более замедленными темпами, чем в зерновых и завершались позднее [Ацканов 1963: 77–78].

В контексте рассматриваемой проблематики значительный интерес представляет кандидатская диссертация Н.С. Лавровой «Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20–30-е годы XX века». На основе анализа широкого круга репрезентативных источников автор воссоздает объективную картину безрадостного мира сплошной форсированной коллективизации крестьянских хозяйств и хлебозаготовок, приведшей к жестокому голоду 1930–1933 гг.

В отличие от советской историографии, Н.С. Лаврова на фоне развернувшейся антисоветской борьбы, как по всей стране, так и по Северо-Кавказскому краю, объективно оценивает масштабы массовых антиколхозных выступлений крестьян в Кабардино-Балкарии, выявляет основные причины их возмущения: голод, нищету, насильственную коллективизацию, хлебозаготовки и др.

По ее данным только за январь-март 1932 г. в результате оперативных мероприятий карательных органов в «Кабардино-Балкарской области было уничтожено 23 группировки с общим количеством участников – 210 человек [Лаврова 2004: 128].

2. Политическое и организационно-хозяйственное укрепление колхозов

Следует подчеркнуть, что трудом полуголодных и нищих крестьян к концу первой пятилетки были достигнуты впечатляющие результаты в социалистическом строительстве в СССР. Как было отмечено в резолюции объединенного Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) (январь 1933 г.) «За период первой пятилетки создана собственная индустриальная база реконструкции промышленности, транспорта, сельского хозяйства. Из отсталой мелкокрестьянской страны, какой была старая Россия, СССР выдвинулся в первые ряды наиболее развитых в технико-экономическом отношении стран» [КПСС в резолюциях... 1985: 8]. В итоговом документе приводятся конкретные статистические данные, характеризующие достижения страны в области коллективизации сельского хозяйства и создания индустриальной основы сельскохозяйственного производства. Из анализируемого документа видно, что за период пятилетки сельское хозяйство страны получило: «а) 120 тыс. новых тракторов мощностью 1900 тыс. лошадиных сил; б) на 1600 руб. сельскохозяйственных машин, что более чем удвоил машинную вооруженность сельского хозяйства в сравнении с 1928 г.

За последние 3 года организовано свыше 200 тыс. коллективных хозяйств с охватом свыше 60% крестьянских хозяйств и около 75% всех крестьянских посевных площадей. За этот период организовано 5 тыс. советских хозяйств (зерновых, животноводческих, и технических культур)» [КПСС в резолюциях... 1985: 11].

Усиление технической вооруженности сельскохозяйственного производства в стране положительно сказалось на аграрном секторе экономики Кабардино-Балкарии. К концу первой пятилетки коллективизация в области была в основном завершена. Значительно расширились посевные площади колхозов и совхозов, которые получили передовую техническую базу. «В 1932 в области имелось 9 МТС с мощностью тракторного парка 5105 лошадиных сил, обрабатывавших 42 процента посевных площадей [Гуревич 1951: 90]. Январский 1933 г. Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) указал на то, что главный упор в сельском хозяйстве должен быть сделан на осуществление политического и организационно-хозяйственного управления колхозов на основе всемерного повышения эффективности сельскохозяйственного производства. Юридическо-правовым сопровождением решений данного пленума явился закон (постановление) «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», принятый ЦИК-м и СНК СССР 7 августа 1932 г. В народе он получил название «закон о пяти колосках». Нарушителям этого драконовского закона грозило как минимум 10 лет заключения, а, как правило, смертная казнь без права применения амнистии.

Для решения вопросов, связанных с коллективизацией и хлебозаготовкой в октябре 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) создало две чрезвычайные комиссии: по Украине и Северному Кавказу. Первую возглавил В.М. Молотов, а вторую – Л.М. Каганович.

Весной 1933 г. состоялась поездка Л.М. Кагановича на Северный Кавказ. Он посетил Кабардино-Балкарию во время весенних полевых работ, когда селяне находились на поле, выполняя самые различные сельскохозяйственные работы.

С приближением уборочной страды краевая и областная власть решила отметить его приезд высокими трудовыми успехами, что нашло широкую поддержку со стороны партийно-хозяйственного и комсомольского актива области. Под знаком досрочного выполнения плана хлебосдачи были организованы хлебные обозы имени Кагановича.

Бюро обкома партии, с участием секретарей райкомов и начальников политотделов МТС и совхозов, всемерно поддержало эту инициативу и предложило передовым колхозам объявить по области хлебную эстафету имени т. Кагановича.

Оно обязало сельские райкомы совместно с политотделами широко проработать этот вопрос во всех ячейках с участием колхозного актива, во всех колхозных бригадах, подняв мощную волну соцсоревнования колхозов и колхозников на право быть передовыми в уборке и хлебопоставках [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 240–241].

Неукоснительному выполнению решений январского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) был посвящен пленум Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) (февраль 1933 г.). Он разработал ряд конкретных мероприятий, направленных на улучшение руководства колхозами со стороны партийных организаций и местных и областных органов власти. Они рассматривали укрепление колхозного строя через призму борьбы с остатками кулачества, которое теперь изменило свою тактику, стало вести подрывную работу скрытно, нанося большой вред колхозному строительству. Поэтому неслучайно, что в центре внимания XII областной партийной конференции, на которой подводились итоги выполнения первого пятилетнего плана (январь 1932 г.), оказалась необходимость ужесточения борьбы против врагов советской власти. Этому вопросу было посвящено заседание бюро обкома партии от 3 апреля 1932 г. с повесткой: «Об очищении колхозов от кулаков и социально чуждых элементов». В принятом постановлении отмечалось, что проведение «очистки колхозов от пробравшихся в них кулаков и социально чуждых элементов реализуется недостаточными темпами». Далее в документе констатировалось, что в период «подготовки и проведения весеннего сева, переделки и социалистического воспитания колхозников, классовый враг-кулак оказывает бешеное сопротивление, пытаясь различными методами своей антисоветской, антиколхозной деятельности сорвать проводимые партией и правительством мероприятия. Пробираясь при помощи своей правооппортунистической агентуры в колхозы, кулак и антисоветские элементы пытаются изнутри взорвать колхозы, при этом имеют место такие явления, когда вычищенные кулаки обратно принимаются в колхоз правыми оппортунистами» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121. Л. 1]. В связи с этим руководство области призывало партактив на основе мобилизации классовой бдительности колхозников провести решительное самоочищение колхозов от кулацких и социально-чуждых элементов. Одним из многочисленных примеров «самоочищения» явилось антиколхозное выступление в селении Залукокоаже в августе 1932 г. Здесь сложилась антисоветская группировка, которая представляла реальную угрозу срыва важнейших хозяйственно-политических задач села. Ядро этой организации составляли бывшие зажиточные колхозники, исключенные из него за принадлежность к кулакам: Бжеников Зикрей, Бабугоевы Астемир и Жантемир, Шалов Алихан, Наурузов Харун, Мазанов Муса, Кушхов Канина.

Как только стало известно о деятельности этой группировки, она была разгромлена органами ОГПУ. Итог залукокоажской трагедии – 3 смертных приговора. Остальные активные участники антиколхозной борьбы были высланы в Казахстан через ПП ОГПУ сроком на пять лет [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 526. Т. 2. Л. 239–253]. Подобные «очищения» имели место в таких районах, как Малая Кабарда, Прималкинский.

Весной 1933 г. в селении Малка была ликвидирована антиколхозная группировка. Ей было инкриминирован падеж 507 лошадей [Бербеков 1963: 233].

Такая же антисоветская группировка была ликвидирована в селении Кишпек Баксанского района.

3 января 1933 г. бюро обкома ВКП(б) рассмотрело вопрос «О ходе ремонта тракторов по МТС – МТМ и совхозам области». Оно охарактеризовало деятельность руководства МТС и совхозов как разгильдяйское отношение к тракторному парку области. Было отмечено, что по данным РКИ КБАО на конец декабря 1932 г. было отремонтировано 14 тракторов или 2,6% к общему числу тракторов, требующих ремонта. Основной причиной этого провала была признана «...засоренность

состава работников машинно-тракторных станций (МТС) и машинно-тракторных мастерских (МТМ) классово-чуждыми элементами и отсутствие какого либо внимания со стороны руководства МТС к социальному подбору личного состава, что привело к проникновению в МТС и МТМ классово- чуждых элементов, организовавших саботаж ремонтных компаний, а иногда прямое вредительство [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 132. Л. 35–36]. Также было указано на отсутствие четкого технического и организационного руководства, слабая квалификация технических руководителей МТС – МТМ и отсутствие какого либо внимания к ходу ремонта тракторов со стороны райкомов, райисполкомов, директоров МТС и т.д. В постановляющей части отмечались необходимые меры для устранения отмеченных недочетов в работе и наладить работу по ремонту тракторов. При этом особое внимание уделялось ужесточению борьбы с классовым врагом.

В феврале 1933 г. в Москве состоялся I Всесоюзный съезд колхозников-ударников, на котором выступил И.В. Сталин. Он проанализировал итоги колхозного строительства и пришел к выводу, что «...миллионные массы бедняков, жившие раньше впроголодь, стали теперь в колхозах середняками, стали людьми обеспеченными... Но это только первый шаг, первое наше достижение на пути колхозного строительства. Второй шаг состоит в том, чтобы поднять колхозников, – и бывших бедняков и бывших середняков, – еще выше. Он состоит в том, чтобы сделать колхозников зажиточными [Сталин 1951: 246–247]. Вспоминая этот период своего детства, заслуженный деятель искусств РСФСР, народный писатель КБР Хавпачев Х.Х. писал: «В колхоз вступить вступили, а вот сытнее жить не стали. В 1933 году грянула засуха, за ней голод» [Хавпачев 2016: 11].

В обращении I Всесоюзного съезда колхозников-ударников было сказано: «Мы призываем наши передовые республики и области...Московскую область, Среднюю Волгу, Кабардино-Балкарскую автономную область, Западную Сибирь и ЦЧО – возглавить колонны соревнующихся республик, краев и областей и вести их к победе» [Бербеков 1963: 236].

После I Всесоюзного съезда колхозников-ударников в Кабардино-Балкарии прошел «парад» аналогичных мероприятий. В марте 1933 г. состоялся съезд колхозниц-ударниц Кабардино-Балкарии. К этому времени в колхозах области насчитывалось 1375 колхозниц-ударниц [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 284. Л. 175]. В том же месяце также состоялся съезд колхозной молодежи, в апреле – съезд стариков колхозников, мае – съезд старух-колхозниц.

Руководство области придавало огромное значение успешному проведению I областного съезда колхозников-ударников, который состоялся 10–13 июня 1933 г. Проведение всех этих съездов обуславливалось стремлением партийно-государственных органов власти мобилизовать имеющиеся материальные и людские ресурсы области для завершения реконструкции сельского хозяйства. Уместно отметить, что, несмотря на жесточайшее сопротивление значительной части крестьян против колхозного строительства, руководству области все же удалось организовать работу колхозников так, что в социалистическом соревновании область заняла одно из первых мест в Советском Союзе. В Кабардино-Балкарию приезжали делегации из других краев и областей для обмена производственным опытом.

Одновременно решалась не менее важная задача – перековка и формирование социалистического сознания широчайших масс колхозного крестьянства путем вовлечения их в защиту социалистической собственности от классовых врагов, всех мастей.

25 июня 1933 г. бюро обкома партии, обязало карательно-судебные органы «обеспечить быстрейшее расследование и рассмотрение дел в судах в показательном порядке, связанных с хищением урожая, строжайше применяя закон от 7/VIII-32 г. к ворами и расхитителям колхозно-совхозного урожая» [УЦДНИ АС

КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 136. Л. 119]. В этих чрезвычайно сложных условиях 23 октября 1933 г. бюро обкома партии приняло постановление «Об организации и построении новой колхозной деревни». Оно было вызвано решениями XVII Всесоюзной партконференции, которая ставила задачу создания условий для уничтожения противоположности между городом и деревней. В констатирующей части постановления отмечались успехи в деле социалистической перестройки сельского хозяйства. В постановляющей части конкретизировались основные задачи в новой пятилетке в области организации социальной жизни в колхозной деревне и пути их реализации. Было признано необходимым разработать «...примерный порядок расположения и построения новой колхозной деревни со всеми ее звеньями и участками» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 272]. Центральное место в нем занимал поселок, который должен был обустроен так, чтобы обеспечить правильность, стройность, удобство и компактность расположения его, позволяющий наиболее удобно обслуживать и расположить усадьбы и общественные организации и учреждения. Особо подчеркивалась необходимость телефонизации, электрификации и радиофикации колхозов. Проект должен был предусмотреть снабжение поселка здоровой питьевой водой [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 143. Л. 273] и т.д. Следует признать, что некоторые пункты проекта были реализованы в отдельных населенных пунктах области.

В конце января 1934 г. собрался XVII съезд ВКП(б), вошедший в советскую историографию как «съезд победителей». В действительности он стал «съездом расстрелянных», поскольку более половины его делегатов стали жертвами сталинских политических репрессий 30-х годов.

Главным политическим итогом съезда явился разгром троцкистов и правых оппортунистов. Была сформулирована основная политическая задача на вторую пятилетку, которая состояла в том, «...чтобы окончательно ликвидировать капиталистические элементы и полностью уничтожить причины, порождающие классовые различия и эксплуатацию» [Гуревич 1951: 98]. Съезд определил основную задачу в области сельского хозяйства и указал на необходимость завершения коллективизации и осуществления технической реконструкции сельского хозяйства.

В решениях съезда подчеркивалась необходимость продолжать быстрое экономическое и культурное развитие национальных областей с тем, чтобы устранить их хозяйственное и культурное отставание. Также отмечалось, что устанавливаемая программа размещения производительных сил и во втором пятилетии обеспечивает изживание хозяйственной и культурной отсталости национальных республик и областей, более равномерное размещение производительных сил и приближение промышленности к источникам сырья [История КБАССР 1967: 192].

Решения XVII съезда партии руководством области были восприняты с воодушевлением. Оно сумело мобилизовать рабочих и колхозников, которые взяли на себя повышенные обязательства. Развернулось социалистическое соревнование среди полеводческих бригад на звание лучшей бригады. Во всех районах, колхозах, бригадах, звеньях и других производственных подразделениях началась широкая агитационно-пропагандистская работа по досрочному выполнению пятилетнего плана. 15 мая 1934 г. Кабардино-Балкарии был вручен орден Ленина. В постановлении ЦИК Союза СССР было написано: «За выдающиеся успехи в деле проведения основных сельскохозяйственных работ (сев, уборка урожая, засыпка семян), укрепление колхозов и совхозов и выполнение обязательств перед государством – наградить орденом Ленина Кабардино-Балкарскую область Северо-Кавказского края» [История КБАССР 1967: 201].

IX съезд Советов Кабардино-Балкарской области, проходивший с 28 декабря 1934 г. по 3 января 1935 г., подвел итоги социалистического строительства за последний пять лет, т.е. со времени VIII областного съезда в феврале 1931 г. Было

отмечено, что к этому времени коллективизация крестьянских хозяйств была полностью завершена. Ею было охвачено 98% всех крестьянских хозяйств.

Коллективизация крестьянских хозяйств осуществлялась в неразрывной связи со снабжением кооперированных хозяйств сельскохозяйственной техникой. Особенно этот процесс ускорился после введения в строй крупнейших тракторных заводов и заводов по производству сельскохозяйственного машиностроения. В этот период сельское хозяйство Кабардино-Балкарии получило мощную техническую базу; мощность тракторного парка МТС области составила 6821 лошадиную силу.

Несмотря на улучшение продовольственной ситуации после страшного голода 1930–1933 гг., власть продолжала борьбу против врагов советской власти в деревне. Так, 3 февраля 1935 г. бюро обкома партии рассмотрело положение в колхозах с. Малка, Шордаково и Камлюко Нагорного района. Обсуждались вопросы, связанные с содержанием колхозных фондов и обеспечением нормальных условий хранения зерна у колхозников. Были отмечены серьезные недостатки в работе руководителей колхозов «Заря социализма», «Путь к коммунизму», и «Псыншоко». В результате было принято решение о привлечении к суду и исключении из партии ряда сельских работников из упомянутых колхозов. Реализация данного постановления была персонально поручена облпрокурору Кулик и облсуду Евстропову [УЦДНИ Ф. 1. Оп. 1. Д. 155. Л. 95]. Поиск врагов советской власти и расхитителей колхозной социалистической собственности был в тренде до начала 50-х гг. XX века.

3. Перевод колхозов на Устав сельскохозяйственной артели

Для укрепления колхозного строя власти придавали исключительное значение принятию Устава сельскохозяйственной артели. Он был разработан руководством страны при непосредственном участии И.В. Сталина и принятый на II Всесоюзном съезде колхозников-ударников.

III областной съезд колхозников-ударников Кабардино-Балкарии (март 1935 г.) одобрил примерный Устав сельскохозяйственной артели. Он провозглашал принцип добровольности при объединении. Цель объединения в сельскохозяйственную артель – «общим организационным трудом построить коллективное, то есть общественное хозяйство, обеспечить полную победу над кулаком, над всеми эксплуататорами и врагами трудящихся, обеспечить полную победу над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства» [Устав...: эл. ресурс].

В соответствии с Уставом сельскохозяйственной артели все межи, разделявшие ранее земельные наделы членов артели, уничтожались, и все полевые наделы превращались в единый земельный массив, находившихся в коллективном пользовании артели, а земля, занимаемая артелью, объявлялась общенародной собственностью и закреплялась за ней в бессрочное пользование.

Устав регулировал порядок наделения колхозников приусадебными участками. В соответствии с ним из обобществленных земельных угодий выделялось в личное пользование каждого колхозного двора по небольшому участку в виде приусадебной земли (огород, сад). Размер этого участка зависел от наличия земли для этой цели в каждой отдельной сельскохозяйственной артели.

Согласно Уставу сельскохозяйственной артели обобществлялись весь рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, семенные запасы, кормовые средства для содержания обобществленного скота, хозяйственные постройки и т.д.

При обобществлении сельскохозяйственного инвентаря оставлялся в личном пользовании членов артели мелкий сельскохозяйственный инвентарь, потребный для работ на приусадебной земле.

Устав требовал от членов сельскохозяйственной артели неукоснительного выполнения плановых показателей по производству сельскохозяйственных продуктов и выполнению плана по хлебозаготовке.

Деятельность сельскохозяйственной артели полностью регламентировалась Уставом. В соответствии с ним формировалось правление колхоза, которое осуществляло руководство колхозом за отчетный период. Этот жесткий режим обеспечивал плановый рост производства сельскохозяйственной продукции, как для внешнего рынка, так и внутреннего потребления.

4. Заключение

Проведенный анализ позволяет обозначить характерные особенности осуществления коллективизации крестьянских хозяйств Кабардино-Балкарии. Они определялись вхождением области в состав Северо-Кавказского края, которое оказало большое влияние на перевод сельскохозяйственного производства на социалистические рельсы.

Комиссия Л.М. Кагановича, прибывшая весной 1933 г., в Кабардино-Балкарию для решения вопросов, связанных с коллективизацией и хлебозаготовкой, стала дополнительным стимулом для дальнейшего ограбления крестьянских масс.

С первых дней коллективизации крестьянских хозяйств и до его завершения борьба против классово-чуждых элементов стояла в центре внимания партийно-государственных и карательных органов области.

Список источников

Ацканов 1963 – *Ацканов М.Х.* Экономические закономерности перехода к социализму бывших национальных окраин России. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 86 с.

Бербеков 1963 – *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1963. 563 с.

Гуревич 1951 – *Гуревич Н.Е.* Кабарда во второй сталинской пятилетке // Сборник статей по истории Кабарды. Нальчик, 1951. Вып. 2.

История КБАССР 1967 – История Кабардино-Балкарской АССР. Москва: Наука, 1967. Т. 2. 439 с.

КПСС в резолюциях... 1985 – КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК в 15 томах. Т. 6. Москва: Изд-во полит. лит., 1985. 575 с.

Лаврова 2004 – *Лаврова Н.С.* Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20 – 30-е годы XX века: диссертация кандидата исторических наук. Нальчик: Тип-я КБГУ, 2004. 198 с.

Сталин 1951 – *Сталин И.В.* Сочинения в 13 томах. Т. 13. Москва: Гос. изд-во полит. Лит., 1951. 423 с.

Текуев 1960 – *Текуев А.* Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. Нальчик: Кабард.-Балкар. кн. изд-во, 1960. 151 с.

Устав...: эл. ресурс – Устав сельскохозяйственной артели [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5994#GvYMVrSq7DI83ytl1> интернет (дата обращения: 10.12.2021).

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Хавпачев 2016 – *Хавпачев Х.Х.* Воспоминания. Нальчик: Эльбрус, 2016. 112 с.

References

ACKANOV M. N. *Ekonomicheskie zakonomernosti perekhoda k socializmu byvshih nacional'nyh okrain Rossii* [The economic laws of the transition to socialism of the former

national outskirts of Russia]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1963. 86 p. (In Russian)

BERBEKOV H. M. *Perekhod k socializmu narodov Kabardino-Balkarii* [The transition to socialism of the peoples of Kabardino-Balkaria]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1963. 563 p. (In Russian)

GUREVICH N. E. *Kabarda vo vtoroj stalinskoj pyatiletke* [Kabarda in the second Stalinist five-year plan]. IN: *Sbornik statej po istorii Kabardy* [Collection of articles on the history of Kabarda]. Nalchik, 1951. Issue 2. (In Russian)

Istoriya Kabardino-Balkarskaya ASSR [History of the Kabardino-Balkarian autonomous soviet socialist republic]. Moscow: Science, 1967. Vol. 2. 439 p. (In Russian)

KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK v 15 tomah [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee in 15 volumes]. Vol. 6. Moscow: Publishing house of political literature, 1985. 575 p. (In Russian)

LAVROVA N. S. *Agrarnye preobrazovaniya i razvitie sela v Kabardino-Balkarii v 20–30-e gody XX veka* [Agrarian transformations and rural development in Kabardino-Balkaria in the 20s – 30s of the twentieth century]: dissertation ... of the candidate of historical sciences. Nalchik: Printing house of KBSU, 2004. 198 p. (In Russian)

STALIN I. V. *Sochineniya v 13 tomah* [Works in 13 volumes]. Vol. 13. Moscow: State publishing house of political literature, 1951. 423 p. (In Russian)

TEKUEV A. *Bor'ba Kabardino-Balkarskoj partorganizacii za socialisticheskoe preobrazovanie sel'skogo hozjajstva* [Struggle of the Kabardino-Balkarian party organization for the socialist transformation of agriculture]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book publishing house, 1960. 151 p. (In Russian)

Ustav sel'skohozyajstvennoj arteli [Charter of an agricultural artel] [Electronic resource]. Access mode: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5994#GvYMVrSq7DI83ytI1> Internet (Access date: 10.12.2021). (In Russian)

Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Department of the central state archive of the Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Management of the center for documentation of contemporary history of the Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

HAVPACHEV H. H. *Vospominaniya* [Memories]. Nalchik: Elbrus, 2016. 112 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.Х. Кармов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

A.Kh. Karmov – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Sector of Contemporary History.

Статья поступила в редакцию 17.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 17.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья
УДК 94(471.6).084.8
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-30-38

КУЛЬТОВЫЕ ЗДАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АТЕИЗМА В СОВЕТСКОЙ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Александра Николаевна Такова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© А.Н. Такова, 2021

Аннотация. Объектом исследования в статье выступают культовые здания в советской Кабардино-Балкарии. Они рассматриваются не просто как строения, предназначенные для отправления тех или иных религиозных треб, но и как один из ключевых элементов, формирующих этнокультурный код проживающих здесь народов. Анализируются количественные показатели числа культовых зданий, начиная от предреволюционного периода и заканчивая постсоветским, динамика их изменений в исторической ретроспективе. Рассматриваются основные приемы и методы, применявшиеся органами государственной власти для закрытия и перепрофилирования культовых зданий. Анализируются причины частого невыполнения предписаний по закрытию и перепрофилированию культовых зданий. На основе выявленных архивных документов также рассматриваются особенности функционирования в республиканском социуме официально незарегистрированных культовых зданий, которых было значительно больше официальных. Изучается формирование особого механизма социальной мимикрии, состоявшего в имитации деятельности по закрытию и перепрофилированию культовых зданий со стороны официальных органов и конкретных исполнителей, ввиду неофициально действовавшего принципа их невмешательства в религиозную жизнь социума. Делается вывод о том, что во многом благодаря этому религия в целом и один из ее главных элементов – культовые здания, в атеистических реалиях советского периода смогли сохраниться.

Ключевые слова: религия, социум, культовые здания, атеизм, конфессиональная политика, мимикрия, этнокультурный код

Для цитирования: Такова А.Н. Некоторые аспекты вопроса о культовых зданиях в советской Кабардино-Балкарии: проблема сохранения этнокультурного кода в условиях политики государственного атеизма // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 30–38. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-30-38

Original article

CULT BUILDINGS UNDER THE POLICY OF STATE ATHEISM IN SOVIET KABARDINO-BALKARIA

Aleksandra N. Takova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, takova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8380-6936>

© A.N. Takova, 2021

Abstract. The object of research in the article is religious buildings in the Soviet Kabardino-Balkaria. They are considered not just as buildings intended for the administration

of certain religious requirements, but also as one of the key elements that form the ethnocultural code of the peoples living here. The quantitative indicators of the number of religious buildings, from the pre-revolutionary period to the post-Soviet period, are analyzed, as well as the dynamics of their changes in the historical retrospective. The main techniques and methods used by public authorities for the closure and re-profiling of religious buildings are considered. The analysis of the reasons for the frequent failure to comply with the instructions for the closure and re-profiling of religious buildings is carried out. On the basis of the revealed archival documents, the peculiarities of the functioning of officially unregistered religious buildings in the republican society, which were much more official, are also considered. The article analyzes the formation of a special mechanism of social mimicry, which consisted in imitating the activity of closing and re-profiling religious buildings by official bodies and specific performers, in view of the unofficially operating principle of their non-interference in the religious life of society. It is concluded that largely due to this, religion as a whole and one of its main elements – cult buildings, could survive in the atheistic realities of the Soviet period.

Keywords: religion, society, religious buildings, atheism, confessional politics, mimicry, ethnocultural code

For citation: Takova A.N. Cult Buildings under the Policy of State Atheism in Soviet Kabardino-Balkariam. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 30–38. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-30-38

В контексте изучения истории государственно-конфессиональных отношений советского периода определенный интерес представляет вопрос о культовых зданиях. Его исследование дает интересные сведения, позволяющие более полно оценить роль и место религии в изучаемом социуме в условиях перманентно проводимой атеистической работы. В настоящей статье предмет исследования – культовые здания, выступают не просто в качестве строений, предназначенных для отправления религиозных треб, но и как один из важнейших элементов, формирующих этнокультурный код рассматриваемого социума, обладающий выраженным символическим наполнением. Целью работы является изучение динамики и особенностей функционирования культовых зданий в советской Кабардино-Балкарии, элементов социальной мимикрии, позволивших сохранить религиозную культуру общества в условиях государственной политики, официально направленной на ее полное нивелирование. Основными источниками для написания работы послужили архивные материалы, извлеченные из различных архивохранилищ, большинство из которых впервые вводятся в научный оборот. Некоторые аспекты данной темы рассматриваются в исследованиях И. Бабич, Н. Емельяновой, А. Мукожева, Е. Шишкина, Ю. Джабраилова [Бабич 2001; Емельянова 1999; Мукожев 2004; Шишкин 2018; Джабраилов 2014].

Деятельность органов государственной власти, направленная на поступательное сокращение числа культовых зданий, осуществлялась в Кабардино-Балкарии на протяжении всего советского периода. Способы ее реализации были различными и обуславливались, главным образом, проводимыми в данный момент государственными мероприятиями в религиозной сфере. Ввиду этого они сильно варьировались от грубых силовых запретительных мер, направленных на полную ликвидацию всех культовых зданий, характерных, в большей степени, для периода 20–30-х гг. XX в., до относительно мягких приемов, где основной упор делался на атеистическую пропаганду.

Используя историко-генетический метод, рассмотрим изучаемую проблему в динамике на материалах Кабардино-Балкарии.

В дореволюционный период роль и место религии в кабардино-балкарском обществе были значительными. Она присутствовала в большинстве сфер: образовании, судопроизводстве, культуре и пр., задавала тон системе нравственно-этических ценностей, составляла семейно-бытовую обрядность, регулировала социальные отношения. К началу революции 1917 г. в Кабардино-Балкарии насчитывалось

157 мечетей [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148], 19 церквей и часовен [Официальный сайт НБПЧЕ: эл. ресурс]. Также имелись культовые здания, относившиеся к другим религиозным направлениям (иудаизм, католицизм, протестантизм).

Непродолжительный период стратегического альянса между еще окончательно не утвердившейся в субрегионе советской властью и силами, в деятельности которых религия играла роль идеологической платформы, сложившийся в годы Гражданской войны, быстро себя исчерпал. Довольно скоро «...обозначилась принципиальная несовместимость религии и коммунистической идеологии» [Мукожев 2004: 99].

20-е – 30-е гг. XX в. в истории государственно-конфессиональных отношений были временем реализации жесткой антирелигиозной политики. В этот период в республике произошла ликвидация системы шариатского судопроизводства, религиозного образования и культуры, изъяты церковные и мечетские ценности. А ввиду того, что имевшие место народные волнения, инспирированные внедрением непопулярных хозяйственно-экономических мероприятий 20–30-х гг. XX в., содержали в себе религиозные постулаты в качестве идеологической платформы, религия в целом стала рассматриваться как объект преследования, подлежащий полной ликвидации. В отношении культовых зданий был взят курс на максимальное сокращение их числа. В качестве поводов для их закрытия официально фигурировали различные, но в большинстве своем неполитические основания: «несоответствие строительным и санитарным требованиям», «ветхость строения», «пренебрежение к требованиям противопожарной безопасности», «распад общины» и пр. К примеру, в постановлении о закрытии Семеновской церкви г. Нальчика (1940 г.) говорилось «...Семеновская церковь в городе Нальчике с 1937 г. бездействует, само религиозное объединение распалось и здание церкви, вследствие отсутствия попечения со стороны ответственных лиц по сохранению церковного имущества, приведено в состояние, требующее капитального ремонта» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-7717. Оп. 1. Д. 176. Л. 71 об.]. Закрытые культовые здания, состояние которых было технически удовлетворительным, чаще всего не сносились, а перепрофилировались под светские нужды (клубы, библиотеки и пр.), реже – под хозяйственные цели.

Результат работы по закрытию и перепрофилированию культовых зданий, проводившейся в республике в 20–30-е гг. неоднозначен. Итоговые цифры по сведениям различных источников значительно отличаются друг от друга. Это связано, во многом, с тем, что большая часть архивных материалов, относительно изучаемого вопроса, в годы войны была безвозвратно утрачена. Ввиду этого имеющиеся в распоряжении исследователей сведения априори фрагментарны.

Так, по данным архивов Кабардино-Балкарии, к началу Великой Отечественной войны в республике не осталось ни одной действующей мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 110. Л. 148]. В свою очередь, исследователь Н.М. Емельянова, ссылаясь на материалы ГАРФ указывает, что по состоянию на 1938 г. в республике «...функционировали и были юридически оформлены 36 мечетей» [Емельянова 1999: 72–73]. Исследователь И.Л. Бабич, также упоминает о действовавших к началу 40-х гг. 36 мечетях [Бабич 2001: 131]. Точные сведения, относительно культовых зданий прочих конфессий отсутствуют. Однако, есть данные о том, что в конце 30-х гг. – начале 40-х гг. XX в. в республике произошла целая серия закрытий культовых зданий РПЦ. Так, в 1938 г. была закрыта Покровская железнодорожная церковь при станции Прохладная [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 175. Л. 37–38], в 1939 г. – церкви в с. Александровской и с. Пришибской Майского района [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 35 об.], в 1940 г. – Семеновская церковь в г. Нальчик [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 71 об.], Николаевская церковь в г. Прохладный [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176.

Л. 84] и церковь в с. Екатериноградской Прохладненского района [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 176. Л. 149].

Так или иначе, но к началу войны в республике большая часть культовых зданий была официально закрыта. Однако, с их перепрофилированием, как свидетельствуют документы, были серьезные трудности. Вопрос о повсеместном невыполнении предписаний о перепрофилировании культовых зданий обсуждался, к примеру, на заседании Президиума Верховного Совета КБАССР 20 мая 1939 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 177. Л. 8 об.]. В данном документе указывалось, что немалая часть из официально закрытых в республике в 20–30-е гг. культовых зданий, которые предполагалось использовать под светские нужды, на деле так и не была перепрофилирована. В данном документе нет сведений о количестве подобных культовых зданий, не анализируются и причины неисполнения предписаний о перепрофилировании. Однако сам факт вынесение данного вопроса на обсуждение, причем, самого высокого уровня, свидетельствует, как минимум, о неединичном его характере.

О том, что в реальности происходило в этих неперепрофилированных культовых зданиях сказать трудно. Возможно, что они просто пустовали. Но, не исключено и то, что определенная деятельность в них все же велась. Так, к примеру, утверждает Н.М. Емельянова, отмечая, по этому поводу, что в конце 30-х гг. XX в. в Кабардино-Балкарии «...еще 60 мечетей действовали без разрешения властей, на свой страх и риск» [Емельянова 1999: 140].

Причины подобного положения дел, по нашему мнению, в определенной степени связаны с тем, что у конкретных исполнителей мероприятий по закрытию и перепрофилированию культовых зданий не было реального желания заниматься этим, в связи с чем происходившие в религиозной сфере процессы нередко просто игнорировались. Причиной последнего выступает, главным образом, не до конца секуляризированное сознание большей части конкретных исполнителей религиозной политики на местах, в связи с чем в их деятельности нередко доминировал формальный подход, игнорирование разного рода явных нарушений. Последний тезис как нельзя лучше иллюстрируют архивные документы. Так, например, в 1925 г. поступило заявление от 13 коммунистов сел. Чегем-1, направленное в областной комитет РКП(б), в котором содержалась жалоба на мулл данного селения, которые не пускали заявителей в мечеть и называли их неверными. Причина отказа связывалась заявителями с тем, что они «... решили раз и навсегда порвать с религиозным дурманом и не держали уразу» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 38. Л. 2]. То есть, заявители, позиционировавшие себя в качестве коммунистов, отказывались от соблюдения поста-Уразы. Тем не менее они считали для себя важным (иначе бы данная жалоба и не возникла) и само собой разумеющимся, как и прежде, посещать мечеть. Не исключено, что в сознании подобного рода исполнителей, некоторые действия, которые им необходимо было выполнять (в данном случае – закрыть культовое здание или перепрофилировать его), ими же самими воспринимались как нечто «неправильное». В итоге выполнение спускаемых сверху предписаний о закрытии или перепрофилировании культовых зданий, порой превращалось в имитацию выполнения, не нацеленную на достижение нужного властям результата. Так или иначе, но во многом благодаря данным нюансам религия в целом, а также один из ее важнейших материальных элементов – культовые здания, даже в эпоху осуществления наиболее жестких антирелигиозных мероприятий советского периода смогли сохраниться.

Годы войны для сферы государственной религиозной политики стали переломными, что, по мнению Ю. Джабраилова было связано «...не столько с осознанием необходимости изменения вектора государственно-конфессиональных отношений, сколько желанием сохранить социально-политическую стабильность в стране» [Джабраилов 2014: 195]. В целом апеллирование к религиозным чувствам

населения активно использовалось для достижения своих целей как немецкой, так и советской сторонами. К примеру, в архивных материалах, касаемых периода оккупации территории Кабардино-Балкарии (октябрь 1942 г. – январь 1943 г.) указывается на открытие фашистскими властями нескольких мечетей в селениях Верхний Куркужин, Нижний Куркужин, Баксаненок, Кызбурун II, Алтуд, Заюково, Шалушка, а также двух в с. Каменномостское [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54а. Л. 73–74]. Возможно предположить, что речь идет опять же не о каких то новых зданиях, построить которые, хотя бы по времени, априори не удалось бы, а о тех, что неофициально действовали и до войны, а оккупационными властями были, если так можно сказать, «легализованы».

После освобождения территории республики от фашистов (январь 1943 г.) все нововведения периода оккупации были оперативно ликвидированы. Однако в отношении культовых зданий этого не произошло. Их деятельность де-факто продолжалась, хотя в документах той эпохи и отмечалось, что все они «...действуют по существу незаконно» [ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 14. Л. 144].

В 1943–1944 гг. были приняты Постановление СНК СССР «О порядке открытия церквей» (1943 г.) и «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» (1944 г.). В соответствии с ними была допущена официальная регистрация культовых зданий. Алгоритм прохождения данной процедуры был сопряжен с немалым числом формальностей, реально преодолеть которые было возможно лишь при однозначной заинтересованности властей в регистрации. Ограничительный характер данных постановлений был настолько очевиден, что по замечанию Е. Шишкина их уместнее было бы назвать «...о порядке отклонения ходатайств верующих» [Шишкин 2018: 88]. Так или иначе, принятие указанных постановлений привело к легализации религии в целом, способствовало ее встраиванию в бюрократическую систему советского государства, но, при этом, ставило ее под тотальный контроль последнего. Для его осуществления в структуре органов государственной власти в 1943–1944 гг. были учреждены новые органы – Совет по делам Русской православной церкви при Правительстве СССР (1943 г.) и Совет по делам религиозных культов (1944 г.), занимавшийся вопросами всех действовавших в стране религиозных течений помимо православия. В 1965 г. два этих органа были объединены в Совет по делам религий при Совете министров СССР, функционировавший вплоть до 1991 г.

На местах создавались аппараты уполномоченных от этих органов. В Кабардино-Балкарии изначально были учреждены аппараты от обоих органов. Уполномоченные являясь, по сути, связующим звеном между советскими и партийными органами, с одной стороны, и верующими, с другой, призванные выполнять роль внешнего нейтрального контролера деятельности обеих сторон в деле соблюдения действующего в стране религиозного законодательства. Материалы, отражающие работу уполномоченных, являются на сегодняшний день основным источником для изучения религиозных процессов, происходивших в нашей стране начиная с последних лет войны и вплоть до распада СССР в 1991 г.

Первыми в республике были официально зарегистрированы все культовые здания, открытые в период немецкой оккупации в количестве девяти. В 1945–1946 гг. была оформлена деятельность общества иудейского вероисповедания г. Нальчика, молитвенный дом евангельских христиан-баптистов, зарегистрированы еще 4 мечети [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 21. Л. 7], а также 11 православных церквей и молитвенных домов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 2448. Л. 4]. В итоге, по состоянию на конец 1946 г., на территории Кабардинской АССР официально действовало уже 26 культовых зданий.

После 1946 г. процесс регистрации приостановился, а вскоре пошел в обратном направлении, в сторону официального сокращения их числа. При этом заявления о регистрации продолжали поступать уполномоченным, причем довольно

интенсивно, так как, по справедливому замечанию А. Мукожева «...вопрос о регистрации мечети был очень значимым для верующих, поскольку она составляла главный атрибут исламской богослужебной практики» [Мукожев 2004: 101]. В полной мере данное утверждение можно экстраполировать и на прочие религиозные направления. Однако положительного решения данные ходатайства уже не получали. Подобный крен объясняется, по нашему мнению, тем обстоятельством, что в данный период количество культовых зданий в республике достигло некоего предельного уровня, после которого дальнейший их рост ставил бы под сомнение тезисы об успешном строительстве атеистического общества и отсутствии у религии прочных социальных корней, перманентно присутствовавших в официальной пропаганде. Так или иначе, абсолютно очевидно, что ко второй половине 40-х гг. XX в. заинтересованности власти в росте числа культовых зданий в республике уже не было. Напротив, конец 40-х – начало 50-х гг. XX в. отмечен целой серией их закрытий. Так, в 1949 г. были закрыты церкви в ст. Александровской Майского района, г. Прохладном и ст. Приближенной Прохладненского района, в 1950 г. – община евангелистских христиан-баптистов в п. Терек [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 2448. Л. 2–3], в 1951 г. – религиозное общество иудеев г. Нальчика [УЦГА АС КБР. Ф. 1025. Оп. 2. Д. 445. Л. 179], а также мечети в с. Алтуд, Каменномостское и Кахун [УЦГА АС КБР. Ф. Р-780. Оп. 1. Д. 54а. Л. 74].

В последующие годы официальное число культовых зданий в республике варьировалось примерно в тех же пределах, с незначительными колебаниями. Так, даже в 1988 г. была официально зарегистрирована деятельность лишь 28 религиозных организаций: 13 мусульманских, 7 православных, 8 протестантских [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 28. Д. 77. Л. 8].

Приведенные выше официальные цифры, однако, были достаточно далеки от реальности. Имеющиеся у нас в распоряжении документы, и, в первую очередь, материалы аппаратов уполномоченных, дают достаточно информации, позволяющей утверждать о тотальном, повсеместном наличии в республике в 40–80-е гг. XX в. во всех без исключения населенных пунктах, относящихся ко всем имеющимся в республике религиозным течениям и направлениям реально действовавших, но официально незарегистрированных строений, выполнявших функции культовых зданий.

В мусульманских населенных пунктах в этом качестве выступали в основном кладбищенские постройки, формально предназначавшиеся для хранения погребального инвентаря, как, например в с. Шордаково [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 8], Куба, Баксане [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 2] и многих других, а также официально закрытые в 20–30-е гг., но так и не перепрофилированные и, поэтому, продолжавшие действовать, мечети, как, например, в с. Каменномостское [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 4]. В некоторых населенных пунктах фиксировалось и строительство вполне новых автономных сооружений прямого религиозного назначения, как например, в с. Чегем I [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32–33]. Различные протестантские общины обычно прибегали к аренде жилых домов, в которых проводили свои религиозные собрания. При этом, нередко, они намеривались приобрести данные помещения в собственность, о чем ходатайствовали уполномоченному, как, например, представители обществ евангельских христиан-баптистов г. Прохладного, Нальчик и п. Майский [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1053. Л. 9].

Обращает на себя внимание тот факт, что все эти официально незарегистрированные культовые здания, действовали в целом открыто и публично. Логично предположить, что происходившее было известно местным властям, равно как и его противоречие действовавшему религиозному законодательству. Однако каких-либо решительных мер для пресечения подобных явлений республиканскими властями не предпринималось. Напротив, порой местные власти и вовсе

старались всячески замолчать данного рода факты, о чем, к примеру, красноречиво сообщалось в одном из документов. В нем отмечалось, что «...большинство сельских советов сообщает, что в селениях, подведомственных им не имеется ни служителей, ни мечетей, ни групп верующих и вообще никакой религиозной деятельности нет. Если поверить этому, то Кабардино-Балкария может считаться самой атеистической республикой Северного Кавказа» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 31. Д. 166. Л. 4].

Сам по себе этот факт довольно любопытен. По нашему мнению он свидетельствует о том, что в республике де-факто существовал принцип невмешательства властей в религиозную жизнь социума. Возможно, она воспринималась как нечто само собой разумеющееся, важный и необходимый для нормальной жизнедеятельности социума элементом, не подлежащим какому-либо административному регулированию.

В период хрущевской антирелигиозной кампании (1958–1964 гг.) в республике предпринимались попытки, правда весьма немногочисленные, ликвидировать незаконно возведенные культовые здания. Однако, ни одна из них фактической ликвидацией так и не увенчалась. Это было связано, опять же с тем, что со стороны местных властей отсутствовала в этом какая-либо реальная заинтересованность, а, в связи с этим, со стороны социума, возможно, заручившегося принципиальным нейтралитетом органов власти в данном вопросе, происходило игнорирование, а порой и прямое саботирование официальных предписаний. Очень показательным в этом отношении является случай в с. Чегем I. Там в 1964 г. был выявлен факт самовольного возведения культового здания под видом сторожки на территории кладбища и проведения в нем регулярных религиозных собраний и общественных намазов. Было принято решение о сносе данного строения. Однако реализовать его не удалось. В официальном отчете по поводу этого события уполномоченным сообщалось, что для сноса строения был отправлен бульдозер, однако «...бульдозерист, узнав, какая предстоит ему работа, бросил машину и ушел». Уполномоченный пишет также, что данный поступок вызвал словестные одобрения и аплодисменты присутствовавших при этом жителей села. Представителям же власти, в свою очередь «...с трудом удалось успокоить верующих, которые грозились поехать с жалобой в республиканские органы», так как, по их словам, данная мечеть была построена «...с помощью колхоза и с ведома сельсовета» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1981. Л. 32]. В итоге молитвенный дом на кладбище в с. Чегем I остался цел. В целом же за годы хрущевской антирелигиозной кампании в республике не было зафиксировано ни одного случая сноса незаконно возведенных, но фактически действовавших без регистрации культовых зданий, что отличает ее от большинства других регионов страны.

В 70–80-е гг. XX в. в государственной религиозной политике уже не происходило резких атеистических всплесков, а сама атеистическая работа в значительной мере догматизировалась и формализировалась. Реального влияния на религиозные процессы она не оказывала. Ситуация с культовыми зданиями оставалась прежней. На официальном уровне шло апеллирование «нужными», «правильными» цифрами, в соответствии с которыми число культовых зданий в республике не росло и оставалось из года в год стабильным. Неофициальные же культовые здания, при этом, действовали в большинстве населенных пунктов, причем вполне открыто и публично. Ключевые изменения начали происходить в период перестройки и начале 90-х гг. Данный период вошел в историю под названием религиозный «ренессанс». В республике одним из его символов стал бум в строительстве культовых зданий, имевший ярко выраженный манифестный характер. Так, по состоянию на 1994 г. в Кабардино-Балкарии были зарегистрированы уже около ста мусульманских общин, действовали 40 мечетей, 30 мечетей находились в стадии строительства [Емельянова 1999: 131].

Таким образом, десятилетия вынужденной адаптации к политике государственного атеизма, сформировали в республике своеобразный тип социальной мимикрии. Его суть состояла в формализации работы органов и конкретных ответственных лиц, призванных реализовывать атеистическую политику государства на местах, в следствии чего, ее официальные результаты сильно отличались от реального положения дел. Именно это способствовало тому, что в Кабардино-Балкарии религия в целом и один из ее главных элементов – культовые здания, в атеистических реалиях советского периода смогли выстоять, а основы религиозной культуры сохраниться.

Список источников

- Бабич 2001 – *Бабич И.Л.* Ислам в современной Кабардино-Балкарии: правовые аспекты // Этнографическое обозрение. 2001. № 2. С. 131–143.
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
- Джабраилов 2014 – *Джабраилов Ю.Д.* Уроки вероисповедной политики советского государства на Северном Кавказе // Неприкосновенный запас. 2014. № 12. С. 193–197.
- Емельянова 1999 – *Емельянова Н.М.* Мусульмане Кабарды. М.: Граница, 1999. 142 с.
- Мукожев 2004 – *Мукожев А.Х.* Государственно-религиозные отношения в Кабардино-Балкарии в 1940–1980-х гг. (ислам) // Вестник КБИГИ. 2004. № 11. С. 99–114.
- Официальный сайт НБПЧЕ: эл. ресурс – Официальный сайт Нальчикского благочинья Пятигорской и Черкесской епархии *kborthodoxy.ru*.
- УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики.
- УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.
- Шишкин 2018 – *Шишкин Е.Н.* Вопрос открытия церквей на территории Ставропольской и Бакинской епархии 1943–1948 гг. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия II. История. История русской православной церкви. 2018. Вып. 82. С. 84–103.

References

- BABICH I. L. *Islam v sovremennoj Kabardino-Balkarii: pravovye aspekty* [Islam in modern Kabardino-Balkaria: legal aspects]. IN: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2001. № 2. P. 131–143. (In Russian)
- Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [State archives of the Russian Federation]. (In Russian)
- DZHABRAILOV YU. D. *Uroki veroispovednoj politiki sovetskogo gosudarstva na Severnom Kavkaze* [Lessons from the religious policy of the soviet state in the North Caucasus]. IN: *Neprikosnovennyj zapas* [Emergency reserve]. 2014. № 12. P. 193–197. (In Russian)
- EMEL'YANOVA N. M. *Musul'mane Kabardy* [Muslims of Kabarda]. Moscow: Border, 1999. 142 p. (In Russian)
- MUKOZHEV A. H. *Gosudarstvenno-religioznye otnosheniya v Kabardino-Balkarii v 1940–1980-h gg. (islam)* [State-religious relations in Kabardino-Balkaria in the 1940–1980s (islam)]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2004. № 11. P. 99–114. (In Russian)
- Oficial'nyj sajt Nal'chikskogo blagochin'ya Pyatigorskoi i Cherkesskoj eparhii kborthodoxy.ru* [The official website of the Nalchik deanery of the Pyatigorsk and Chircassian diocese kborthodoxy.ru]. (In Russian)
- Upravlenie central'nogo gosudarstvennogo arhiva Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Department of the central state archive of the Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)
- Upravlenie centra dokumentacii novejshej istorii Arhivnoj sluzhby Kabardino-Balkarskoj Respubliki* [Management of the center for documentation of contemporary history of the Archival service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russian)

SHISHKIN E. N. *Vopros otkrytii cerkvej na territorii Stavropol'skoj i Bakinskoj eparhii 1943–1948 gg.* [The question of opening churches on the territory of the Stavropol and Baku dioceses in 1943–1948]. IN: *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya II. Istoriya. Istoriya russkoj pravoslavnoj cerkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon humanitarian university. Series II. Story. History of the russian orthodox church]. 2018. Issue 82. P. 84–103. (In Russian)

Информация об авторе

А.Н. Такова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории.

Information about the author

A.N. Takova – Candidate of Science (History), Senior researcher of the sector of modern history.

Статья поступила в редакцию 15.11.2021; одобрена после рецензирования 01.12.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 15.11.2021; approved after reviewing 01.12.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Илму статья

УДК 811.512.142

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-39-47

КЪРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ РЕГИОНАЛИЗМЛЕНИ ЛЕКСИКОГРАФИЯДА ХАЙЫРЛАНЫУ ЖОРУКЪЛАРЫ

Гузеланы Магометни жашы Жамал¹, Махийланы Хамангерийни кызы Людмила², Кючмезланы Борисни кызы Лариса³

^{1,2,3} Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия

¹ kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-1474>

² liudmila.makhiieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

³ larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© Гузеланы Ж.М., Махийланы Л.Х., Кючмезланы Л.Б., 2021

Къысха маъанасы. Статьяда къарачай-малкъар тилни сѣзлюклеринде регионализмлени бериулери тинтиледи. Аланы фонетика, морфология, лексика, лексика-грамматика эм сѣз къурачу тюрлюлерине къаралады, эм шагъатлыкъ этген юлголе бериледи. Бусагъатдагъы къарачай-малкъар тил билимде тохташдырылгъан жорукълагъа кѣре, регионализмлени бла диалектизмлени бир бирден айыра билирге кереклиси белгиленеди. Алай, къарачай-малкъар тилни лексикографиясында ол зат жалчытылмагъаны себепли, сѣзно вариантларыны бла регионализмлени аралары тынгылы айырылмагъандыла. Андан сора да, статьяда бир тамырлы эм башха тамырлы синонимлени, синоним тизгинлени къурауда регионализмлени энчи жюрю-тюлюлерине да эс бурулады.

Болсада, къарачай-малкъар тил айный, ъсе баргъаны себепли, жангы сѣзле регионализмле тилге киреди. Аны ючюн, сѣзлюкледде белгиленмеген регионализмле кѣпдюле. Ол затланы эсге алып, къарачай-малкъар тилни регионализмлерин саулай жыйышдыргъан толу сѣзлюк жарашдырыргъа кереклиси чертиледи.

Баш маъаналы сѣзле: къарачай-малкъар тил, сѣзлюк, регионализмле, диалектизмле, литература тил, битеу халкъ жюрютген сѣзле, халкъны кесеги жюрютген сѣзле

Цитата этерге: Гузеланы Ж.М., Махийланы Л.Х., Кючмезланы Л.Б. Къарачай-малкъар тилни сѣзлюклеринде регионализмле // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 39–47. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-39-47

Original article

PRINCIPLES OF LEXICOGRAPHY OF REGIONALISMS IN THE KARACHAY-BALKARIAN LANGUAGE

Jamal M. Guzev¹, Lyudmila H. Makhiieva², Larisa B. Kuchmezova³

^{1,2,3} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-1474>

² liudmila.makhiieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

³ larisakuchmezova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© J.M. Guzev, H.M. Makhiieva, L.B. Kuchmezova, 2021

Abstract. The article is devoted to the study of one of the poorly-learned issues of karachay-balkarian linguistics – the analysis of regionalisms. It examines the phonetic, grammatical, lexical, derivational features of regionalisms in various dictionaries of the studied language. The features of the territorial use of single-root and multi-rooted synonyms and synonymous rows are noted. The choice of the topic is due to the fact, that the problems of regionalisms of this language have not yet been the subject of a special monographic study. In view of this, their consideration on the material of the lexicography of the karachay-balkarian language will clarify some controversial and unresolved issues.

The specificity of the existence of the studied language – its separated (territorially, two administrative regions) nature of functioning dictates the emergence of regionalisms in the language.

Regionalisms are words, that, each being literary in itself, are limited in their use to a certain geographic area (karachais live in the KChR, and balkars live in the KBR, i.e., they are territorially disunited). They, as literary-standardized words, limited only by the regional sphere of the use of the same modern karachay-balkarian language, have two main equal variants – balkarian and karachay.

In the lexicography of the modern karachay-balkarian language distinctive criteria for classifying a particular word as a layer of vocabulary have not yet been developed, which sometimes complicates the solution of some lexicographic questions. For example, the differences between dialecticism and regionalism are not always clear. According to the traditional definition, «dialect» is a local variety of a language in its relation to the common language and speeches.

As the factual material shows, not all regionalisms of the studied language received a lexicographic description. In our opinion, there is a need to refine this group of words, taking into account all the omissions and to develop a complete dictionary of regionalisms of the modern karachay-balkarian language.

Keywords: karachay-balkarian language, dictionary, regionalisms, dialectisms, literary language, national vocabulary, little-used vocabulary

For citation: Guzeev J.M., Makhieva L.H., Kuchmezova L.B. The use of regionalisms in karachay-balkarian dictionaries. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 39–47. (In Balkarian.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-39-47

Научная статья

ПРИНЦИПЫ ЛЕКСИКОГРАФИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

*Жамал Магомедович Гузеев¹, Людмила Хамангериевна Махиева²,
Лариса Борисовна Кучмезова³*

^{1, 2, 3} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия

¹ kbigi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2437-1474>

² liudmila.makhiieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6186-0395>

³ larisakuchmezova@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-7384-1455>

© Ж.М. Гузеев, Л.Х. Махиева, Л.Б. Кучмезова, 2021

Аннотация. Статья посвящена исследованию одного из малоизученных вопросов карачаево-балкарского языкознания – анализу регионализмов. В ней рассматриваются фонетические, грамматические, лексические, словообразовательные особенности регионализмов в различных словарях исследуемого языка. Отмечаются особенности территориального употребления однокоренных и разнокоренных синонимов и синонимических рядов. Выбор темы обусловлен тем, что проблемы регионализмов данного языка до сих пор не были предметом специального монографического исследования. Ввиду этого, рассмотрение их на материале лексикографии карачаево-балкарского языка позволит пояснить некоторые спорные и нерешенные вопросы.

Специфика существования исследуемого языка – ее разьединенный (территориально два административных региона) характер функционирования диктует возникновение в языке регионализмов.

Регионализмы – это такие слова, которые, являясь каждое само по себе литературным, ограничены в своем употреблении определенной географической областью (карачаевцы живут в КЧР, а балкарцы – в КБР, т.е. территориально разобщены). Они как литературно-нормированные слова, ограниченные лишь региональной сферой употребления одного и того же современного карачаево-балкарского языка, имеют два основных равноправных варианта – балкарский и карачаевский.

В лексикографии современного карачаево-балкарского языка еще не выработаны различительные критерии отнесения того или иного слова к пластам лексики, что иногда затрудняет решение некоторых лексикографических вопросов. Например, не всегда отчетливы различия между диалектизмом и регионализмом. По традиционному определению, «диалект» – это местная разновидность языка в его отношении к общенародному языку и говорам.

Как показывает фактологический материал, не все регионализмы исследуемого языка получили лексикографическое описание. На наш взгляд, назрела необходимость в доработке данной группы слов с учетом всех упущений и разработке полного словаря регионализмов современного карачаево-балкарского языка.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, словарь, регионализмы, диалектизмы, литературный язык, общенародная лексика, малоупотребительная лексика

Для цитирования: Гузев Ж.М., Махиева Л.Х., Кучмезова Л.Б. Употребление регионализмов в карачаево-балкарских словарях // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 39–47. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-39-47

Белгилисича, къарачай-малкъар тил бир миллетни эки уллу ёзегини – къарачайлыланы бла малкъарлыланы – тилиди. «Къарачай», «малкъар» деген миллет атла бек эрттеден бери жюрютюледиле. XX-чы ёмюрге дери аланы тиллери тин-тилмегенди. Аны себепли, XX-чы ёмюрню ортасына дери басмаланган илму ишледе «малкъар тил», «къарачай тил», «къарачай-малкъар тил» деген терминле къатыш жюрютюлюп тургъандыла. Бусагъатда къарачай-малкъар тил бир болгъаны илмуда даулашсызды. Ол келишиюлюкню мурдорун белгили лингвист Алийланы Умарны биринчи «Карачаево-балкарская грамматика: Горско-тюркский язык» (1930 ж.) деген илму иши салгъанды [Алиев 1930]. Болсада, школ дерсликлени жарашдырыуда, бир-бир алимлени энчи монография ишлеринде, жарсыугъа «къарачай тил», «малкъар тил», «къарачай литература», «малкъар литература» деген терминле бюгюнлюкде да хайырланыладыла.

Бусагъатдагы къарачай-малкъар тилде сёзлени жюрютюлюу энчиликлерине кёре эки къауумгъа юлеширге болады: 1) битен халкъ жюрютген сёзле; 2) халкъны кесеги жюрютген сёзле.

Битен халкъ жюрютген сёзле халкъ барысы да жюрютген, ангылагъан, илму ишледе, суратлау чыгъармалада, газетледе, журналлада тюбеген, сёлешгенде, жазгъанда да бирча эркин хайырланылгъан сёзледиле.

Халкъны кесеги жюрютген сёзлеге диалект сёзле, регионализмле, усталыкъчы сёзле, терминле, жаргон сёзле саналадыла. Ала бла халкъ саулай угъай, аны бир къауумлары хайырланадыла.

Сёз ючюн, регионализмле литература тилни сёзлеридиле, алай ала бир тилде сёлешген эм жазгъан халкъны жалаанда бир жашагъан жеринде (регионда) жюрютюлюп, бирсинде уа жюрютюлмейдиле [Алиева 2006: 25]. Малкъарлылада жюрютюлмей, къарачайлылада жюрютюлген сёзле малкъарлылагъа регионализмледиле, къарачайлылада жюрютюлмей, малкъарлылада жюрютюлген сёзле уа къарачайлылагъа регионализмледиле. Алай бла, бир тилде сёлешген эм жазгъан адамланы бирлеринде жюрютюлюп, бирсилеринде жюрютюлмеген сёзлеге регионализмле деген бек керти оюм этедиле бизни алимлерибиз [Ахматова 1997; Алиева 2006; Ахматова, Гузев 2014].

Регионализмле литература сёзлени бир тюрлюсюдюле, регионладан биринде жюрютюлюп, бирсинде жюрютюлмегенлери аланы баш энчиликлериди. Литература тилни бирси тюрлюсю эки регионда да (Къарачайда бла Малкъарда) жюрютюледиле.

Аланы диалектизмден айыра билерге керекди. Диалектизмде бла халкыны жаланда бир белгили жердеде жашагъан къауумчугъу хайырланады. Аланы бир бирлери бла къатышдырыгъа жарамайды. «Диалектизмде деп, жаланда диалектде жюрютюлген сёзлеге айтадыла. Ол сёзле бла миллетни адамларыны барысы да угъай, халкыны жаланда бир кесеги, энчи жерде неда жердеде жашагъан къаууму хайырланадыла» [Кучмезова 2020: 13].

Диалект сёлешу тилде хайырланылады, ансы диалектни тилинде суратлау чыгъарма, илму иш неда башха зат жазылмайды. Аны себепли диалект сёлешу тилге жууукъду. Диалектизмде бир-бир суратлау чыгъармалада тубейдиле. Жазуучула аллай сёзлени кеслерини чыгъармаларына энчи мурат бла кийиредиле: жигитлерини сыфатларын энчилерге, халларын теренирек ачыкъларгъа итинип, аны бла бирге уа литература тилни да байыкъландырыр ючюн. Сёз ючюн, лексика диалектизмде: *ёчюлт* (малкъ.) – *джукълатыргъа* [КБРС 1989: 256] (къарач.) «гасить что; выключать (свет)», *гургун* – *кеселке* (ц-диал. «ящерица», *жугар* – *беккяхын* (б.-ч.гов.) [КъМТАС I 1996: 389, 927] «лопата», д.б. Дагъыда: *адакъа* [КъМТАС I 1996: 49], *хораз* (малкъ.лит.т.), *гузурукку* (къарач.лит.т.), *гузурук* (къарач.сёл.т.) битеу халкъ жюрютген сёздедиле. Аланы *къычырыучу*, *къыттай* [КъМТАС II 2002: 806, 803], *адакъа*, *тауукъ эркек* [КъМТАС III 2005: 403] деген синонимлери бла уа халкъ саулай угъай, аны жаланда бир кесеги хайырланады: *къычырыучу*, *къыттай*, *къызылбаш* [КъМТСС 2017: 261] деген сёзле бла басханчыла бла чегемдиле, *тауукъ эркек* деген сёз бла уа – **ч/ж** тауушла орунларына **ц/з** тауушланы жюрютюучю малкъарлыла. Быллай сёзлеге диалектизмде дейдиле. Аланы фонетика эм сёз къураучу тюрлюлери боладыла. **Фонетика диалектизмде** деп, литература сёзледен башхалыкълары тамырларында тауушлары бла байламлы сёзлеге айтадыла. Быллай диалектизмдеде литература сёзню бир неда эки тауушу башха тауушла бла, базыкъ ачыкълары назик ачыкъла бла (неда назик ачыкълары базыкъ ачыкъла бла), неда къысыкъ тауушуну орунлары алышынып жюрюйдюле, сёз ючюн: *дукъум*, *патеген* (б.-ч.гов.), *жыгъыр*, *жылан* (ц-диал.); *хёмюх*, *дюх* (м.гов.); *абзар*, *тюлюйдю* (м.гов.), д.б.

Сёз къураучу диалектизмде тамырлары литература сёзле бла бир, жалгъаулары уа аладан башха сёздедиле, сёз ючюн, литература тилде *махтанчакъ*, *серурукку* деген сёзле малкъар говорда *махтангыч*, *серрай* деп жюрютюледиле.

Лексика диалектизмде уа магъаналары литература сёзле бла келишген, алай таууш къурамлары аладан башха сёздедиле, сёз ючюн: *кифе* (м.гов.), *чага*, *къуллю* (х.-б.гов.), *юлёкъу*, *гизи* (б.-ч.гов.), *тонгуз бала*, д.б.

Лексика диалектизмлени айтылгъан, жазылгъан да литература тилдеча этип, магъаналары уа аладан башха болгъан тюрлюлери да бардыла. Сёз ючюн, *жингирик* деген сёз литература тилде «билекни ортасындан бююлген жери», малкъар говорда уа «къычырыкъ этип жилияу» деген магъананы билдиреди. Быллай диалектизмдеге **семантика диалектизмде** дейдиле.

Бир-бир сёзле уа адамны усталыгы, хунери бла байламлы боладыла. Аланы жаланда специалистле жюрютедиле, ала тынгылы биледиле. Сёз ючюн, *подвал* деп газетни бетини тубюнде уллу статьягъа айтадыла, *инъекция*, *консилиум* деген сёзле бирсиледен эсе медицинада ишлегенлеге, *гидролиз*, *коллоид* деген сёзле уа химиклеге бек белгиледиле, аланы тиллеринде кеп жюрютюледиле. Быллай сёзлеге, эсе да усталыкъ, хунер бла байламлы сёзлеге, **усталыкъчы сёзле** (профессионализмы) дейдиле.

Адамланы бир-бир къауумлары (сёз ючюн, аманлыкъчыла, студентле), кеслерини этген ишлерин билдирмез ючюн, къайсы къауумдан болгъанларын чертир ючюн, литература сёзлени орунларына аланы халкъ иги ангыламагъан синонимлерин жюрютедиле, сёз ючюн: *телик* (телевизор), *видик* (видеомагнитофон), *шпора* (шпаргалка), д.б. Быллай сёзлеге **жаргонизмде** дейдиле. Малкъар тилни кеси сёзлерини ичинде быллайла бек аз тубейдиле, сёз ючюн: *кючлю* (аламат), *шайла* (ахча), *сызгъырт*, *сыздыр* (ётюрюк айт).

Алай бла, диалектизмле, усталыкъчы сёзле эм жаргонизмле халкъны жаланда бир кесеги жюрютген сёзледиле.

Аны себепли, диалектизмлени регионализмле бла къатышдырыргъа жарамайды. Регионализмле бир тилде сёлешген халкъны башха-башха регионлада (жерледе) жашагъанлары бла байламлы жаратыладыла.

Къарачай-малкъар тилде регионализмле фонетика, сёз къураучу, лексика, морфология, лексика-семантика, лексика-грамматика, этнография къауумлагъа юлешинедиле.

1. **Фонетика регионализмле** (фонетические регионализмы) магъаналары бир кибик, алай таууш къурамларында бир бирден башхалыкълары болгъан сёзледиле. Ала тюрлю-тюрлю боладыла:

а) бир бирден бирер тауушлары башха болгъан сёзле (терминле): *киеу* (малкъ.) – *кюеу* (къарач.) «зять», *чалгъы* (малкъ.) – *чалкъы* (къарач.) «коса», *быхчы* (малкъ.) – *мыхчы* (къарач.) «пила», *тапка* (малкъ.) – *тапха* (къарач.) «полка, стеллаж»;

б) бир бирден бир ненча тауушлары кем, неда артыкъ болгъан регионализмле: *арауан* (малкъ.) – *арауун* (къарач.) «полукруглый плоский совок (для переноса огня, высыпания золы и сушки лепешек перед печением в золе)», *къарындаш* (малкъ.) – *къарнаш* (къарач.) «брат», *жауун* (малкъ.) – *джангур* (къарач.) «дождь», *иер* (малкъ.) – *ат джер* (къарач.) «лошадиное седло», д.б.;

в) къысыкъланы орунларыны алышыныуларында бир бирден башхалыкълары болгъан сёзле: *ахшы* (малкъ.) – *аихы* (къарач.) «хороший», *ахча* (малкъ.) – *ачха* (къарач.) «деньги», *къалауур* (малкъ.) – *къарауул* (къарач.) «сторож, охранник», д.б.

2. **Сёз къураучу регионализмле** (словообразовательные регионализмы) тамырлары бир, жалгъаулары уа башха болгъан сёзледиле: *бугъумуч* (малкъ.) – *бугъунчакъ* (къарач.) «прятки», *жалынчакъ* (малкъ.) – *жалыннгыч* (къарач.) «проситель, ходатай», *ачытхы* (малкъ.) – *ачытхыч* (къарач.) «закваска», *тизме* (малкъ.) – *тизим* (къарач.) «список», *малхуня* (малкъ.) – *малхыяр* (къарач.) «глупый, неумный, тупой», д.б.

3. **Лексика регионализмле** (лексические регионализмы) – магъаналары бла келишген, алай таууш къурамлары бир бирден башха болгъан сёзледиле: *ауана* (малкъ.) – *кёлекке* (къарач.) «тень», *юзмелт* (малкъ.) – *билезик* (къарач.) «готовая к прядению шерсть, ровница (при ручном прядении шерсть вытягивают в виде не тугих жгутов, которые наматываются на левую руку, а правой крутят веретено)», *сыйтамды* (малкъ.) – *хулгу* (къарач.) «мучная подсыпка», *акътерек* (малкъ.) – *бусакъ* (къарач.) «тополь / осина», *куудуш* (малкъ.) – *габдеш* (къарач.) – *гыбыдыш* (ц-диал.) «ясли, кормушка (для скота)», д.б.

4. **Морфология регионализмле** (морфологические регионализмы) – тамырлары бир, жалгъауларыны таууш къурамларында фонетика энчилик болгъанла: *илгик* (малкъ.) – *илгек* (къарач.) «петля, крючок», *чалгъы* (малкъ.) – *чалкъы* (къарач.) «коса», *томуруу* (малкъ.) – *томурау* (къарач.) «чурка, чурбан, колода», д.б.

5. **Лексика-семантика регионализмле** (лексико-семантические регионализмы) айтылыулары, жазылыулары да келишген, алай магъана жаны бла башха сёзле боладыла. Сёз ючюн, *юр* (къарач.) «дуть (на огонь и т.п.)» – «хаф-хаф эт (итни юсюнден)» (малкъ.) «лаять» эм *юфгюр* (къарач.) «задуть, погасить» – *юр* (малкъ.) «хаф-хаф эт (итни юсюнден)» «лаять; ругаться»; кийимле бла байламлы *чепкен* деген сёзню къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгюнде къарачайлылада, малкъарлылада да бирча жюрютюлмеген эки магъанасы болгъаны кёргюзюледи: 1. жюн халыдан юйде согъулгъан жагъасыз, узун эр киши тыш кийим; 2. къарач. къ. жыйрыкъ [КЪМТАС III 2005: 895–896]; *ёзен* (къарач.) «ущелье» – *ёзен* (малкъ.) «равнина»; *юр* (малкъ.) «лаять» – *юр* (къарач.) «дуть», д.б.

6. **Лексика-грамматика регионализмле** (лексико-грамматические регионализмы) жазылыулары эм айтылыулары да келишген, алай магъаналары уа келишмеген эм тилни башха кесеклери болгъан сёзледиле: *жохар* (малкъарлылада,

къарачайлылада да «зыбыр, ала къолан, тамгъалы» деген магъаналада сыфат) – *жохар* (къарачайлылада «кенг, жырыкъ чапыракълы къаты агъач» – «клён»), малкъар синоними – *юрге*) бу магъанада ат болады; къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгюнде *жыйрыкъ* (къарач. 1. жыйырылгъан «складка, оборка»; 2. «морщинистый» деген магъанада сыфат), *жыйрыкъ* (малкъ. огъары жаны, тёбен жаны да бирге къошулуп этилген тиширыу кийим «платье» [КЪМТАС I 1996: 975].

7. *Этнография регионализмле* (этнографические регионализмы) (грек тилде *ethos* «тайпа, халкъ» + *grapxo* «жазма» деген магъаналаны ачыкълайды) бир энчи жерде орналгъан адамланы жашаулары бла байламлы сёзледиле: *жалдан* (къарач.) – *гумул* (малкъ.) «квас (хлебный), получаемый после вторичного процеживания хмельной массы», *башлы* (къарач.) – *каструун* (малкъ.) «кастрюля», д.б. [Алиева 2006: 43].

Литература тилни къарачай эм малкъар тюрлюлерини жюрютюлюуери синонимлени жаратылыуларына себеплик этеди. Къарачай-малкъар тилде бир бирге синоним болгъан сёзле барысы да бирге синоним тизгинни къурайдыла. Аллай сёзле бир затны, бир белгили шартны, халны, ишни билдиредиле. Синоним тизгинлени асламысы эки, юч, тёрт, неда андан да аслам сёзден къуралады. Синоним тизгинни къураугъа регионализмле да къатышадыла, аладан бири Малкъарда, бирси уа Къарачайда жюрютюле эсе, тизгинни биринчиси башлайды: *агъач* – *чегет* (къарач.) «лес»; *айырыучу* – *сайлаучу* (къарач.) «избиратель»; *бал туз* – *шекер* – *къумшекер* (къарач.) «сахар», д.б.

Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сёзлюгюнде синоним тизгинледе сёзле керекли жорукълагъа кёре бериледиле эм стиль белгиле хайырланыладыла: *юлёкъу* 1 – *итбурун* 1 (къарач., ц-диал.) – *къуллю* (х-б.гов.); *аша* 1 – *аууслан* 1 – *къап* III 2 (сёл.т.) – *сокъ* II 4 (бош т., эр.с.) – *сюрт* VI (бош т., эр.с.) – *къыркъ* (бош т., къарач.) – *тишле*; *туй* II 1 – *сопакъла* 1 / *сопала* (къарач.) – *къылла* (сёл.т.) – *ийле* (бош т.) [КЪМТСС 2017: 9].

Тамырларыны бирчалыкъларына бла башхалыкъларына кёре, тилде синонимле эки тюрлю боладыла: 1) тамырлары бир синонимле: *къоркъ* – *къоркъун*, *кюнбатхан* – *кюнбатыш*; 2) тамырлары башха синонимле: *айбат* – *ариу* – *омакъ* «симпатичный, смазливый, красивый, нарядный», *ахшы* – *иги* «хороший». Къарачай-малкъар тилде тамырлары башха синонимле бусагъатда тинтилмегендиле. Тамырлары бир синонимлени юслеринден бир кандидат диссертация жазылгъанды [Ахматова 1997] эм энчи монография болуп басмаланганды [Ахматова, Гужев 2014].

Къарачай-малкъар тилни сёзлюклерине бир тамырлы толу синонимле бла бирге бир сёзню тюрлюлери (вариантлары) кийирилгендиле. Алай аланы бир бирден айыргъан шартла кереклисича белгиленмегендиле [СКБЯ I 2016: 163]. Сёз ючюн, толу синонимлени, тамырлары бир болгъандан сора да, жалгъаулары башхала болургъа керекдиле (*жутдай* – *жутдакай* «прожорливый, ненасытный», *бугъумуч* – *бугъунчакъ* «прятки (игра)», *тилчи* – *тилбаракъ* «клеветник, доносчик», д.б., бир сёзню тюрлюлеринде уа бир жалгъауну вариантлары боладыла: *юйренчек* – *юйренчик* «привычный», д.б.

Толу синонимлени бла бир сёзню тюрлюлерини башхалыкълары аланы магъаналарында угъай, формаларында болады. Бир тамырлы синонимлени тизмесин экиден бешге дери сёз къурай эсе (юлгюге: *бош* – *бошуна* – *бошунагъа* – *бошнакъгъа* – *бошдан*), башха сёзню тюрлюлери уа асламысында эки-юч боладыла (сёз ючюн: *кукурт* – *кюкюрт*, *къызылдым* – *къызгъылдым*, д.б.), тёрт-беш тюрлю сёзле аз тубейдиле (*ярабий* (малкъ.) – *ярабин* (къарач.) – *арабий* (сёл.т.) – *арабин* (сёл.т.) – *яраптин* (сёл.т.) «выражает любопытство, интерес, желание узнать, сомнение».

Бусагъатдагъы къарачай-малкъар тилде бир сёзню регионализмге саналгъан фонетика тюрлюлери болады: *бийик* – *мийик* (къарач.), *тамата* – *тамада* (къарач.).

Бир сѣзню тюрлюлери сѣзлюкде бир сѣзча бир жерде берилрге керекдиле, тамырлары бир синонимле уа – хар бири башха. Синонимлени тюрлюлерини арасында стиль энчиликлени тюз ачыкъларгъа, керекли жерде уа грамматика энчиликлерин да кѣргюзтюрге керек болады.

Келтирилген шартлагъа кѣре, тилде синонимлени, вариантланы, диалект сѣзлени, регионализмлени тил билимде тохташдырылгъан энчиликлерин хайырланып, бир биринден айыра билрге керекди.

Регионализмле сѣзлюкде энчи стиль белги бла кѣргюзтюледиле. Алай, алада регионализмлени къайсы сѣлешуу, къайсы бош тилни, аны бла бирге эскирген неда жангы сѣз болгъаны алыкъа бир бирден тынгылы айырылмагъанды. Регионализмлени экспрессив стиль энчиликлери къарачай-малкъар тилде тинтилмегендиле, аны себепли, ала «Къарачай-малкъар орус сѣзлюкде», «Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгюнде» да хайырланмагъандыла.

Къысхартылыула

- бош т.** – бош тилде
- б.-ч.гов.** – басхан-чегем говорда
- д.б.** – дагъыда башхала
- къарач.** – къарачайча
- къарач.лит.т.** – къарачайлылада литература тилде
- къарач.сѣл.т.** – къарачайлылада сѣлешуу тилде
- лит.т.** – литература тилде
- малкъ.** – малкъарча
- малкъ.лит.т.** – малкъарлылада литература тилде
- м.гов.** – малкъар говорда
- сѣл.т.** – сѣлешуу тилде
- х.-б.гов.** – холам бызынгы говорда
- ц-диал.** – ц-диалектде
- эр.с.** – эриши сѣз

Алынган жерлерини тизмеси

Список источников

Алиев 1930 – *Алиев У.Д.* Карачаево-балкарская грамматика (Горско-тюркский язык). Кисловодск: Крайнациздат, 1930. 197 с.

Алиева 2006 – *Алиева Т.К.* Вариантность слова и литературная норма (на материале современного карачаево-балкарского языка) Ставрополь: Ставроп. кн. изд-во, 2006. 287 с.

Ахматова 1997 – *Ахматова М.А.* Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 170 с.

Ахматова, Гузеев 2014 – *Ахматова М.А., Гузеев Ж.М.* Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2014. 128 с.

КБРС 1989 – Карачаево-балкарско-русский словарь. М.: Рус. яз., 1989. 832 с.

Кучмезова 2020 – *Кучмезова Л.Б.* Проблемы развития карачаево-балкарского языка и его диалектов. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 148 с.

КЪМТАС I 1996 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. I. А–Ж. Нальчик: Эль-Фа, 1996. 1019 с.

КЪМТАС II 2002 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. II. З–Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1171 с.

КЪМТАС III 2005 – Къарачай-малкъар тилни ангылатма сѣзлюгю (Толковый словарь карачаево-балкарского языка): в 3-х т. Т. III. С–Я. Нальчик: Эль-фа, 2005. 1159 с.

КЪМТСС 2017 – Къарачай-малкъар тилни синонимлерини сѣзлюгю (Словарь синонимов карачаево-балкарского языка). Нальчик: ООО «Печатный двор», 2017. 556 с.

СКБЯ I 2016 – Современный карачаево-балкарский язык: в 2-х ч. Ч. I. Фонетика, фонология, орфоэпия, графика и орфография, лексикология, фразеология, лексикография, морфемика, морфонология, словообразование. Нальчик: ООО «Печатный двор», 2016. 448 с.

References

- ALIEV U. D. *Karachaevo-balkarskaya grammatika (Gorsko-tyurkskij yazyk)*. [Karachay-balkarian grammar (Mountain-turkic language)]. Kislovodsk: Krainatsizdat, 1930. 197 p. (In Russian)
- ALIEVA T. K. *VARIANTNOST' slova i literaturnaya norma (na materiale sovremennogo karachaevo-balkarskogo yazyka)* [Word variation and literary norm (based on the material of the modern karachay-balkarian language)]. Stavropol: Stavropol publishing house, 2006. 287 p. (In Russian)
- AHMATOVA M. A. *Odnokorennnye sinonimy v karachaevo-balkarskom yazyke* [Single-root synonyms in the karachay-balkarian language]: diss. ... of candidate of philological sciences. Makhachkala, 1997. 170 p. (In Russian)
- AHMATOVA M. A., GUZEEV ZH. M. *Odnokorennnye sinonimy v karachaevo-balkarskom yazyke* [Single-root synonyms in the karachay-balkarian language]. Nalchik: Publishing Department of KBIGI, 2014. 128 p. (In Russian)
- Karachaevo-balkarsko-russkij slovar'* [Karachay-balkarian-russian dictionary]. Moscow: Russian language, 1989. 832 p. (In Russian)
- KUCHMEZOVA L. B. *Problemy razvitiya karachaevo-balkarskogo yazyka i ego dialektov* [Problems of development of the Karachay-Balkar language and its dialects]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of IHR KBSC RAS, 2020. 148 p. (In Russian)
- K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu* [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. I. A–Zh. Nalchik: El-Fa, 1996. 1019 p. (In Balkarian)
- K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu* [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. II. Z–R. Nalchik: El-Fa, 2002. 1171 p. (In Balkarian)
- K"arachay-malk"ar tilni angylatma sezlyugyu* [Explanatory dictionary of the karachay-balkarian language]: in 3 volumes. Vol. III. S–Ya. Nalchik: El-Fa, 2005. 1159 p. (In Balkarian)
- K"arachay-malk"ar tilni synonymlerini sezlyugyu* [Dictionary of synonyms of the karachay-balkarian language]. Nalchik: LLC «Printing yard», 2017. 556 p. (In Balkarian)
- Sovremennyj karachaevo-balkarskij yazyk* [Modern karachay-balkarian language. In 2 parts. Part 1. Phonetics, phonology, orthoepy, graphics and spelling, lexicology, phraseology, lexicography, morphemics, morphology, word formation]. Nalchik: LLC «Printing yard», 2016. 448 p. (In Russian)

Авторланы юсюнден информация

Гузеланы Ж.М. – филология илмуланы доктору, профессор, къарачай-малкъар тил секторну айырмалы илму къуллукъчусу;

Махийланы Л.Х. – филология илмуланы кандидаты, доцент, къарачай-малкъар тил секторну айырмалы илму къуллукъчусу;

Кючмезланы Л.Б. – филология илмуланы кандидаты, къарачай-малкъар тил секторну тамата илму къуллукъчусу.

Information about the authors

Zh.M. Guzeev – Doctor of Science (Philology), Professor, Leading researcher of the sector of karachay-balkarian language;

L.H. Mahieva – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Leading researcher of the sector of karachay-balkarian language;

L.B. Kuchmezova – Candidate of Science (Philology), Senior researcher of the sector of karachay-balkarian language.

Информация об авторах

Ж.М. Гузеев – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка;

Л.Х. Махиева – кандидат филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка;

Л.Б. Кучмезова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка.

Авторланы къошумчулукълары: битеу авторла статьяны хазырлаугъа бирча даражалы къошумчулукъ этгендиле.

Авторла орталарында даулашлыкъ болмагъанын белгилейдиле.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.11.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 11.11.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья
УДК 81(470.64)
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-48-55

**ЛЕКСИКО-СЕМАНТИКЭ СИСТЕМЭР:
АДЫГЭБЗЭМ И МЫХЬЭНЭБЭ ПСАЛЬЭХЭР**

Токмакъ Мадина Хьэсэнбий инхъу

Гуманитар къэхутэныгъэхэмкIэ институт – Федеральнэ къэрал бюджет шIэныгъэ луэхушIапIэ «Урысейм шIэныгъэхэмкIэ и академием и Къэбэрдей-Балъкъэр шIэныгъэ центр» Федеральнэ шIэныгъэ центрым» и филиал, Налшык, Урысей, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© Токмакъ М.Хь., 2021

Аннотацэ. Мы лэжыгъэр мыхьэнэбэ псалъэхэм адыгэбзэм шаыгъ увыпIэм теухуаш. Лексико-семантикэ системэм и зы категорэу шыткIэрэ, абы хэлъ гъэщIэгъуэнагъэхэм дытопсэлъыхь. Лэжыгъэм кышшыгъэлъэгъуаш адыгэбзэм и лексико-семантикэ системэр зэрызэхэлъыр, бзэщIэныгъэлIхэм абы теухуауэ ятхыр. Статъям кыыхыдогъэщ мыхьэнэбагъэкIэ адыгэбзэр зэрыкыулейр, мыхьэнэбэ псалъэхэм я семантикэм зэрызиужьми и гугъу дощI. Псалъэ кыыхыбахэм яIэ мыхьэнэр зэхыдогъэкI, абыхэм ди бзэм хэлъхьэныгъэу хуашIыр, семантикэ екIуэкIыкIэ зэмылIэужыгъуэ кыгъэхьухэр наIуэ кыдощI. Абы и шапхъу адыгэ тхакIуэхэм я тхыгъэхэм кыыхэха пычыгъуэхэр кыдохь. Бзэм шекIуэкI семантикэ зэхьуэкIыныгъэхэр шыIэ псалъалъэхэм нэгъэсауэ кызырыхэмьщми дытопсэлъыхь, абы и шхьэусыгъуэхэр къедбжэкIуэрэ.

Зэрыгъуэзэн псалъэхэр: лексико-семантикэ системэ, мыхьэнэбэ псалъэхэр, псалъэ кыыхыхьэ, семантикэ зэхьуэкIыныгъэхэр, лексикографии

Цитатэ кызырэхьыну: Токмакъ М.Хь. Адыгэбзэм и лексико-тематикэ системэр джыныр // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 48–55. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-48-55

Original article

**LEXICO-SEMANTIC SYSTEM:
POLYSEMY OF THE KABARDINO-CIRCISSIAN LANGUAGE**

Madina H. Tokmakova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© M.H. Tokmakova, 2021

Abstract. The article is devoted to one of the twelve categories of the lexico-semantic system of the Kabardino-Circassian language, polysemy. The most common judgments of well-known linguists about the organization of the lexico-semantic system are considered. The paper reflects the interpretation of this system used in Adyghe linguistics, developed by Professor M.L. Apazhev. The wide spread of polysemy in the Kabardino-Circassian language has been revealed. The main semasiological processes occurring in the language (expansion, narrowing of meanings), contributing to the development of ambiguity, are indicated. The role of borrowings influencing the polysemy of the Kabardino-Circassian language is shown, activating the potential capabilities of the borrowing language, generating new impulses in it to strengthen word-formation activity, to create semantic neoplasms, as well as conditions for the rapid activation of its expressive and pictorial

means. The semantic changes under study, reflecting the peculiarities of the functioning of this language, the national specifics of the Adyghe people, are illustrated by examples from fiction and other literature. The topical issue of lexicographic publications, which requires satisfactory reflection in dictionaries of semantic changes occurring in the language, is highlighted. The main reasons for this situation are named: 1) unsatisfactory organization of work on registration of neologisms, both lexico-phraseological and especially semantic; 2) lack of revised, supplemented dictionaries; 3) complexity of the very nature of semantic phenomena.

Keywords: lexico-semantic system, polysemy, borrowings, semantic processes, lexicography

For citation: Tokmakova M.H. Lexical-semantic system: polysemy of the Kabardino-Circassian language. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 48–55. (In Kabardian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-48-55

Научная статья

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: ПОЛИСЕМИЯ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мадина Хасанбиевна Токмакова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, tokmak_madina_h@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2172-5070>

© М.Х. Токмакова, 2021

Аннотация. Статья посвящена одной из двенадцати категорий лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка – полисемии. Рассмотрены наиболее распространенные суждения известных лингвистов по поводу организации лексико-семантической системы. В работе отражена используемая в адыгском языкознании интерпретация данной системы, разработанная профессором М.Л. Апажеевым. Выявлено широкое распространение полисемии в кабардино-черкесском языке. Указаны основные семасиологические процессы, протекающие в языке (расширение, сужение значений), способствующие развитию многозначности. Показана роль заимствований, оказывающих влияние на полисемию кабардино-черкесского языка, активизирующих потенциальные возможности заимствующего языка, порождая в нем все новые импульсы к усилению словообразовательной активности, к созданию семантических новообразований, а также условий для бурной активизации его выразительно-изобразительных средств. Исследуемые семантические изменения, отражающие особенности функционирования данного языка, национальную специфику адыгского народа, проиллюстрированы примерами из художественной и другой литературы. Освещена актуальная проблема лексикографических изданий – неудовлетворительное отражение в словарях происходящих в языке семантических изменений. Названы основные причины подобного положения: 1) несовершенство организации работы по регистрации неологизмов как лексико-фразеологических, так и особенно семантических; 2) отсутствие переработанных, дополненных словарей; 3) сложность самой природы семантических явлений.

Ключевые слова: лексико-семантическая система, полисемия, заимствования, семантические процессы, лексикография.

Для цитирования: Токмакова М.Х. Лексико-семантическая система: полисемия кабардино-черкесского языка // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 48–55. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-48-55

Лингвистикэ и лъэныкъуэжIи, и зэмылIэужьыгъуэ зыхэтыкIэжIи лексико-семантикэ системэм дэтхэнэ бзэми увыпIэ щхьэхуэ щилэщ. Иужьрей бзэщIэныгъэм лексико-семантикэ системэр лIэужьыгъуэ пщыкIутIу зэхегъэкI [Апажэ 1992; Апажев, Пшукова 2004]:

1. Мыхьэнэбэ псалъэхэр зыдж ІэнатІэ
2. Зэмыхьэнэгъу псалъэхэр зыдж ІэнатІэ
3. Зэпэщыт псалъэхэр зыдж ІэнатІэ
4. Ассоциатив зэхушытыкІэкІэ зэгъэпэща лексикэ гуп
5. Семантикэ зэхушытыкІэкІэ зэгъэпэща лексикэ гуп
6. ПсалъэщІкІэ къэхъуа гуп
7. Конверсие зэхушытыкІэкІэ къэхъуа гуп
8. Псалъэ нэхъыщхьэкІэ зэгуэхъэ псалъэфэхэр
9. Гипоним-гипероним зэхушытыкІэкІэ зэгъэпэща лексикэ гуп
10. ІукІэзэщхь псалъэхэр зыдж ІэнатІэ
11. Паронимие
12. Лексикэ зэгъэкІуныгыэкІэ зэпхауэ щыт псалъэхэр.

Мы лэжыгыгъэм лексико-семантикэ системэм и зы категорэм – мыхьэнэбэ псалъэхэм – дытепсэлъыхьынущ. Дыкьэзыухьуреихь дунейм сыт шыгъуи щекІуэкІ къэхъуащІэхэр бзэм кыхош. Псом хуэмыдэу мыхьэнэбэ псалъэхэм ар шыболбагъу. Абы кыыхэкІкІэ, мы лексико-семантикэ категорэм адыгэбзэм шигъуэт зэхуэкІыныгыгъэхэм ди статьям дащыкІэлыплынущ.

НэхъапэІуэкІэ датеппсэлъыхьащ лексикэ занэхэм зы псалъэ лъэпкыгыгъуэм зэрыхыхьэмкІэрэ (лексико-грамматикэ) дыкьэзыухьуреихь дунейм шыщ Іыхьэхэм ящыщ зым зэрызыдыхьэтымкІэрэ (лексико-тематикэ) гуп зэрыгъэхуэ системэхэм. Абыхэм емыщхьу, лексико-семантикэ системэм хэт гупхэр зэхушытыкІэ нэгъуэщІхэмкІэ зэпхащ: мыхьэнэбагыэкІэ, мыхьэнэ зэгъунэгъуыгыэкІэ, зы лэжыгыгъэр е зэхушытыкІэр лъэныкьуитІкІэ кызырагъэлыбагъуэмкІэ (конверсие), мыхьэнэкІэ зэрызэпэщытымкІэ, мыхьэнэкІэ зэхуэмыдэу, ауэ ятхыкІэкІэ, къэпсэлъыкІэкІэ зэрызэщхьымкІэ, ІукІэзэщхьыгыгъэкІэ, псалъэщІымкІэ, лексикэ зэгъэкІуныгыэкІэ, псалъэфэ къэгъэхуынымкІэ, семантикэрэ ассоциативнэ гупкІэ зэхуэдэныгыэкІэ.

Зэрытлыбагъуши, адыгэбзэм хэт псалъэхэм семантикэ зэхэлъыкІэ яІэщ: псалъэ къэс лексико-семантикэ гуп зэмыщхьэхэм зэрыхыхьэфым кышымынэу, лексико-грамматикэ, лексико-тематикэ, лексико-стилистикэ гуп зэхуэмыдэхэми шыщ хьуфынущ – а псори зэгъусэу шыхьэт тохьуэ лексикэр системэу зэрызэхэтым. Псом япэу лексико-семантикэ системэр хэхауэ къэзыхута Филин Ф.П. зэритхамкІэ, «бзэм и занэхэр дэтхэнэ бзэми и тхьидэ зыужыныгыгъэм и кьрикІуахэщ. Псалъэхэм дэтхэнэми езым и мыхьэнэ иІэжми, ахэр лексико-семантикэ гупым зэхушытыкІэ зэмылІужыгыгъуэкІэ щызэпхащ...» [Филин 1957: 523–538].

Ди бзэщІэныгъэлІхэм я лэжыгыгъэхэм куэдрэ лексико-семантикэ системэм кьикІыр мыпхуэдэу шагъэнаІуэ: Лексикэ-семантикэ системэм едж лексикэ занэхэм я мыхьэнэ зэхушытыкІэхэр, абыхэм къэгъэхуэ гупхэм я емыщхьыныгыгъэхэр, ахэр кызырэзэдэгъуэгурыкІуэ щІыкІэр (лексикэ парадигматикэр), бзэм и нэгъуэщІ системэхэм зэрахушытыр, мыхьэнэ зэблэхур бзэм кызырэргъэлыбагъуэ гъэпсыкІэхэр (лексикэ синтагматикэр), н. кь.

Езы фІэщыгъэм (лексико-семантикэ) къегъэлыбагъуэ ар лъэныкьуитІу зэрызэхэлъыр: лексикэ мыхьэнэмрэ грамматикэ мыхьэнэмрэ зэпыгъэщхьэхука мэхуэ, нэгъуэщІ лъэныкьуэкІи псалъэм и мыхьэнэр адэкІи гуэша мэхуэ псалъалъэ пкыгыгъуэу лъэныкьуитІ зиІэ занэ нэхь жыгъейхуэ – псалъэм и лексико-семантикэ лІэужыгыгъуэхуэ [Уфимцева 1972: 417].

Полисемиер мыхьэнэшхуэ зиІэ лексико-семантикэ категорэщ, абы къегъэлыбагъуэ лексикэ занэхэр зэпхауэ зэрышытыр, мыхьэнэбэ псалъэм и къежъапІэ мыхьэнэмрэ кытекІа мыхьэнэмрэ зэрызэкІэлыкІуэр. Щербэ Л.В. жеІэ: «НаІуэу щытщ псалъэ-гурыІуэгъуэхэм зы фонетикэ теплэбэ яІэм инэхьыбэм (омоним жыхуаІэхэр хэбгъэкІмэ) системэ зэхэлъ кызырэзэрагъэпэщыр. Псалъалъэхэм ар кышыболбагъуэ мыхьэнэбэ псалъэм и мыхьэнэхэр хьэрып цифрэкІэ зэрыщызэкІэлыыхьамкІэ» [Щерба 1974: 291].

Зы псалъэм иЕэ мыхьэнэ зэхуэмыдэхэр, зэпэжыжыу кыпшычыуми, зэпыщIауэ щытщ, зэгъусэу семантикэ зыгъэ зэхэлъ кыггэхъуу, псалъэм и семантикэ зэхэлъыкIэкIэ еджэу. Фоминэ М.И. етх: «псалъэм и къекъапIэ мыхьэнэмрэ кытекIа мыхьэнэмрэ зэрызэпхам къекгъэлабгъуэ системагъыр лексикэм зэрыщылажыр... Дэтхэнэ бзэми псалъэм я мыхьэнэхэр зэхуэдэу зэрыщызэмыпхам тещIыхъауэ жыпIэ хъунуш мыхьэнэбагъэр лексикэм и лъэпкъ нэщэнэ наIуэу» [Фомина 1990: 45]. Мыпхуэдэхэм деж бзэщIэныггэлIхэр мыхьэнэбагъэм кыщызэтемыувывIауэ абы и хабзэхэми я гугъу ящI. Псалъэм папщIэ, Будагов Р.А. желэ: «Мыхьэнэбагъэр лексикэм, бзэм зэрыщыту къапщтэм и щхьэхуэныггъэ нэхъапэхэм ящыщщ. Абы кыыхэкIкIэ псалъэ мыхьэнэбагъыр хабзэ гуэркIэ ухуауэ жыпIэ хъунуш» [Будагов 1972: 140]. Мыхьэнэбагъэм и хабзэхэр джыным Iэмал къует мыхьэнэгъэнахуэ, бзитI, нэгъуэщI псалъалъэ лIэужыгъуэхэр щызэхэплъхьэкIи, зы бзэр нэгъуэщIыбзэкIэ щызэбдзэкIкIи псалъэм и щытыкIэ щхьэхуэхэр къэбгъэлыгъуэнымкIэ.

Адыгэбзэр мыхьэнэбэ псалъэкIэ къулейщ. Псалъэм папщIэ, Апажэ М.Л. [Апажев 1992] *щхьэ* псалъэм мыхьэнэ 20-м щIигъу кыыхеггъэкI, *щысын* псалъэм – 10-м щIигъу, *зехьэн-м* – 15. Псалъэм папщIэ: *Псом япэ абы (Мурат) и адэм сэлам ирихащ, итIанэ и анэм IэплIэ иришэкIащ, иужьым и щIалэ цIыкIу къэзэфэрэзыхьыр зыбггэдишэри абы и щхьэм Iэ дилъащ...* [Къашыргъэ 1957: 13]. (*щхьэ* – Iэпкълъэпкъым щыщ Iыхьэ). *Хуцхуэри, псалъэри, шынэри сэбэп зыхуэмыхъуа Мурид, цIыхури и щхьэри илабгъу мыхьужу, дуней зытетри фIэмыIэфIыжу ХьэтIохъушыкыуей уэрамым кыдэхутэжащ* [Къэрмокъуэ 2007: 114]. (*и щхьэ* – езыр). *Иджыпстуш абы кэхъуа псори (Цыджан) и щхьэм щынэсари, зехищIыхьахэм щегунсысари* [Журт 1987: 98]. (*щхьэ* – акбыл, зэхэщIыкI). *Iэюб кылэта выгум исыр гужьеяуэ зэрыггэкIийрт, уеблэмэ шынауэ къелъэ яхэтт, езы Iэюб плIэкIэ зэрихьэрт выгур, адэкIэ-мыдэкIэ ириггэщIми* [КIышчокъуэ 1984а: 589]. (*зехьэн* – къекхьэкIын). [*Нурхьэлий жиIэу:*] *Истамбыл сыщыкIуам апхуэдэу дыщэ сыхьэт зэрахьэу слъэгъуащ* [КIышчокъуэ 1984б: 217]. (*зехьэн* – зыIэрыггагъын). *Тхьэ соIуэ, лышхуэм хуэдэу (ГъуэгулI) и шыри зэрехьэри и джэдкъазри хьарзынэмэ* [Журт 2004: 54]. (*зехьэн* – кIэлыпльын, зыхуей хуэггэзэн).

Абы нэмыщI, адыгэбзэмрэ урысыбзэмрэ зригъапщэурэ Апажэ М.Л. 300-м нэхрэ нэхьыбэ мыхьэнэбэ псалъэу зыпкърех [Апажев 1992]. ЗэхэлъыкIэкIи къалэн яггэзашIэкIи зэщхьэщыкI бзитIым я лексико-мыхьэнэ лIэужыгъуэхэм я апхуэдэ зэпэлытыныггъэр псалъалъэ зэмылIэужыгъуэхэр зэхэлъхьэным, адыгэбзэмрэ урысыбзэмрэ школым щраггаджэным, я тхыггэхэр тэмэму зэдзэкIыныггэм сэбэпышхуэ щыхуохъу. Апхуэдэ зэпэлытэныггэм дэтхэнэ бзэми я лексикэ занэхэм, лексико-семантикэ микросистемэхэм я кыызэггэпэщыкIэмрэ зэрылажэмрэ лъэпкъым и щхьэхуэныггэхэр къаIуатэ. Зи гугъу тщIа къэхутэныггэм адыгэбзэми, абы ещхь мыгурыс тхыггэщIэбзэхэми, тхыггэжыбзэхэми ирипсалъэхэм я дежкIэ мыхьэнэшхуэ иIэщ, сыту жыпIэмэ, урысыбзэм и литературэ мардэхэм нэмыщIкIэ абы и лексико-стилистикэ, лексико-грамматикэ, лексико-тематикэ, лексико-семантикэ щхьэхуэныггэхэми хеггэгъуазэ.

Семасиологием и зыужыкIэр щыбджкIэ, псом хуэмыдэу зы бзэ къудейкIэ фIэкI ущымыпсалъэкIэ, теплъэкъукIын хуейкъым лексикэ занэхэм бзэхэм я зэдэлэжэныггэм и фIыггэкIэ ягъуэт жыджэраггым, лантIаггэм, абыхэм я мыхьэнэм зэрызиубггум, н. Апхуэдэу, адыгэбзэм псалъэ кыыхыхьахэр, езы бзэм и псалъэхэм япеуэ мэхури, бзэм хэт псалъэхэм абыхэм яжь кыщIихуу мэхуэ, семантикэ екIуэкIыкIэ зэмылIэужыгъуэхэр кыггэхъуурэ. Абы и шапхьэ къэтхьынщ. ИггашIэ лъандэрэ адыгэбзэм *цей* псалъэр къаггэсэбэп «адыгэм зIуашуэ щыта щэкI пхьашэ лIэужыгъуэ» мыхьэнэ иIэу, иужькIэ абы иггэуэтащ «адыгэ фаштэм щышу шIыIутель щыгъыныггэу» мыхьэнэр. АрщхьэкIэ, *боз* псалъэр адыгэбзэм щыхыхьам, ар *цей* псалъэм гухьэри, абы и мыхьэнэ гуэри къиштащ: *бозцей* (зэрыщыт дыдэм хуэдэу зэдзэкIауэ: «бозым кыыхэщIыкIа цIыхубз щыггын») →

бостей (иджы «пллэрэ клэуэ зэпымыха цыхубз шыгын» и мыхэнэуэ). Мыбы кыриклуаш *цей* псалъэм и мыхэнэм зэхуэканыгыгэ зэригъуэтам имызакъуэу абы и псалъэщл жыджэрагъми хэщлыныр. Япэм *цей* псалъэм *пллэ*, *клэ*-хэр пыбгъэуэв хьурт: *цейпллэ*-м «клэм пылыу цыхубзхэм зыщатлагэ шыгын псынщлагъуэ», *цейклэ*-м «бгым щегъэжъауэ лъакъуэмклэ ехыу цыхубзхэм зэрахэ шыгын» мыхэнэхэр ялэу. Иджы абыхэм яплэклэ *бостейпллэ*, *бостейклэ* псалъэхэр къагъэсэбэп. Иджырей адыгэбзэм *цейпллэ*-м нэгъуэщл мыхэнэщ илэр – «цейм ищхэкклэ шылэ лыхь», *цейклэ*-м – «цейм и бгым кыщыщлэдзауэ илъабжъэм ех лыхь». Клэщлу жыплэмэ, *цейпллэ*-ри *цейклэ*-ри шыгын къэзыгъэлыагъуэ зи щхэ хушты лексикэ занэхуэ ябжыжкъым. Зи гугъу тщла шапхэм налуэ ещл бзэм хэт псалъэ щхэхуэр системэм елытауэ зэрыштыр.

Покровский М.М. жибу шытащ: «... семасиологии еклуэкныклэхэр кыбгурылуэн щхэкклэ лъэпкъым и тхыдэри и психологиери пщлэн хуейщ. Апхуэдэ шытыклэм къэхутаклуэм и къалэныр гугъу ещл, материал зэмыллэужыгъуэхэм гулыгтэхуэ хуищлын хуейуэ – а псом ушигъуэнклэри мэхуэ. Арщхэкклэ, психологиери лъэпкъым и тхыдэри бзэм кыгъэлыагъуэмэ, абы нэгъуэщл джыклэ илэккъым» [Покровский 1959:32].

Псалъэ кыыхыхэхэм мыхэнэм зиужынымыклэ, семантикэр къулей щлынымыклэ, адыгэбзэ псалъэхэм здыхэт контекстым я лэмалхэр нэхь убгъуа шыщлынымыклэ къалэнышхуэ ягъэзашлэ. Абы и щыхьэту *унафэ*, *жэуап*, *къалэн*, *щытыклэ*, *хабзэ*, *щылт*, *фальэ*, *таурыхь*, н. мыхэнэбэ псалъэхэм ягъуэта зэхуэканыгыгэхэр (мыхэнэм зиубгъуныгыгэ, абы хэщлыныгыгэ, нэхь мащлэрэ къагъэсэбэп хуныгыгэ) къэпхь хьунуш. Псалъэм папщлэ, япэм *жэуап* псалъэм «упщлэм кыпадзыж, луэхугъуэ гуэрым кыриклуэ» мыхэнэ флэкла илаккъым. Иужьклэ, «ответственность» гурылуэгъуэр адыгэбзэм убгъуауэ щыхыхьам ар *борш*, *жэуаптаклуэу щытыныгыгэ*, *къалэну щытыныгыгэ* мыхэнэхэр кыкыгу къэгъэсэбэп хуащ [РКЧС 1955: 479]. Иджы а гурылуэгъуэхэр кыралуэтэнымыклэ *жэуап*-ыр нэхьыбэрэ къагъэщхьэпэ. Зэвгъапщэ: *Абыхэм материалнэ жэуап яхь. Апхуэдэхэр жэуапым ешэлэн хуейщ.* Абы къокл куэд мыщлэу адыгэбзэ псалъалэхэм *жэуап* псалъэм «ответственность»-ри и зы мыхэнэ щыхьуну. Кыжыгтам нэрылыагъу ещл езы бзэм и псалъэхэм я семантикэм зэрызиужьыр, нэхь къулей зэрыхьур, абы нэмыщли псалъэм и псалъэщл, псалъафэ, псалъэ зэпхыгэ лэмалхэм зэрызэрагъэубгъум.

Апхуэдэкъабзэу адыгэбзэм куэдрэ къэгъэсэбэп *хабзэ*-р, «цыхухэм я зэхуштыклен хуеймрэ я псэукленумрэ теухуауэ ижь-ижьыжклэ къадэгъуэгурыклуэ дуней тетыклэ»-р и мыхэнэуэ. Абы нэмыщл, контекст здыхэтым деклуу, а псалъэм нэгъуэщл мыхэнэхэри илэ мэхуэ, псалъэм папщлэ, «умыгъэзэщлэну лэмал имылуэ къэралым игъуэва луэхугъуэ», «зэса луэхугъуэ щлыныр», «мардэ», «системэ», н. [еплэ: СКЧЯ 1999; УРКЧС 2013]. Шапхэ: *Мэжджытыр зылут Щхьэлмывэкъуэпс андэз щыцтэу и хабзэтэккъым Долэти, ар къэзылыагъум ягъэщлэгъуащ.* Клышкыуэ 1984б: 200]. (*хабзэ* – хьэл). *Хабзэу* къэралым *щагъэувам идэртэккъым сыадыгэщ е сыабазэщ, жыплэу птхыуэ.* [Клышкыуэ 1984а: 663]. (*хабзэ* – закон).

Зи гугъу тщлам нэмыщл, семантикэ зэхуэканыгыгэм хохьэ мыхэнэм хэщлыныр. Псалъэм папщлэ, *фальэ* псалъэм япэм мыхэнэ куэд илэт: «щыкыу кумб», «псы, шей с.ху. зэрыраф, къу зытемыт хьэкъушыкыу», иджы урысыбзэ флэщыгэ зилэ хьуа *банкл*, *бокал*, *пиалэ*, *стэкан* сыт хуэдэ гурылуэгъуэхэри абы хыхьэт. Иужьклэ къедбжэкла урыс псалъэхэр адыгэбзэм кыыхыхьэри *фальэм* и мыхэнэхэри нэхь мащлэ хуащ. Шапхэ: *Литр ныкыуэ банкклэ шху гуэрхэри яцэрт, ауэ абыхэми я щхьэм гъуэжыфэу зыгуэр тегъэлъэдати, ари къыщэхун дзыхь ищлаккъым (дадэм)* [Елгъэр 2005: 32]. *Мыр хуэвгъавэ, ушчылуэ нэужь къабзэу взыжы, махуэ къэс стэкан ныкыуэ зырызурэ цэ ефэгъуэ евгъафэ, – жилары* *лэзэм и къэтым удз зэмыллэужыгъуэ лэрамэишхуэ кырихар унэкум ит лэнэ хьурейм трилъхьащ* [Журт 2004: 34].

Апхуэдабзэу таурыхь псалгэм и мыхьэнэхэри кьэмэщIащ. Адыгэбзэм тхыбзэ иIэ хьуа нэужькIэ, абы хыхьэу щыта литературэдж фIэщыгэхэр – *рассказ, повесть, очерк, басня* сытхэр – мыхьэнэкIи стилистикэкIи зэщхьэщыкI хьуащ. Гуманитар кьэхутэныгэхэмкIэ институтым кьыдиггэкIа Адыгэ литературэм и тхыдэм итхэм щыщ абы и шапхьэу кьэпхь хьунуш: *Сыт хуэдэ лъэхьэнэми адыгэ (кьэбэрдей-шэрджэс) литературэм щытеницэц прозэм и жанр цIыкIуэ зэджэ рассказхэр, новеллэхэр, очеркхэр* [ИКЧЛ 2017: 23]. *Псоми зэрацIэци, новеллэр рассказым кьыщхьэщокI и композицэ, сюжет ухуэкIэкIэ* [ИКЧЛ 2017: 320]. *Адыгэ IуэрыIуатэм и нэцэнэхэр кьызыхэц пьесэхэм яцIэлъ гупсысэхэр, ахэр кьэзыIуатэ псалгэхэр цIагьыбзэ цIэлэу, басня гьэпсыкIэм тету тхащ* [ИКЧЛ 2017: 264].

Куэдрэ кьохьу псалгэхэм я кьагьэсэбэпыным хэщIыным кьыщызэтемыгывыIу ахэр нэгьуэщI псалгэкIэ яхьуэжу, псалгэм папщIэ: *зэнтхь* → *овес*, *дэфтэр* → *тетрадь*, *лъэрыгу* → *токарь*, *мыхьур* → *печать*, *хьурзэ* → *якорь*, *шэтыр* → *палаткэ*, *щыхьэр* → *столицэ*, *кьалащхьэ*, н.кь. Щапхьэ: *Шужэ портфель цIыхур фIэгьэщIэгьуэну зэтрехри* – *зыгуэрхэр дэу кьельагьу*, *ахэр кьыдиггэьэлэьмэ – пенал*, *кьэрэндац зэщымыщ*, *хьэфэтегьэкI*, *шакьалъэ*, *кьалэм*, *тетрадь* кьом... [Нало 2012: 173]. *ЦIыхубз нацхьуэ нэтIинэр Мэзкуу кьыкIауэ кьыщациIэм нэхь я гуапэ хьуащ, столицэм и гьунэгьуу псэуэ кьыщIэкIыниц, жалэу*. [Кыщокьуэ 1985: 60]. *Зауэр и кIэм нэсауэ Венгрием и кьалащхьэ Будапешт щекIуэкI уэрам зэхуэм улэгьэ щыхьуащ Ереван щыщ ермэлы зауэлI Дашян* [Кьэрмокьуэ 2004: 31].

Лексикографие лэжыгьэхэм я зэпкьырыхыныгьэм наIуэ кьещI бзэм щекIуэкI семантикэ зэхуэкIыныгьэхэр щыIэ псалгальэхэм тэмэму кьазэрыхэмыщыр. Абы щхьэусыгьуэ куэд иIэци, нэхьыщхьыщым датепсалыыхьынщ. Япэ щхьэусыгьуэр – щIэныгьэлIхэм псалгальэхэр щызэхалхьэм деж бзэм кьыхэхуа псалгэщIэ псори кьызэрызэщIамаубыдэфырщ. Ар кьызыхэкIыр абы гульытэ хуэщIын хуейм хуэдиз зэрыхуамыщIырщ е езы лэжыгьэр (лексико-фразеологии, семантикэ ильэныкьуэкIэ бзэм щIэуэ кьыхыхьахэр) ирикьуу гьэнэхуа зэрыхьурщ. Аращи, нобэрей жьабзэм, псалгэм папщIэ, щIалэгьуалэхэм, адэкIэ прессэм, радиом, телевиденэм убгьуауэ кьагьэсэбэп псалгэ куэд псалгальэхэм хэмыхьэу кьонэ. ЕтIуанэ щхьэусыгьуэр псалгальэхэр жьы зэрыхьум пыщIащ. Псалгальэхэр тIэкIу-тIэкIуэрэ жьы мэхьу, зэман зызыхьуэжым емыкIужу кьонэ, ауэ инэхьыбэм елэжыжыркьым, ирагьэфIэкIуэжыркьым икIи щIэрыщIэу кьыдагьэкIыжыркьым. Псалгэм папщIэ, адыгэбзэм и зэыздэкI псалгальэмрэ [КРС 1957], псалгэгьэнахуэ псалгальэмрэ [СКЧЯ 1999] кьыщыдэкIахэм ильэс щэныкьуэм нэблагьэ я зэхуакуш. Апхуэдэ щытыкIэр тэмэму убж хьунукьым, ар лъэпощхьэпо мэхьу бзэм и зэпкьырыхын хуей Iуэхугьуэхэм елэжынымкIэ, еджакIуэхэм папщIэ тхыль зэхэльхьэнымкIэ, зэдзэкIынымкIэ, тхакIуэхэм, журналистхэм, редакторхэм, корректорхэм, нэгьуэщIхэми я лэжыгьэр абы гугьу ещI. Аращ иджырей бзэщIэныгьэм и мардэмрэ гьащIэм щекIуэкI зэхуэкIыныгьэхэмрэ щIызэтемыхуэр. Псалгальэм и мыхьэнэр мэкIуэд, бзэм и иджырей щытыкIэр кьымыгьэьагьуэмэ. Ещанэ щхьэусыгьуэр езы семантикэ кьэхьукьащIэхэр зэхэпхуныр (зы гупым хэмыхьэ, лъэпкь зэмылIэужыгьуэхэм бзэхэри кьахыхьэжауэ) зэрымытыншым.

ЗэрытIагьуащ, бзэр лъэныкьуэкIэ псомкIи кьэхутэн хуейщ, абы урысыбзэм ижь кьызэрищIыхум кьрикIуэхэри хэту. ЩIэуэ кьыхыхьахэри Iэмал имыIэу зэпымыуэ тхыпхьэщ, картотекэ щхьэхуэ яхуэхэпльхьэкIэрэ. Апхуэдэ кьэлыгьтэныгьэм семантикэм и Iуэхугьуэ гугьухэр зыхэгьэкIыныр нэхь кьыпщигьэпсынщIэнуш, абы и системагьыр кьыхигьэщынуш.

КьызэщIэткьуэжмэ, наIуэ мэхьу адыгэбзэр сыт и лъэныкьуэкIи джа хьун щхьэкIэ, абы кьыхыхьэ урыс, нэгьуэщI лъэпкь лексикэм и фIыгьэкIэ семантикэм кьыщыхьу зэхуэкIыныгьэхэм гульытэ лей хуэщIын, псалгальэхэми ахэр нэгьэсауэ кьыщыгьэьэлэгьуэн зэрыхуейр.

ТегъэщӀаӀгъэр Список источников

- Апажев 1992 – *Апажев М.Л.* Проблемы кабардинской лексики. Нальчик: Эльбрус, 1992. 336 с.
- Апажев, Пшукова 2004 – *Апажев М.Л., Пшукова М.Х.* Структурный и функциональный анализ лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2004. 144с.
- Будагов 1972 – *Будагов Р.А.* Закон многозначности слова // Русская речь. 1972. № 3. С. 132–140.
- Елгъэр 2005 – *Елгъэр К.* Гъуэгуанэ кӀыхь. Повесть. Рассказхэр. (Длинная дорога. Повесть. Рассказы). Налшык: Эльбрус, 2005. 344 н.
- Журт 1987 – *Журт Б.* Адэжь лъапсэ. Повесть. (Отцовский дом. Повесть). Налшык: Эльбрус, 1987. 188 н.
- Журт 2004 – *Журт Б.* Унагъуэ. Роман. (Семья). Налшык: Эльбрус, 2004. 200 н. ИКЧЛ 2017 – История кабардино-черкесской литературы (на кабардино-черкесском языке). Т. 3. Нальчик: Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 508 с.
- КРС 1957 – Кабардинско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1957. 576 с.
- КӀыщокъуэ 1984а – *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплӀым шызэхуэхьэсауэ. (Собрание сочинений в четырех томах). Т. 1. Налшык: Эльбрус, 1984. 600 н.
- КӀыщокъуэ 1984б – *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплӀым шызэхуэхьэсауэ. (Собрание сочинений в четырех томах). Т. 2. Налшык: Эльбрус, 1984. 856 н.
- КӀыщокъуэ 1985 – *КӀыщокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплӀым шызэхуэхьэсауэ. (Собрание сочинений в четырех томах). Т. 3. Налшык: Эльбрус, 1985. 375 н.
- Къэрмокъуэ 2007 – *Къэрмокъуэ М.* Пшапэ зэхуэгуэ: повестхэр, рассказхэр. (Сумерки: повести, рассказы). Налшык: Эльбрус, 2007. 264 н.
- Къэрмокуэ 2004 – *Къэрмокуэ М.* Тхыгъэхэр. Ещанэ тхыль. Роман. Рассказхэр. (Избранные произведения. Книга третья. Роман. Рассказы). Налшык: Эльбрус, 2004. 536 н.
- Къэшыргъэ 1957 – *Къэшыргъэ Хь.* Насыпым и хэӀыпӀэ. (Источник счастья). Налшык: Къэбэрдей-Балъкъэр тхыль тедзапӀэ, 1957. 309 н.
- Нало 2012 – *Нало З.* Дыджым и ІэфӀыгъэ. Повестхэр. (Сладость горечи. Повести). Нальчик: Эльбрус, 2012. 368 н.
- Покровский 1959 – *Покровский М.М.* Избранные работы по языкознанию. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 382 с.
- РКЧС 1955 – Русско-кабардинско-черкесский словарь. М.: ГИИНС, 1955. 1056 с.
- СКЧЯ 1999 – Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 856 с.
- Уфимцева 1972 – *Уфимцева А.А.* Лексика // Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М.: Наука, 1972. С. 394–455.
- УРКЧС 2013 – Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013. 848 с.
- Филин 1957 – *Филин Ф.П.* О лексико-семантических группах слов // Языковедческие исследования в честь академика Стефана Младенова. София: Бълг. акад. на науките, 1957. С. 523–538.
- Фомина 1990 – *Фомина М.И.* Современный русский язык. Лексикология. М.: ВШ, 1990. 415 с.
- Щерба 1974 – *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.

References

- APAZHEV M. L. *Problemy kabardinskoj leksiki* [Problems of Kabardian vocabulary]. Nalchik: Elbrus, 1992. 336 p. (In Russian)
- APAZHEV M. L., PSHUKOVA M. H. *Strukturnyj i funkcional'nyj analiz leksiko-semanticheskoy sistemy kabardino-cherkesskogo yazyka* [Structural and functional analysis of the lexico-semantic system of the Kabardino-Circassian language]. Nalchik: Publishing House of the KBSC RAS, 2004. 144 p. (In Russian)
- BUDAGOV R. A. *Zakon mnogoznachnosti slova* [The law of polysemy of the word]. IN: Russian speech. 1972. № 3. P. 132–140. (In Russian)
- ELGER K. *Dlinnaya doroga. Povest'. Rassказы* [It's a long road. The story. Stories]. Nalchik: Elbrus, 2005. 344 p. (In Kabardino-Circassian)

- ZHURT B. *Otchij dom. Povest'* [Father's house. The story]. Nalchik: Elbrus, 1987. 188 p. (In Kabardino-Circassian)
- ZHURT B. *Sem'ya. Roman* [Family. Novel]. Nalchik: Elbrus, 2004. 200 p. (In Kabardino-Circassian)
- Istoriya kabardino-cherkesskoj literatury (na kabardino-cherkesskom yazyke)* [History of Kabardino-Circassian literature (in Kabardino-Circassian). Vol. 3]. Nalchik: Editorial and Publishing Department of IGI KBNTS RAS, 2017. 508 p. (In Kabardino-Circassian)
- Kabardinsko-russkij slovar'* [Kabardian-Russian dictionary]. Moscow: GIINS, 1957. 576 p. (In Kabardino-Circassian and In Russian)
- KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah. T. 1.* [Collected works in four volumes. Vol. 1]. Nalchik: Elbrus, 1984. 600 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah. T. 2.* [Collected works in four volumes. Vol. 2]. Nalchik: Elbrus, 1984. 856 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHOKOV A. *Sobranie sochinenij v chetyrekh tomah. T. 3.* [Collected works in four volumes. Vol. 3]. Nalchik: Elbrus, 1985. 375 p. (In Kabardino-Circassian)
- KARMOKOV M. *Sumerki: povesti, rasskazy* [Twilight: stories, stories]. Nalchik: Elbrus, 2007. 264 p. (In Kabardino-Circassian)
- KARMOKOV M. *Izbrannye proizvedeniya v 3-h t. T. 3.* [Selected works in 3 volumes. Vol. 3]. Nalchik: Elbrus, 2004. 536 p. (In Kabardino-Circassian)
- KESHYRGYE H. *Istochnik schast'ya* [The source of happiness]. Nalchik: Kabardino-Balkarian book edition, 1957. 309 p. (In Kabardino-Circassian)
- NALO Z. *Sladost' gorechi. Povesti* [The sweetness of bitterness. Stories]. Nalchik: Elbrus, 2012. 368 p. (In Kabardino-Circassian)
- POKROVSKY M. M. *Izbrannye raboty po yazykoznaniju* [Selected works on linguistics]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1959. 382 p. (In Russian)
- Russko-kabardinsko-cherkesskij slovar'* [Russian-Kabardian-Circassian dictionary]. Moscow: GIINS, 1955. 1056 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)
- Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka* [Dictionary of Kabardino-Circassian language]. Moscow: Digora, 1999. 856 p. (In Kabardino-Circassian and In Russian)
- UFIMTSEVA A. A. *Leksika* [Lexica]. IN: General linguistics. The internal structure of the language. M.: Nauka, 1972. P. 394–455. (In Russian)
- Uchebnyj russko-kabardino-cherkesskij slovar'* [Educational Russian-Kabardino-Circassian dictionary]. Nalshyk: Elbrus, 2013. 848 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)
- FILIN F. P. *O leksiko-semanticheskikh gruppah slov* [On lexico-semantic word groups] // Linguistic studies in honor of academician Stefan Mladenov. Sofia: Бълг. acad. on Naukite, 1957. P. 523–538. (In Russian)
- FOMINA M. I. *Sovremennyj russkij yazyk. Leksikologiya* [Modern Russian language. Lexicology]. Moscow: Higher School of Economics, 1990. 415 p. (In Russian)
- SHCHERBA L. V. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. L.: Nauka, 1974. 427 p. (In Russian)

Авторым теухуауэ

Токмакъ М.Х. – филологие щӀэныгъэхэмкӀэ кандидат, адыгэбзэ секторым и лэжъакӀуэ нэхъыжь.

Информация об авторе

М.Х. Токмакова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка.

Information about the author

M.H. Tokmakova – Candidate of Science (Philology), Senior researcher of the sector of the Kabardino-Circassian language.

Статья поступила в редакцию 05.10.2021; одобрена после рецензирования 21.10.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 05.10.2021; approved after reviewing 21.10.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья

УДК 398.8+ 398.22

DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-56-64

ОБРАЗ И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЕРОИЧЕСКОЙ ПЕСНИ В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Адам Мухамедович Гутов¹, Ляна Адамовна Гутова²

^{1,2} Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук». Нальчик, Россия

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

² adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Гутов, Л.А. Гутова, 2021

Аннотация. В статье рассматривается характер построения песенного текста в младшем эпосе адыгов (черкесов). Предпринята попытка установить характер связи цикла из сказания и песни о наезднике Гудаберде из рода Азепш с реальной действительностью и, опираясь на это, определить место вероятного события, а также ориентировочное время возникновения произведения. Отмечаются структурные связи песни и сопровождающего ее предания, жанровые особенности создания художественного образа, поэтического языка и системы звуковой организации художественного текста. В частности, определяется роль предания как источника информации, которое избавляет эпического певца от обязательности соблюдения последовательного изложения событий, что позволяет сконцентрироваться на их эмоционально-эстетической оценке. Также на конкретных примерах устанавливаются особенности связи плана выражения с функциями и содержанием. Устанавливается роль таких приемов версификации как аллитерация, анафора, параллелизм, пантумная композиция. Рассмотрение эпического текста в комплексе всех его составляющих позволяет заключить, что достаточно выраженная функциональная дифференциация между прозаическим сказанием и песней способствует созданию подлинно художественного поэтического текста.

Ключевые слова: эпический цикл, функция, структура, аллитерация, пантум, параллелизм, суггестия

Для цитирования: Гутов А.М., Гутова Л.А. Образ и структурные особенности героической песни в адыгском эпосе // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 56–64. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-56-64

Original article

THE IMAGE AND STRUCTURAL FEATURES OF THE HEROIC SONG IN THE ADYG EPOS

Adam M. Gutov¹, Lyana A. Gutova²

^{1,2} Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia

¹ adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7526-3719>

² adam.gut@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3072-2234>

© А.М. Gutov, L.A. Gutova, 2021

Abstract. The article discusses the nature of the construction of a song text in the younger epic of Adygs (Circassians). An attempt was made to establish the nature of the connection of the cycle from the legend and songs about Gudaberд's rider from the genus Azeps with real reality and, relying on it, determine the place of likely event, as well as the approximate time of the work. The structural links of the song and the accompanying legend, the genre features of creating an artistic image, poetic language and the system of sound organization of artistic text are noted. In particular, the role of legend as a source of information is determined, which eliminates the epic singer from the obligation to comply with the consistent presentation of events, which allows to concentrate on their emotional and aesthetic assessment. Also on specific examples, the features of the connection of the expression plan with functions and content are established. The role of such versification techniques as alliteration, anaphora, parallelism is established, the pantum composition. Consideration of the epic text in the complex of all its components allows to conclude that a fairly pronounced functional differentiation between the prosaic legend and the song contributes to the creation of a truly artistic poetic text.

Keywords: epic cycle, function, structure, alliteration, pantum, parallelism, suggestion

For citation: Gutov A.M., Gutova L.A. The image and structural features of the heroic song in the Adyg Epos. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 56–64. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-56-64

Отсутствие концевой рифмы, характерное для традиционной адыгской народной песни, изначально стимулирует насыщение стиха приемами звуковой организации поэтического текста. Это успешно замещает и ритмообразующую функцию рифмы, и ее эстетическую роль. Естественно, при том, что это носит характер общей закономерности, в каждом конкретном случае структура текста и его образная система имеют свои отличия, обусловленные темой и ситуацией отраженной в песне. В данном плане считаем интересным рассмотреть один из довольно популярных и в художественном отношении развитых циклов, песню и сказание о герое Гудаберде, сыне Азепша. Он был довольно популярен в Кабарде, и только в фонотеке ИГИ КБНЦ РАН имеется более десятка звукозаписей – песни вместе с сопровождающим ее преданием, только песни или только предания (некоторые из записей повторные у тех же исполнителей). Впервые полный цикл был записан А.Т. Шортановым в экспедиции 1949 г. в исполнении Аслангери Кушхабиева (85 лет) в с. Арик Терского р-на КБАССР [ФАИГИКБНЦРАН: м/касс. 447/10]. Впоследствии песня и предание записывались несколько раз. Тексты от разных информантов весьма близки между собой, Это объяснимо тем, что бытование цикла локализуется в Кабарде, в отличие от большинства произведений, которые предположительно возникли не позднее конца XVIII в. Это свидетельствует о вероятно близком общем источнике имеющихся записей, поэтому мы не считаем необходимым обращаться ко всем материалам, достаточно использовать те, которые являются наиболее полными с точки зрения словесного искусства и представляют интерес для раскрытия темы настоящего исследования.

Но прежде, чем приступить к анализу поэтического текста, нам придется изложить некоторые общие суждения и основные опорные моменты предания, так как по стержневой практической функции оно представляет собой объяснение ситуативного контекста возникновения песни. По данной причине предание порою содержит такие важные подробности, знакомство с которыми обязательно для полноты восприятия текста песни. А.А. Максидов отмечает, что род, к которому принадлежит герой песни и предания, относится к знатному аристократическому разряду уорк-диджинуго. В первой половине XIX в., клан Азепш владел селением на правом берегу Терека, хотя ни большими богатствами, ни сильным влиянием в обществе его представители не обладали. Их родовое селение просуществовало до середины XIX в., сами они являлись вассалами князей рода Татлостан. Родоначальником фамилии А.А. Максидов считает некоего Азапша, а время его жизни датирует серединой XVIII в. [Максидов 1997: 78–287]. Судя по таким отдельным

атрибутам как упоминание Крымского ханства, лук и стрелы как оружие, цикл возник по мотивам событий, произошедших никак не ранее середины XVIII в., когда лук со стрелами как метательное оружие было в широком употреблении, а Крымское ханство еще не было присоединено к Российской империи. Поскольку циклы подобного рода возникают по горячим следам событий, в указанную исследователем пору жил не сам родоначальник, а герой песни, Гудаберд из рода Азепша. Более верных ориентиров ни в самом цикле, ни в иных материалах не имеется, однако указанные атрибуты устойчиво присутствуют во всех записях песни и сказания. Изложенного достаточно, чтобы несколько «удревнить» время жизни и легендарного Азепша и, соответственно, Гудаберда, который представляет более младшую ветвь в родословном древе фамилии. Если даже допустить, что герой не отдаленный потомок Азепша, а его родной сын (что вряд ли вероятно, поскольку фамилией часто могло стать имя более отдаленного предка, а не отца), то сам родоначальник должен был жить гораздо раньше времени, указанного А.А. Максидовым. В данном случае выражение «Азэпш и кьэ» – «Азепшев сын» означает, в соответствии с традиционной формой идентификации, не что иное, как принадлежность героя к роду Азепш, но не указание на отца.

Событийная основа цикла в наиболее исчерпывающей полноте отражена в публикации Зарамука Кардангушева, неутомимого собирателя, знатока и уникального исполнителя произведений адыгского фольклора [Адыгэ уэрэдыжхэр 1979: 177–183]. В изложенной им версии предания, как и практически во всех известных вариантах, все началось с того, что князь из рода Татлостан начал домогаться интимных отношений с молодой невесткой из уоркского (дворянского) рода Тхипце, женой его же вассала. Когда владелец стал проявлять чрезмерную настойчивость, женщина поведала об этом своему мужу. Тот, не долго думая, заманил любвеобильного князя в глухой лес и со своими братьями там с ним и расправился. Гудаберд Азепш, возвращавшийся тем лесом из похода, оказался невольным очевидцем этой сцены. Надо заметить, что согласно обычному праву адыгов, убийство князя признавалось одним из самых тяжких преступлений. Даже в случае, когда вся вина фактически лежит на убитом, чаще всего такое деяние каралось смертью, причем не всегда одного только князеубийцы. Об этом свидетельствуют достоверные сведения: «...по кабардинскому обычному праву лицо, покушавшееся на жизнь князя, будет непременно истреблено с целым семейством» [Леонтович 1882: 184]. С другой стороны, согласно неписаному кодексу чести, доносительство считалось таким постыдным делом, что ни один уорк, да и всякий уважающий себя член общества, не стал бы ни при каких обстоятельствах выдавать чужую тайну. Поэтому герой дал обет молчания и строго держал слово. Однако ситуация сильно усложнилась тем, что в округе стали упорно распространяться слухи, будто только такой дерзкий наездник как Азепшев сын Гудаберд мог решиться поднять руку на князя. Гордый воин не мог опуститься до оправданий и объяснений, тем более, до раскрытия вверенной ему тайны. И когда атмосфера достигла определенного накала, он решил покинуть родину. Но в тот момент у него не было такого надежного коня, который смог бы преодолеть предстоящую долгую дорогу, и он нашел выход – обратиться к своему верному другу, осетину из рода Кобан, который без лишних расспросов предоставил ему породистого скакуна «кобановского белого коня». Вначале, видимо, Гудаберд надежно спрятал своих двух сестер, затем сам отправился в добровольное изгнание в ханский Крым, где никто не стал бы его искать.

На новом месте он, человек расторопный, умный и благородный, быстро завоевал признание окружающих. Со временем его авторитет в обществе стал настолько высоким, что ни одно важное дело в обществе не решалось без его ведома, совета или прямого участия. Это задевало самолюбие местной элиты, и некоторые горячие головы задумали расправиться с чужаком, пришедшим неведомо откуда и вознесшимся выше коренных жителей. Однако один мудрый уважаемый человек

из их же среды, узнав об этом, призвал к себе заговорщиков и подсказал им, как, не проливая кровь столь достойного человека, можно легко избавиться от него. Просто отныне надо называть его не по имени, а словом «гость», и тогда он, человек достаточно разумный, сам покинет этот край. Так оно и получилось: когда каждый при встрече начал называть его гостем, Гудаберду несложно было понять, что здесь хотят от него избавиться. Но не мог настоящий наездник в такой ситуации покинуть принявшее и отвергающее его общество с опущенной головой, как побежденный. И он нашел способ удалиться, но с достоинством.

В том краю был обычай – в определенный день в году устраивать большие празднества с состязаниями, на которых победителю преподносился в награду напиток в золотой чаше с бриллиантами, чаша эта была местной реликвией, которой очень дорожили. Такой день был уже близок, и герой дождался его, принял участие в состязаниях, где с блеском одержал победу. Как и положено в соответствии с обычаем, победителя были вынуждены чествовать и преподнести ему ритуальный напиток. Гудаберд принял напиток, поблагодарил присутствующих за оказанное ему гостеприимство и устроенный праздник, произнес тост, соответствующий случаю, выпил содержимое чаши, но затем вместо того, чтобы вернуть ее хозяевам, пришпорил коня и поскакал прочь, унося реликвию с собой, как трофей.

Легко уйдя на резвом скакуне от погони, он преодолел путь до Кабарды и возвратился на родину. Сначала он вернул коня своему другу-осетину, а в благодарность подарил ему привезенную с собой драгоценную чашу. Затем герой направился ночью в гостиный дом, хачеш, братьев Тхипце и заявил им, что, покрывая их, он столько лет скитался добровольно на чужбине, но теперь обстоятельства вынуждают его возвратиться домой и переложить на них самих тяжкий груз; пусть они возьмут на себя собственное бремя и сами решают, как быть дальше. Братья между собой не нашли иного выхода, кроме как поступить с ним так же, как с князем. Но вовремя предупрежденный Гудаберд успел сбежать от них и той же ночью объявился прямо в хачеше самих Татлостановых. Гость, если даже он кровный враг, являлся персоной священной, и трогать его хозяева не решились. Сам же он не нарушил своего обета, а вместо доноса или пространных объяснений спел сложенную им очистительную песню, из содержания которой было очевидно, что он не виновен. Она выполнила свое назначение, так как вера в слова, вложенные в песенный текст, была незыблемой. Однако и тайна князеубийства оставалась нераскрытой. На вопрос старейшины рода Татлостан относительно того, что тому известно о гибели князя, герой посоветовал тут же наутро объявить всенародный сход по случаю раскрытия тайны князеубийства: по тому, кто не явится, и можно будет определить убийцу. Так и было сделано, но Тхипцевы еще ночью собрали свои пожитки и к тому времени успели скрыться со всей семьей.

Из нескольких вариантов песни мы выбрали один, который в поэтическом отношении наиболее предпочтителен своей художественной завершенностью. Он напечатан в сборнике народных песен, составленном З.П. Кардангушевым с подробными комментариями и указанием учителя, от которого был усвоен текст (Мыша Кардангушев, старший брат составителя и певца [Адыгэ уэрэдыжкхэр 1979: 50–52, 177–183]. Еще один вариант, к которому мы будем обращаться, был записан в 1965 г. с голоса потомственного носителя фольклорной традиции Амирхана Хавпачева и опубликован в многотомном музыкальном академическом издании [Народные песни... 1990: 360–363]. Расхождения между ними незначительны, как, впрочем, и с другими записями (главное различие в полноте текста и музыкальной фактуре).

Как это типично для песни с очистительной функцией, по форме ее текст представляет собой исповедальный монолог героя и преподносится от первого лица. Также характерно, что ритмико-интонационный остов образуется из полнозначных слов в сочетании с лексическими образованиями, призванными прежде

всего просто поддерживать заданный ритм, поэтому их семантика не всегда имеет существенное значение. Это порою звуковые комплексы наподобие «ой», «ой да», «гой еси» и т.п. в песнях восточных славян, хотя иногда такие «огласовки» также могут иметь выраженную эмоционально-оценочную окраску. Таковы, например, слова «махуэ» (махо – букв. *день, свет, счастье*), «мыгъуэ» (муго – букв. *несчастье, горе, неудача*), а также производные слова и звуковые комплексы от того и другого (в рассматриваемом тексте таков слово «сармахо»). Будучи употребительными в качестве ритмизирующих слов, они нередко привносят в контекст и часть своего автологического значения, но, возможно, и с новым акцентом. Здесь, слово «сармахо», несмотря на корневой аффикс –*махо*, обретает оттенок сожаления или сетования по поводу неблагоприятных обстоятельств, тем самым создавая общую минорную тональность.

Весь текст песни не представляет собой связного изложения событий. Он характеризуется мозаичным сочетанием отдельных эпизодов. Но даже в свете этого диссонансом звучит упоминание в первом стихе топонима: «Канжаловых стрел наконечники <громом> гремят...». Заметим, что «Къэнжал» / «Канжал» – адыгское название горы Кинжал в недалеке от самого Эльбруса: в той местности кабардинцы в 1708 г. нанесли крымскому войску сокрушительное поражение (документально подтвержденный исторический факт). Можно было бы предположить, что называние ее связано с тем, что герой принимал участие в данном сражении, однако вряд ли профессиональный воин бежал бы добровольно в страну, против которой он недавно воевал. Поэтому упоминание горы не имеет прямого отношения к данному сюжету. Скорее всего, событие, ставшее фактической основой цикла, или имело место во времена, когда память об этом сражении была еще свежа, или же данный топоним вошел в текст песни позже истории с убийством, как одно из следствий устного бытования. Данный стих, как и следующий за ним («С соколиным оперением стрелы летают») не связан прямо с содержанием ни песни, ни предания, если не считать в последующем упоминания Крымского ханства, куда герой ушел от преследования, чтобы, спустя время, вернуться домой. Полагаем, что оба поэтических стиха выполняют не информативную функцию, а роль своеобразного эмоционального камертона: то, что наконечники стрел издают грозный громовый гул, а их оперения – это соколиные перья, иносказательно указывает на богатырскую мощь, воинскую атрибутику и высокий статус хозяина. Все вместе представляет совокупность знаков особого социального положения героя, каковым и должен представляться в эпосе идеальный носитель рыцарского этикета. Заодно названные два первых поэтических стиха образуют параллельную конструкцию:

Канжальской стрелы головка <грозно> гремит –
С соколиным опереньем стрелы летают [Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 50].

По сути, раскрытие основной темы начинается со следующего и последующих стихов (приводим только семантически однозначные слова):

Дариихум и быдэри зи джанэ,
Урыху и банэри зи гъуэгу...[Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 50].
Тот, у кого светлого прочного шелку сорочка,
Тот, у кого <через> Урухские колючие <заросли> дорога...

Это конкретный фрагмент общей картины. Примечательна контрастная характеристика выделяемых предметов: *сорочка из прочного шелка* и *путь по колючему кустарнику*. Поймы рек северного склона гор Кавказа нередко зарастали такими густым лесом облепихи (высокого кустарника, покрытого острыми колючками),

что пробраться сквозь них оказывалось делом непростым, если выполнимым. И каким бы прочным ни был шелк, он всего навсего ткань, обреченная быть изодранной этими колючками. Отсюда несложно представить себе, что случилось с сорочкой из «светлого прочного шелка» после прохождения сквозь подобные заросли: казалось бы, яркого традиционного поэтического тропа в приводимой фразе нет, но при этом образ трудного пути весьма выразительный.

Обратим внимание на характерную насыщенность текста приемами звуковой организации. Обнаруживаются и аллитерация на звуки *-р-*, *б-*, дифтонг *-ху-*, повтор, а также позиционно обозначенный повтор притяжательного местоимения *зи* и звукового комплекса *-анэ-* в смежных строках (для наглядности все случаи использования приемов эвфонии выделены нами системой сходных обозначений). Также выразительна и локализация некоторых аллитерирующих звуков: созвучия на *-р-* и *-ху-* располагаются в начальной части первого и последующего стиха, образуя анафорическую пару, *б-* и комплекс *-эри* занимают стержневую позицию середины стиха, наконец близкие по звучанию слова «джанэ» в первом и «банэ» во втором стихе будто довершают целую систему эвфонии. Венчается архитекtonика стиха названной нами синтаксически параллельной конструкцией, образуемой при посредстве местоимения «*зи*». Подобными приемами объединяются фактически все 24 поэтических стиха песни.

В данном тексте примечателен еще один более пространный фрагмент (также приводим только подстрочный перевод, который, надеемся, с очевидностью передает отмечаемую нами особенность оригинала):

Чтобы не доносить, я край свой покидаю...
 Не убив князя, я получаю прозвание убиший князя...
 <Относительно> убишего князя, **мои глаза повинны** (т.е., глаза видели)...
Мои глаза повинны хотя, **рук моих вины нет**
 (т.е., сам не причастен)...
Рук моих вины нет хотя, язык мой не доносит...
 <И> чтобы не доносить, край свой покидаю...

[Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 50–52].

Рамочной композицией органично сочетаются шесть поэтических стихов (при дословном повторении первого в конце тирады), объединенные так называемым пантумом (термин, предложенный В.М. Жирмунским [Жирмунский 1975: 475]): в последующем стихе повторяется концевая часть фразы предыдущего стиха или же в смежных строках стих предыдущей повторяется в начале последующей. По сути, это то же, что и *анадиплосис* или, как иногда его называют, *подхват*, *подхватная рифма* (повтор в последующем стихе звука или звукосочетаний из концовки предыдущего), но здесь повторяется не звук, даже не одно слово, а целое сочетание слов, образующих полустихие. Из таких повторов создается тирадная цепочка, состоящая из нескольких поэтических стихов. При этом здесь «обрамление» играет особо важную роль, т.к. несет основную мысль всей песни – утверждение невиновности героя, а заодно – его верности рыцарскому кодексу. В тексте песни фраза-стих повторяется еще раз; в совокупности – троекратно. В версии А. Хавпачева упоминание о «непричастных руках» отсутствует, поэтому тирада утрачивает логическую стройность и становится короче на один стих [Народные песни... 1990: 361].

Технические приемы, наиболее употребительные в данной песне, это отмеченные *анадиплосис* (если условно принять пантум за его разновидность) и аллитерация, примеры которых мы находим и в приведенных фрагментах, как и во всем тексте. В сочетании с анафорой, ассонансом и параллелизмом они успешно компенсируют отсутствие рифмы и не менее эффективны с точки зрения эстетической

организации текста. В данном случае это оказывается особенно важно, поскольку песня по форме не столько эпическая, сколько героико-лирическая, согласно терминологии, предложенной З.М. Налоевым [Налоев 1986: 34]. Текст не имеет стройного сюжета, т.к. в нем особой нужды и нет, так как событийная канва со всей ясностью изложена в прозаическом сказании, поэтому на долю песни достается полная свобода эмоционально-оценочной реакции на упоминаемые происшествия. Они в тексте фигурируют как уже известные и в большей степени несут эстетическую функцию, нежели информативную. Это как бы опорные моменты самого явления, важные как для слушателя, так и для автора / исполнителя, вернее – лирического героя. Помимо указаний на невиновность Гудаберда в тексте воздается должное верности в дружбе «сына Кобановых», а также достоинствам кобановского коня, так же, как и настойчивости родственников убитого князя.

Заслуживает быть отмеченным единство содержания и структурных особенностей текста в концовке песни:

Чтобы не доносить, я в *Крым* отправляюсь...
Крымское поселение поселением **большим** было...
Из **большой** золотой чаши я там **выпиваю**...
Содержимое **выпиваю**, да с собой сосуд (букв. *содержащее*) уношу ...
А сосуд кто уносит – это Кобановых белый конь могучий...
Большую золотую чашу я Кобановым приношу
[Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979: 51–52].

В варианте А. Хавпачева также нет последнего стиха приводимого текста. Этот штрих, который можно было бы принять за технический пропуск, заметно влияет на содержание: в одном случае информативная часть завершается восхвалением «кобановского белого коня», в другом – преподнесением дорогого подарка хозяину скакуна в благодарность за оказанную услугу: расстановка акцентов значительно влияет на содержание.

Мы постарались передать в русском переводе и обозначить дифференцированными графическими знаками своеобразную эстафету, посредством которой относительно большой фрагмент текста воедино скрепляется формой выражения, несмотря на мозаичность содержания. Завершающим аккордом фоники текста является повторное упоминание в последнем стихе «большой золотой чаши», что по смыслу служит логическим заключением всей песни как монолога героя.

Такая комплексная звуковая организация поэтического текста – от аллитерации и ассонанса до пантума, подхвата (анадиплосиса) и параллелизма – в сочетании с музыкальной фактурой служит созданию произведения, весьма совершенного в эстетическом отношении. Характерно при этом, что в тексте песни фактически нет ни одного оригинального эпитета или метафоры. Такие маркированные слова и сочетания, как «нэбэжэКэшэ» – «стрела с соколиным оперением», «шыпху цыкIуитI» – «две сестрички», «пщIэгъуэлэфI» – *добрый белый конь* и т.п., естественно, следует отнести к разряду банальных определений, каковых в тексте большинство. Это также свойственно песням, основная практическая функция которых – очистить героя от навета, восстановить его доброе имя в глазах общества: главной задачей песнетворца (по сути – лирического героя) является не отступить от правды, аккумулировать в песне достоверную информацию, которая способна отстоять доброе имя личности. Однако это не становится препятствием для обращения к иносказаниям, для использования приема суггестии. Близки к этому, например, отмеченное выше упоминание о сорочке «светлого прочного шелка» и «колючем кустарнике», а также о дороге, глядя на которую у сестер героя «глаза утомились» – как иносказательное обозначение долгого пути. Один из немногих подлинных эпитетов – определение кобановского коня как «крутошеего», этим

отмечается его мощь и чистопородное происхождение, чему адыги придавали особое значение.

Необычная для народной песни скудость поэтического языка несколько не отражается негативно на ее эстетическом воздействии. Происходит это не только благодаря мелодии и исполнительскому искусству певца и голосового или инструментального сопровождения, но также в немалой мере в результате использования различных способов эвфонии в сочетании с иносказаниями, смысл которых раскрывается во всей художественной значимости благодаря сопровождающему прозаическому сказанию. В нем находят свое объяснение упоминаемые в песне эпизоды, ситуации, личности, а также прямые или косвенные упоминания о поступках и знаковых жестах персонажей. Главная практическая задача героя – своей песней вызвать у адресата устойчивые эмпатические чувства. Это ему удается при посредстве песни, которая сохраняет элементы сакральности, и поэтому информация, переданная в ней почитается без сомнения правдивой. Так органическим сочетанием «информативного» по функции прозаического сказания, эмоционально-выразительного поэтического текста и приемов звуковой организации песенного текста создается информативно насыщенный и эстетически состоятельный эпический цикл.

Список источников

Адыгэ уэрэдыжьхэр 1979 – Адыгэ уэрэдыжьхэр (Адыгские народные песни). Нальчик: Эльбрус, 1979. 224 с.

Жирмунский 1975 – *Жирмунский В.М.* Теория стиха. Л.: Сов. писатель, 1975. 664 с.

Леонтович 1882 – *Леонтович Ф.И.* Адагы кавказских горцев: Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. Одесса: Тип-я П.А. Зеленого, 1882. 437 с.

Максидов 1997 – *Максидов А.А.* Хапцей. Пшичо. Азапшей. Семейная энциклопедия. Нальчик: Эль-Фа, 1997. 352 с.

Налоев 1986 – *Налоев З.* Героические величальные и плачевые песни адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. С. 5–34.

Народные песни... 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. III. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 488 с.

ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

References

Adyge ueredyzh 'her [Adyg folk songs]. Nalchik: Elbrus, 1979. 224 p. (In Adyghe)

ZHIRMUNSKIJ V. M. *Teoriya stiha* [Verse theory]. Leningrad: Soviet writer, 1975. 664 p. (In Russian)

LEONTOVICH F. I. *Adaty kavkazskih gorcev: Materialy po obychnomu pravu Severnogo i Vostochnogo Kavkaza* [Adats of the Caucasian highlanders: Materials on the customary law of the North and East Caucasus]. Issue 1. Odessa: Typography of P. A. Zeleny, 1882. 437 p. (In Russian)

MAKSIDOV A. A. *Harcej. Pshicho. Azapshej. Famil'naya enciklopediya* [Harcei. Pshicho. Azapshi. Family encyclopedia]. Nalchik: El-Fa, 1997. 352 p. (In Russian)

NALOEV Z. *Geroicheskie velichal'nye i plachevye pesni adygov* [Heroic magnificent and lamentable songs of the Chircassians]. IN: *Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov* [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Vol. III. Part 1. Moscow: Soviet composer, 1986. P. 5–34. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. Vol. III. Part 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 488 p. (In Russian)

Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Phonoarchive of the Institute of humanitarian researches of the Kabardino-Balkarianscientific center of the Russian academy of sciences]. (In Adyghe)

Информация об авторах

А.М. Гутов – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора адыгского фольклора КБИГИ;

Л.А. Гутова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора адыгского фольклора КБИГИ.

Information about the author

A.M. Gutov – Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher, Adyghe Folklore Sector, KBIGI;

L.A. Gutova – Candidate of philological sciences, senior researcher in the Adyghe folklore sector of KBIGI.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 06.11.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 06.11.2021; approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья
УДК 398,2
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-65-73

ТРИКСТЕРСКАЯ МОДЕЛЬ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИХ СКАЗКАХ О ЖИВОТНЫХ

Лейла Созакбайовна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2021

Аннотация. В произведениях устного народного творчества разных народов трикстериада занимает весьма весомое место. Данная статья посвящена анализу персонажей-зверей карачаево-балкарских сказок о животных, репрезентирующих архетип трикстера. Отмечается, что сказки являются не просто народной выдумкой, или прозаической переработкой мифов, но также и типическим воссозданием реальности, вернее, эстетически мотивированным отношением к этой реальности. Дается обоснование появления архетипического образа трикстера в зооморфных сказках карачаевцев и балкарцев как героя из архаической мифологии. В работе обосновывается значимость героя-трикстера в исследуемых рассказах. Изучаются основные поведенческие стереотипы антигероев. В статье освещается проблема построения трикстерских трюков на нескольких действиях-предикатах в карачаево-балкарских анималистических рассказах по схеме Е.М. Мелетинского.

Автор обращает внимание, что в анализируемых сказках о животных использование трюков дает возможность проследить сближение ролей зооморфного трикстера, который одновременно может быть и героем, и победителем, и жертвой, и убийцей. Он может позиционироваться как существо, поступками которого руководят такие инстинкты как: голод, злость, алчность, желание посмеяться над кем-то. В исследовании дается акцент на то, что в трюковых сюжетах наличествуют два центра – трикстер и антагонист, которые в фольклорных текстах к тому же иногда меняются местами.

Ключевые слова: трикстер, трюк, мифология, сказки о животных, антагонист

Для цитирования: Гергокова Л.С. Трикстерская модель в карачаево-балкарских сказках о животных // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 65–73. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-65-73

Original article

THE TRICKSTER MODEL IN THE KARACHAY-BALKARIAN ANIMALISTIC FAIRY-TALES

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2021

Abstract. In the works of oral folk art of different peoples, the tricksteriad occupies a very significant place. This article is devoted to the analysis of the animal characters of the Karachai-Balkarian fairy tales about animals, representing the trickster archetype. It

is noted that fairy tales are not just folk fiction, or a prosaic reworking of myths, but also a typical recreation of reality, or rather, the relationship to this reality. The substantiation of the appearance of the archetypal image of the trickster in the zoomorphic tales of the Karachais and Balkars as a hero from archaic mythology is given. The article substantiates the significance of the trickster hero in the stories under study. The main behavioral stereotypes of antiheroes are studied. The article highlights the problem of constructing trick tricks on several predicate actions in Karachai-Balkarian animalistic stories according to the scheme of E.M. Meletinsky.

The author draws attention to the fact that in the analyzed animal tales, the use of tricks makes it possible to trace the convergence of the roles of the zoomorphic trickster, who can simultaneously be a hero, a winner, a victim, and a murderer. He can be positioned as a creature whose actions are guided by such instincts as hunger, anger, greed, the desire to laugh at someone. The study focuses on the fact that in trick plots there are two centers – the trickster and the antagonist, which, in addition, sometimes change places in folklore texts.

Keywords: trickster, trick, mythology, animalistic fairy-tales, antagonist

For citation: Gergokova L.S. The trickster model in the karachay-balkarian animalistic fairy-tales. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 65–73. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-65-73

Как известно, фольклорные произведения (сказки, мифы, легенды и др.) являются неотъемлемой частью любого языкового сообщества. Бесспорно, прав в своем высказывании А.И. Никифоров, что «Сказка – один из популярнейших жанров фольклора, имеющий более чем столетний период научного собирательства и изучения. Общее количество собранных вариантов в международном масштабе исчисляется десятками тысяч вариантов. Сказка – едва ли не важнейший в смысле исторической давности и, следовательно, исторической ценности вид фольклора» [Никифоров 2008: 70]. На различных стадиях формирования сказка у разных народов, в разные эпохи выполняла многообразные функции, и расценивались не одинаково. Следовательно, значимость аналогичных, иногда одинаковых по содержанию фольклорных тестов исторически всегда отличалась.

Сказки о животных мало заботятся о правдивости. Главными сюжетами, наследием мифологического времени, для анималистических сказок по Костюхину является трикстериада: «Основной путь формирования животного сказочного эпоса – циклизация повествовательного материала вокруг зооморфного трикстера, теряющего сакральное значение» [Костюхин 1987: 64]. Появившись и проявив себя в мифах, трикстерское начало утвердилось в карачаево-балкарском сказочном животном эпосе. Считается, что подобные рассказы, рождались из наблюдений над животными первобытных людей, воспринимаясь последними по аналогии с человеческим социумом. «Уже тотемические мифы показали, как резко расходятся манеры и поступки мифологических и реальных животных. В сказках о животных положение не меняется: фигуры трикстеров предельно условны и насколько реальным фактам не соответствуют» [Костюхин 1987: 64].

В энциклопедических изданиях значение слова «трикстер» означает (от англ. *trick* – «хитрость», «обман», «фокус») – это обманщик, хитрец, плут, ловкач, добивающийся своих целей при помощи ловкого трюка» [Мифы... 2014] «...трикстер – человек или животное, отличающееся коварством, хитроумием, способностью к перевоплощениям. При этом в более развитых мифологиях трикстер зачастую понимается как второй творец мира или существо, которое сотворенный мир испортило (типичный пример – змей-искуситель из христианской мифологии)» [Королев 2021: 6].

Трикстер является одним из центральных образов, бытующих в своих различных проявлениях на всех этапах человеческой культуры. Со временем разум у людей развивается, и человек уже может осознавать категории как добро и зло. «По мере расширения сознания образ трикстера все же включается в осознаваемую часть мира, и, таким образом, в мифологию» [Королев 2021: 7].

Трикстер по своей природе бессистемен и безразличен последствиям своих проделок. Интриги, которые он строит, абсолютно бесцельны. Данный герой может совершать поступки как во благо другим персонажам, но так же и во вред. Все зависит от обстоятельств на тот момент, когда совершается действие. Следовательно, образ трикстера амбивалентен: один и тот же персонаж в сказках может выступать в роли героя и антигероя (трикстера).

Главными персонажами трикстерских циклов в анималистических произведениях фольклора являются обычные животные и птицы, насекомые и растения. В сказочных произведениях они в основном предстают как маленькие и слабые персонажи, которые хитростью и смекалкой одолевают более сильных. Люди всегда боялись необычного и непонятного больше чем опасного, но знакомого. Мы привыкли видеть в этих вымышленных произведениях зло в определенном нечеловеческом облике, чему полной противоположностью является облик добра, что давало нам возможность разграничить эти два понятия. Но спустя время, человек понял, что зло может встречаться и под маской добра и красоты.

Следовательно, общим для всех сказок мира является борьба добра со злом. Это обусловлено развитием самосознания и мировосприятия народа. Поэтому двойственный и неоднозначный образ трикстера стал популярен в животном эпосе изучаемого этноса. Образ трикстера в карачаево-балкарских анималистических сказках, встречается часто. В произведениях фольклора о животных он появляется в большинстве случаев в соперничестве между героями, и в результате их встречи глупый остается обманутым, иногда и убитым. Например, в сказке «Чычханни жомагъы» – «Сказка о мышонке» кот является героем-трикстером. Он обманом собрал всех мышей, а потом их всех перебил.

«Келген чычханланы юйге жыяды да киштик, тегереклерин цемент бла бегитеди. ... Мен хаджиликни ташладым, Эски кюйню башладым, – деп, башлайды кесип» – «Всех пришедших к нему мышей, кот собрал вместе и замуровал вокруг них цементом. ... Я отказываюсь от совершения хаджа, Начинаю старую песню, – сказав, начал их губить» [КъМФС III 2017: 653].

Во многих подобных сказочных историях в карачаево-балкарском фольклоре главными персонажами выступают трикстер и другие животные: ёжик, конь, верблюд, перепелка, но основными персонажами оказываются волк и лиса. Главным трюком трикстера является спор между ним и его противником. «Во всех трюках при всем их внешнем разнообразии складывается одна и та же ситуация: успех трикстера полностью зависит от действий антагониста, и потому его собственные действия направлены на то, чтобы, маскируя свои цели или предлагая антагонисту мнимые цели, моделировать его ответные реакции, управлять его поведением в выгодном для себя направлении. Для этого он, однако, должен все время учитывать не только свои интересы, но и интересы антагониста (второго субъекта), его цели, желания, мотивации, способы действовать [Кулешов 2007: 214]. Например, в сказке «Как лиса перехитрила волка» лиса одолевает волка, благодаря собственной ловкости и хитрости.

«Захотелось и волку сделаться лучшим среди волков, он и просит лисицу:

- Научи меня, как мне из серой шерсти сделать чёрную?
- Хорошо, – говорит лисица, – иди за мной.

Привела она его к большому костру и говорит:

- Прыгай через костёр!

Волк разбежался, прыгнул, угодил в огонь и сгорел. Посмеялась лисица над участью глупого волка» [НСБК 2003: 30–31].

В исследуемом фольклорном жанре часто встречаются сказки, где трикстер проигрывает своему находчивому антагонисту. Примером вышесказанному является сказка «Верблюд и лиса». Здесь лиса, увидев верблюда, пасущегося на лугу, решила хитрой уловкой сделать его своей добычей. Она убедила верблюда, что

степь принадлежит ей, и обещала привести свидетеля, который подтвердит ее слова. Встретив на пути волка, она уговорила его стать ее сообщником, а после полакомиться верблюжатиной. Но все пошло не по ее плану:

« – Раз так, – говорит верблюд, – то придётся мне уйти отсюда. Мне чужого ничего не нужно. Я вот нащипал травы, не все успел проглотить – она у меня во рту, – даже и ее я хочу вернуть хозяйке. Я сейчас открою рот, а ты, волк, достань эту траву.

Верблюд широко раскрыл рот. Только сунул глупый волк свою голову в рот верблюду, тот схватил его накрепко зубами» [НСБК 2003: 27].

Одним из основных сюжетов карачаево-балкарских сказок о животных является поиск способов, способы добывания пищи героями. То есть животные с постоянным чувством голода, все время пытаются найти пропитание. Между ними разгорается спор, заканчивающийся победой трикстера, который путем обмана, хитростью одолевает всех остальных персонажей.

Примером служит карачаево-балкарская сказка «*Айыу, бёрю, кызыл тюлкю*» – «Медведь, волк и рыжая лиса» [КъМФС III 2017: 663], где, образ лисы, являясь более слабым, среди других персонажей, все же побеждает всех. В начале сказки все звери предстают перед читателем как друзья, но когда их одолевает голод, дружба исчезает. Первой жертвой лисы становится волк, которого она вместе с медведем съедают. Потом лиса обманывает и медведя, сделав его слепым и немощным. «Смысловую нагрузку этих текстов составляют предикаты добывания, отчуждения и похищения, которые предполагают, кроме основной роли героя-добытчика, еще и роль его антагониста, т.е. хранителя объекта или соперника в потреблении добычи. На них, в основном, и направлены действия трикстера, который, чтобы облегчить себе доступ к объекту, стремится устранить контрагента или ограничить его активность. Средством этого устранения на поверхностных уровнях текста и оказываются трюки, обеспечивающие трикстеру его успех» [Новик 1993: 93].

На первый взгляд, кажется, что действия трикстера очень просты. Он или обманывает, или сам становится жертвой обмана. Но если обратиться к сюжету сказок, то понятно, что обстоятельства применения обмана, на самом деле сложные. Для данного действия должны быть вовлечены два или более участников («*Айыу, бёрю, тюлкю*» – «Медведь, волк, лиса» [КъМФС III 2017: 605], «*Бёрю, тюлкю, ат*» – «Волк, лиса, конь» [КъМФС III 2017: 716]). В сложившейся ситуации драматургия события создается с помощью диалога, что сопровождается определенной последовательностью действий-трюков.

Известный ученый Е.М. Мелетинский представил на анализе образа ворона, что трикстерские трюки, строятся на нескольких действиях-предикатах: мнимая угроза, мнимая приманка, коварный совет, подстрекательство, раздраживание, мнимая смерть, мнимое родство, мнимая слабость и т.д. Цель этих действий трикстера – добыча объектов [Мелетинский 1979].

Развивая идеи Е.М. Мелетинского, исследователь Е.С. Новик, в своей статье «Структура сказочного трюка» отмечает, что для отдельных «трюковых сюжетов характерна симметрия, превращение антагониста в пищу для себя / превращение себя в пищу для антагониста» [Новик 1993: 139].

Так, для достижения своей цели антагонист маскируется под доброжелателя, тем самым заманивает жертву в ловушку: он меняет роль, и убеждает противника, что перед ним друг. Трикстер обещает жертве помощь или вознаграждение. Например, в сказке «*Киштик бла чычханла*» – «Кот и мыши» [КъМФС III 2017: 631] кот, правдоподобными обещаниями, обманом выманивает мышей из норы и всех их съедает.

«Киштикни зорлугундан чычханла тауусулуп кылыргъа жетгендиле. Чычханла жыйылгъандыла да оноулашхандыла: киштик болгъан жерге бармазгъа,

анга кёрюнемезге. Киштик ашаргъа аш тапмай, кыйналып тебирегенди. Айлана-журой кетгенди да, чычханлагъа баргъанды. Чычханла тышына чыгъаргъа унамагъандыла.

Киштик айтханды:

– Сиз менден нек къркъбасыз? Мен кесим этген кёп терсликлерими Аллахха кечдирир ючюн Меккагъа хажиликге барама.

Чычханла ийнанмагъандыла. Киштик ант этгенди.

– Бизге тиймезге айт, – дегендиле.

Киштик:

– Аллах бла ант этеме – тиймем, – деп сёз бергенди» – «Из-за кошачьего угнетения мыши чуть совсем не исчезли. Мыши собрались и договорились: никогда не ходить туда, где есть кот, и не показываться ему. Кот, не находя еду, начал мучиться. Ходил-бродил и пошел к мышам. Мыши отказались выходить наружу (из норки).

Кот сказал:

– Почему вы меня боитесь? Я, чтобы искупить перед Аллахом многие свои грехи, иду в Мекку в хадж.

Мыши не поверили. Кот поклялся.

– Поклянись нас не трогать, – сказали.

Кот:

– Клянусь Аллахом, не трону, – сказав, дал слово».

Понятно, что в основе действий лукавого кота лежит обман. Хотя, то действие-обещание, совершенное котом, и является элементарным, но трикстер этим достигает своей цели.

В исследуемых фольклорных произведениях у каждого героя имеются свои трюки для одурачивания. Отдельные приемы оказываются уникальными для конкретного персонажа. Так, например, лиса притворяется, что ходит в гости к родственникам, а сама каждый раз съедает часть жира. Чтобы без жалости съесть коня, лиса и волк вступают в сговор, или же кот в угоду себе двусмысленно формулирует свою речь, чтобы обмануть свою потенциальную жертву, мышей, лиса обращается к противнику с льстивой речью и т.д.

Итак, можно отметить, что все трикстерские модели, выделенные Е.М. Мелетинским при рассмотрении палеоазиатского мифа о Вороне, присущи и для карачаево-балкарской анималистической сказки. Для этого посмотрим, как работает трикстерская модель в указанных сказках о животных.

– *мнимая угроза* (Лиса пугает врагов, что за ней идет войско):

«Тюлкюнню кёрюп бир-бирине:

– Бу бек иги къабынчыкъ боллукъ эди, – дейдиле.

Тюлкю уа аланы бу сёзюн эшитип, кеси да къркъгъандан къалтырай:

– Сиз мени ашай-ашай туурсуз. Алай ол келе тургъан халкъны кёремисиз, – дейди эмегенлеге.

– Не этедиле ала? – деп сорадыла эмегенле.

Тюлкю уа:

– Сизни ёлтюрюрге келедиле, – деп къркъутады эмегенлени.

– Да биз не этейик сора? – деп, сорадыла дагъыда эмегенле.

– Сиз а ол салам тюбюне киригиз, – деп, тюлкю алайда саламны кёргюзтеди. –

«Увидев лису, сказали друг другу:

– Она бы стала лакомым кусочком.

Лиса, услышав это, дрожа от страха, сказала великанам:

– Вы меня еще успеете съесть, но вы видите народ, который идет сюда?

– Что они хотят? – спросили великаны.

А лиса:

– Идут, чтобы вас убить, – сказав, испугала великанов.

– Что нам теперь делать? – спросили еще великаны.

– Вы спрячьтесь под этим стогом сена, – сказав, лиса показала стог сена. Как только великаны спрятались там, лиса подошла к стogu и сожгла великанов» [КъМФС III 2017: 579]

– *мнимая приманка* (Лиса заманивает медведя обратно в ловушку):

– Айыу, сен а къалайда, къалай тагъылып эдинг?

«Айыу баугъа кирди, къарт да барып, аны сынжыр бла, алгъын болгъаныча, жерине такъды. Сора тюлкю бла къарт, бауну эшигин, айыу чыкъмазча, къаты бегитдиле.

Айыу а энтгада ол баудан чыгълалмагъанды, дейдиле [КъМФС III 2017: 588] – «– Медведь, а ты где и как был закован?

Медведь зашел в сарай. Старик пошел и заковал его цепью в том же месте, где и раньше был прикован. Потом лиса и старик хорошо закрыли двери сарая, чтобы медведь не вышел.

А медведь, говорят, до сих пор не может выйти из этого сарая».

– *коварный совет* (Лиса убеждает медведя, что нужно съесть свои глаза, чтобы утолить голод);

«– Эй, жууугъум, тюлкю! Ол чайгъанагъанынг неди? Манга да къапдырсанг а, – деп тиледи.

– Да, чайнап а, не чайнарыкъма, ачдан кёзюмю чайнай турама. Кёзюнг а сени да барды, – деп къойду.

Ол ач болуп тургъан айыу аны эшитгенде, кёзюн къармап алды да, къапды. Чайнады-чайнады, бир да татыуун ангыламады.

– Да сен телими болгъанса? Сол кёзюн къапхан тёре боламыды? Онг кёзюнгю къапчы, татыууну кёрюрге, – деди.

Айыу кибик деп, бошму айтылгъанды. Ол жазыкъ мондай тюлкюге ийнанды. Онг кёзюн да чыгъарып къапды да, энди ажымсыз толу сокъур болду» [КъМФС III 2017: 601] – «– Эй, родственница лиса! Что это ты жуешь? Угости меня тоже, – сказав, попросил.

– Да, жевать, что я могу жевать, от голода жую свой глаз. А глаз и у тебя есть, – сказала.

Когда голодный медведь это услышал, выковырял свой глаз и откусил. Жевал-жевал, но вкуса так и не понял.

– Ты что с ума сошел? Разве есть такая традиция: есть левый глаз? Съешь правый глаз, тогда почувствуешь вкус».

Неспроста в народе говорят «глуп как медведь». Этот несчастный простак поверил лисе. Выковырял, съел и правый глаз, теперь он и вправду полностью ослеп».

– *коварный совет* (Лиса советует другим лисам опустить хвосты в воду и держать их там, пока рыба не клюнет, при этом спасает себя от волка):

«Къуйрукъларыгъызыны суугъа жиберигиз. Алагъа чабакъла илинип ауур болурла. Ол заманда къуйрукъларыгъыз бла тартып, чабакъланы чыгъарыгъыз да ашагъыз. Сора семиргенни кёрюрсюз, – деп къызындырды.

Тюлкюле керти да бир алаамат болабыз деп, бузгъа жатып, къуйрукъларын суугъа жибергенлеринде, терк окъуна къуйрукълары бузлайдыла. Ой, энди чабакъланы чыгъарып ашайыкъ деп сыгъынып-сыгъынып тартадыла да, бузлагъан къуйрукълары юзюлюп-юзюлюп чыгъадыла» [КъМФС III 2017: 602] – «Опустите свои хвосты в воду. Когда к ним прицепятся рыбы, они станут тяжелыми. Тогда потяните хвосты, вытащите рыбу и ешьте. Тогда увидите, как потолстеете, – сказав, заинтересовала.

Лисицы, подумав, что и вправду прекрасно заживут, легли на лед и опустили хвосты в воду. Очень быстро хвосты примерзли. Ой, теперь вытащим и съедим рыб, думая, поднатужившись, потянули, примерзшие хвосты выходили оторванные».

– *подстрекательство* (Лиса подговаривает медведя идти за звуком палочки, которую потом бросает в пропасть. За ней падает и медведь):

«– Мен аллынгда чырпыны жерге кьагъа барайым. Сен да аны тауушу бла ызындан келирге кюреш.

Экиси да тебиредиле. Тюлкую барады чырпы бла жерни кьагъа, аны тауушу бла айыу да ызындан бара, бир кьяа киришге жетдиле. Тюлкую кючбюсюреди: «Бу манга ким болады? Мен муну ызымдан тагып нек айланлыкъма. Бу манга не берликди? Андан эсе кьампайтып этинден бир иги тойсам иги тойюлмюдо», – деп чырпыны тыхырдатып киришден энишге атды. Чырпыны шыхырдагъан тауушуну ызындан сокъур айыу да секирди. Ёлюп талагъа чулгъанды» [КъМФС III 2017: 601] – «–Я пойду вперед тебя, стуча прутиком. И ты по стуку постарайся идти вслед.

И вдвоем отправились в путь. Лиса шла, стуча по земле прутиком, медведь тоже шел вслед по шуму, так дошли до бровка отвесной скалы. Лиса, недовольная: «Кто он для меня? Зачем я должна таскать его за собой. Что он мне может дать? Не лучше ли мне убить и хорошо наесться его мяса? – сказала, постучала прутиком и бросила его вниз. Вслед за звуком прутика упал и слепой медведь. (Медведь) мертвый упал на поляну».

– *раздразнивание* (Лиса раздразнивает родителей детей, чтобы они побежали спасать их, а дальше совершалось действие, которое она спланировала, для достижения своей цели):

«Ары жетип, ол сабийлени аталарына-аналарына былай айтады: «Эй, аланла! Неге олтуруп турасыз, сизни жашларыгъыз бир-бирлери бла тойюшюп, бири-бирини башларын тешип, жилий турадыла.

Андан аталары-аналары, жабы-жуба, хахай этип, жашла ойнай тургъан жерге чабып башлайдыла» [КъМФС III 2017: 633] – «Добравшись туда, она рассказала их отцам и матерям: «Эй, люди! Что вы здесь сидите, ваши сыновья, подравшись друг с другом, разбив друг другу головы, плачут там!»

Тогда отцы и матери подсуетились, с криком бросились к тому месту, где играли их сыновья».

– *мнимая смерть* (Лиса притворяется мертвой, чтобы обмануть чабана):

«Къойла къатына жете баргъанлай, тюлкую, Зондарны букъдуруп, кеси уа, сюрюучюню туурасына чыгъып, ёле тургъан маталлы этип, тыпырдап башлады» [КъМФС III 2017: 684]. – «Как только они начали приближаться к овцам, лиса, спрятав Зондара, сама упала как умирающая перед взором чабана, и стала дергаться».

В определившихся обстоятельствах герои карачаево-балкарских сказок о животных действуют с помощью обмана, который проявляется в разнообразных формах. Как правильно отметил В.Я. Пропп, что обман является «основным композиционным стержнем» сказок о животных [Пропп 2000: 370]. В подобных произведениях фольклора встречаются разные формы одурачивания, благодаря которым, персонажи-трикстеры добиваются своей цели. «Он не совершает трюки просто для забавы, он всегда корыстен, мстителен и голоден. Однако истории о нем могут вызвать у нас смех над его безграничной глупостью или жадностью» [Платицина 2016: 204]. Это дает им выразить свое превосходство над более сильными противниками, чем они сами.

Таким образом, на основании анализа карачаево-балкарских анималистических сказок мы видим, что трикстером может быть практически каждое животное. Можно отметить, что главные черты такого персонажа хитрость, подлость, лукавство иррациональность поступков, плутовские проделки, благодаря которым, он может удовлетворить такие инстинкты как голод, алчность, жадность и любопытство и т.д. Чаще всего трикстер стремится добыть жену, еду, осуществляя функции культурного героя, но при этом нередко и сам остается одураченным.

Нерешительный в своих намерениях персонаж-трикстер всегда проигрывает своему противнику: герою не слишком долго размышляющему. Очень часто трикстер применяет трюк попросту для того, чтобы над кем-то подурочиться и посмеяться. Иными словами, одной из важных черт, которая выделяет ряд трикстерных персонажей, является то, что один и тот же герой способен разыгрывать разные роли, но это не может скрыть проявление его изнаночного состояния.

Список источников

- Королев 2021 – *Королев И.Е.* Животные-трикстеры в сказках // Юный ученый. 2021. № 8 (49). С. 5–11.
- Костюхин 1987 – *Костюхин Е.А.* Типы и формы животного эпоса. М.: Наука, 1987. 271 с.
- Кулешов 2007 – *Кулешов Р.Н.* Функциональное значение образа трикстера в архаической традиции // Аналитика культурологии. 2007. № 1 (7). С. 214–218.
- КЪМФС III 2017 – Кърачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Кърачай-малкъар жомакъ (Свод карачаево-балкарского фольклора. Т. 3. Карачаево-балкарская сказка) / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с. URL: <http://www.kbgi.ru/fmedia/3-Свод-карач-балк-фольк.pdf> (дата обращения: 18.05.2021).
- Мелетинский 1979 – *Мелетинский Е.М.* Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 223 с.
- Мифы... 2014 – Мифы народов мира: энциклопедия. М.: ОЛМА, 2014. 304 с.
- Никифоров 2008 – *Никифоров А.И.* Сказка и сказочник. М.: ОГИ, 2008. 376 с.
- Новик 1993 – *Новик Е.С.* Структура сказочного трюка // От мифа к литературе. М.: РОУ, 1993. С. 139–152.
- НСБК 2003 – Народные сказки балкарцев и карачаевцев. М.: Российский Архив, 2003. 256 с.
- Платицина 2016 – *Платицына Т.В.* Животные-трикстеры в мифологии североамериканских индейцев // Вестник бурятского государственного университета. 2016. Вып. 2. С. 202–208.
- Пропп 2000 – *Пропп В.Я.* Русская сказка. М.: Лабиринт, 2000. 416 с.

References

- KOROLEV I. E. *Zhivotnye-trikstery v skazkah* [Trickster animals in fairy-tales] IN: *Yunyj uchenyj* [Young scientist]. 2021. № 8 (49). P. 5–11. (In Russian)
- KOSTYUHIN E. A. *Tipy i formy zhivotnogo eposa* [Types and forms of animal epos]. Moscow: Science, 1987. 271 p. (In Russian)
- KULESHOV R. N. *Funkcional'noe znachenie obraza trikstera v arhaicheskoy tradicii* [Functional significance of the trickster image in the archaic tradition]. IN: *Analitika kul'turologii* [Analytics of culturology]. 2007. № 1 (7). P. 214–218. (In Russian)
- K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K"arachaj-malk"ar zhomak"* [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / executive editor H. H. Malkonduiev. Nalchik: Editorial and publishing department of IHR KBSC RAS, 2017. 990 p. URL: <http://www.kbgi.ru/fmedia/3-Svod-karach-balk-folk.pdf> (date of access: 05.18.2021). (In Balkarian and in Russian)
- MELETINSKIY E. M. *Paleoaziatskij mifologicheskij epos. Cikel Vorona* [Paleoasian mythological epic. The Raven Cycle]. Moscow: Science, 1979. 223 p. (In Russian)
- Mify narodov mira* [Myths of the peoples of the world]: encyclopedia. Moscow: OLMA, 2014. 304 p. (In Russian)
- NIKIFOROV A. I. *Skazka i skazochnik* [Fairy-tale and storyteller]. Moscow: OGI, 2008. 376 p. (In Russian)
- NOVIK E.S. *Struktura skazochnogo tryuka* [The structure of a fabulous trick]. IN: *Ot mifa k literature* [From myth to literature]. Moscow: ROU, 1993. P. 139–152. (In Russian)
- Narodnye skazki balkarcev i karachaevcev* [Folk fairy-tales of balkarians and Karachais]. Moscow: Russian Archive, 2003. 256 p. (In Russian)

PLATICINA T. V. *Zhivotnie-triksteri v mifologii severoamerikanskih indeicev* [Trickster animals in North American Indian mythology]. IN: *Vestnik buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Buryat State University]. 2016. Issue 2. P. 202–208. (In Russian)

PROPP V. YA. *Russkaya skazka* [Russian fairy-tale]. Moscow: Labyrinth, 2000. 416 p. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science Philology, Senior researcher of the sector karachay-balkarian folklore sector.

Статья поступила в редакцию 01.11.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 01.11.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья
УДК 398
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-74-83

МАЛЫЕ ЖАНРЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ФОЛЬКЛОРА: ИСТОРИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Фаризат Хасановна Гулиева (Занукоева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© Ф.Х. Гулиева (Занукоева), 2021

Аннотация. В статье освещаются история, современное состояние и перспективы изучения одного из сегментов карачаево-балкарского устного народного творчества – так называемых малых жанров. Отмечается, что данный обобщающий термин вошел в национальную фольклористику относительно поздно. В связи с этим вопрос о том, какие именно жанры входят в обозначенную группу, все еще не решен до конца. Одни исследователи (Т.М. Хаджиева) толкуют данный термин слишком широко и обозначают данным понятием все виды устных изречений (в том числе крылатые выражения, толкования снов и т.п.), другие авторы предлагают рассматривать в данном сегменте лишь пословицы, поговорки и загадки (Т.Ш. Биттирова). В то же время в трудах большинства исследователей (А.З. Холаева, Х.Х. Малкондуева, А.И. Караевой и др.) указанные группы произведений в основном рассматривались в качестве самостоятельных жанров. Исходя из опыта предшественников и опираясь на специфику наличного материала, в работе предлагается относить к малым жанрам пословицы, поговорки, загадки, благопожелания и проклятия (с призывающими к ним клятвами). Подчеркивается крайняя неоднородность не только в уровне изученности, но даже в степени фиксации произведений, объединяемых данным термином, что актуализирует активизацию научно-исследовательской деятельности в обозначенной сфере национальной фольклористики.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, малые жанры, терминология, классификация, паремии, афористические жанры

Для цитирования: Гулиева (Занукоева) Ф.Х. Малые жанры карачаево-балкарского фольклора: история и перспективы изучения // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 74–83. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-74-83

Original article

SMALL GENRES OF KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE: HISTORY AND PERSPECTIVES OF STUDY

Farizat H. Gulieva (Zanukoeva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, gfariza37@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8883-4613>

© F.H. Gulieva (Zanukoeva), 2021

Abstract. The article highlights the history, current state and perspectives of studying one of the segments of karachay-balkarian oral folk art – the so-called small genres. It is noted, that this generalizing term entered national folklore study relatively late. In this regard, the question of which genres are included in the designated group is still not

fully resolved. Some researchers (Т.М. Hadzhieva) interpret this term too broadly and designate with this concept all types of oral sayings (including idioms, interpretation of dreams, etc.), other authors suggest considering in this segment only proverbs, sayings and riddles (Т.Ш. Биттирова). At the same time, in the scientific works of most researchers (А.З. Холаев, Н.Н. Малкондуев, А.И. Караева, etc.) these groups of works were mainly mentioned fragmentarily and were considered as independent genres. Based on the experience of predecessors and relying on the specifics of the available material, it is proposed to classify proverbs, sayings, riddles, well-wishes and curses (with adjoining oaths) as small genres. The extreme heterogeneity is emphasized not only in the level of study, but even in the degree of fixation of the works, united by this term, which actualizes the intensification of scientific research activities in the designated area of national folklore study.

Keywords: karachay-balkarian folklore, small genres, terminology, classification, paremias, aphoristic genres

For citation: Gulieva (Zanukoeva) F.H. Small genres of karachay-balkarian folklore: history and perspectives of study. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 74–83. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-74-83

Карачаево-балкарский фольклор характеризуется значительным жанровым богатством и тематическим разнообразием. Он включает в себя как довольно крупные формы (нартские сказания, сказки, несказочная проза), так и лаконичные, но в то же время крайне емкие жанры. Именно последние, объединяемые обобщающим обозначением «малые жанры», и история их изучения представляют для нас интерес в данной работе.

Термин «малые жанры» вошел в национальную фольклористику относительно недавно. До появления сборника Т.М. Хаджиевой «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» (1996) такой сегмент в устной словесности данного этноса в трудах национальных исследователей не выделялся. Так, в «Очерке истории карачаевской литературы» и «Очерках истории балкарской литературы» в разделах, посвященных фольклору, по-отдельности рассматриваются пословицы и поговорки, загадки, благопожелания [Караева 1966: 21–25] и пословицы и поговорки, загадки [Холаев 1981: 29–31]. Подобная картина наблюдается и в других, в том числе и более поздних по времени изысканиях [Караева 1961: 22–27; Малкондуев 2010: 17]. Соответственно, карачаево-балкарские фольклористы все еще не пришли к единому мнению о том, какие именно жанры должны входить в обозначенную группу. Так, Т.М. Хаджиева в своей вступительной статье «*Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыклары*» – «Народно-поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев» к числу малых жанров относит благопожелания и проклятия (*алгышыла бла къаргышыла*), клятвы (*антла*), табу, запреты (*ырысла*), приметы, поверья, предзнаменования, толкования снов (*белгиле, илишанла, жоралаула*), пословицы и поговорки (*нарт сёзле бла нарт айтыула*), крылатые слова (*къанатлы сёзле*), загадки (*элберле*) [Хаджиева 1996: 6]. В другой, более поздней своей работе, исследовательница несколько меняет состав: заговоры (*тюкюрмешле / тюкюрюуле, алгышыла*), благопожелания (*алгышыла*), проклятия (*къаргышыла*), пословицы и поговорки (*нарт сёзле*), загадки (*элберле*), клятвы (*антла*), поверья (*ийнаныула / ийнамла*) [Хаджиева 2014: 569]. Следует оговорить, что, несмотря на такое расширенное толкование интересующего нас термина, дальнейшую характеристику в обоих трудах получили не все указанные жанры.

Во «Введении» к сборнику «*Алгышыла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...» мы, напротив, сталкиваемся с более узким пониманием термина «малые жанры», к которым Т.Ш. Биттирова относит пословицы, поговорки и загадки [Биттирова 1997: 5, 16–20]. Интересно отметить, что заговоры (*тилекле*), проклятия (*къаргышыла*) и благопожелания (*алгышыла*) автором выделяются в самостоятельную группу *табыныу бла байламлы фольклор* «фольклор, связанный с поклонением / верованиями» [Биттирова 1997: 5, 20–21].

Таким образом, становится очевидной потребность в определении перечня жанров, охватываемых термином «малые жанры». Все ученые солидарны в том, что в данную группу безусловно входят пословицы, поговорки и загадки. Что касается остальных – здесь мнения разделяются. При ближайшем рассмотрении выявляется, что некоторые жанры, относимые Т.М. Хаджиевой к рассматриваемой области карачаево-балкарского устного народного творчества, несут главным образом информативную нагрузку и представляют интерес в большей степени для этнографов, нежели для фольклористов. Это различные табу, приметы, поверья, предзнаменования, толкования снов. В данном случае сложно говорить об эстетической ценности или художественной значимости текстов. Руководствуясь данным обстоятельством, мы считаем нецелесообразным причислять их к малым жанрам фольклора как словесного искусства. Заговоры также не могут входить в данную группу по формальному признаку (в частности по размеру), к тому же традиционно они рассматриваются в блоке магической разновидности обрядово-мифологической поэзии [Малкондуев 1996: 15–48; Хаджиева 1996: 6 и др.]. Подобное возражение может возникнуть и в отношении благопожеланий, однако здесь следует оговорить, что они делятся условно на *обрядовые*, которые могут отличаться довольно крупным размером (например, свадебные), и *необрядовые*, *бытовые*, многие из которых перешли в своего рода приветствия, пожелания по случаю и довольно кратки по объему.

По нашему мнению, к рассматриваемому сегменту устной словесности следует отнести и проклятия с примыкающими к ним клятвами (которые также возможно поделить на обрядовые – *антла* – и необрядовые – *къаргъаныула*).

Исходя из изложенного, в данной статье под малыми жанрами понимаются пословицы, поговорки, загадки, благопожелания, проклятия и клятвы.

Паремии (пословицы и поговорки) издавна находятся в поле интересов собирателей и исследователей карачаево-балкарского фольклора. Первые образцы начали фиксироваться еще в конце XIX в. К настоящему времени накоплен значительный эмпирический материал по данным жанрам. Тексты пословиц и поговорок публиковались не только в составе различных фольклорных сборников («*Малкъар жомакъла, нарт сёзле, элберле*» – «Балкарские сказки, пословицы, загадки» (1959), «Материалы и исследования по балкарской диалектологии, лексике и фольклору» (1962), «*Джетегейли – джети джулдуз*» – «Большая медведица» (1985), «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» (1996), «*Алгышла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле...*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...» (1997) и др.), но и в виде отдельных изданий («*Къарачай нарт сёзле*» – «Карачаевские пословицы и поговорки» (1963), «*Малкъар нарт сёзле*» – «Балкарские пословицы и поговорки» (1965, 1982), «*Къарачай-малкъар нарт сёзле*» – «Карачаево-балкарские пословицы и поговорки» (2005), «*Нарт сёзле, айтыула, чам сёзле*» – «Пословицы, поговорки, прибаутки» (2010), «Нарт сёзле. Мудрость народов мира и карачаево-балкарского народа» (2013) и др.). Несмотря на отсутствие монографических исследований в русле фольклористики, различные аспекты изучения пословиц и поговорок освещены во вводных статьях к сборникам текстов устного народного творчества [Хубиев 1963; Хаджиева 1996; Биттирова 1997; Койчуев 2010], разделах обобщающих трудов [Караева 1966; Холаев 1981; Хаджиева 1996; Малкондуев 2010], отдельных статьях [Ортабаева 1991]. В этих трудах дается краткая характеристика обозначенных жанров, раскрывается основной тематический диапазон, описываются историография, особенности структуры, художественного оформления, однако, практически не затронуты вопросы жанрового отграничения пословиц и поговорок, не выделяются конкретные критерии для тематической классификации.

Следует отметить, что к паремиям как объекту исследования нередко обращаются и специалисты смежных областей. Обусловлено данное явление тем, что,

являясь составной частью живой разговорной речи определенной эпохи, пословицы вбирают в себя ее существенные черты. С помощью минимального количества слов и скупых образных средств в паремиях передается мощь и красота, экспрессия, лаконизм и компактность народной речи» [Замалетдинов 2004: 62]. С лингвистической точки зрения паремии исследованы в монографии Ал. и Ас. Аппоевых «Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика» [Аппоев Ас., Аппоев Ал. 2012], учебном пособии Т.С. Гелястановой «Лингвокультурологический анализ карачаево-балкарских паремий» [Гелястановова 2015], статьях К.А. Салпагаровой [Салпагарова 1991], Ж.М. Гузеева и А.М. Мизиева [Гузеев, Мизиев 1999], М.Б. Кетенчиева, А.И. Геляевой [Кетенчиев 2015; Кетенчиев, Геляева 2015; Кетенчиев, Акамов 2021], Б.А. Мусукова и Ф.А. Магреловой [Мусуков, Магрелова 2015] и др. Несомненно, указанные работы могут стать хорошим подспорьем в прояснении ряда проблемных моментов (например, при разграничении отдельных видов паремий), но решить все вопросы фольклорного изучения карачаево-балкарских пословиц и поговорок не в состоянии.

Тексты загадок карачаевцев и балкарцев помимо вышеперечисленных общих сборников вошли также в издания, посвященные отдельно одному или нескольким жанрам («*Къарачай халкъны эл берген джомакълары*» – «Карачаевские народные загадки» (1984), «*1001 элбер*» – «Тысяча и одна загадка» (1999), «*Къарачай-малкъар ойберле бла элберле*» – «Карачаево-балкарские притчи и загадки» (2010) и др.). В национальной фольклористике имеется и ряд работ, в которых затрагиваются различные аспекты изучения жанра загадок [Караева 1961; Караева 1966; Холаев 1981; Хаджиева 1996; Биттирова 1997; Малкондуев 2010; Ортабаева 2011; Хаджиева 2014]. Среди них следует особо выделить вводную статью С.Ч. Алиева «*Эл берген джомакъла*» – «Загадки» [Алиев 1984], предваряющую подготовленный им сборник «*Къарачай халкъны эл берген джомакълары*» – «Карачаевские народные загадки». В ней дается определение жанра, раскрываются пути возникновения, особенности бытования, трансформации и современного автору состояния загадок, представлена их структурно-тематическая классификация. Исследователь помимо традиционных кратких загадок выделяет также вопросительные, шуточные, математические (логические), повествовательные (так называемые сказки-загадки) разновидности. Несмотря на то, что данная работа была написана несколько десятилетий назад, она и сегодня не утратила своей актуальности, научной значимости и все еще представляет собой наиболее основательное изыскание в области карачаево-балкарских загадок.

Благопожелания (*алгышыла*) представлены в фольклорных сборниках несколько слабее, чем пословицы, поговорки и загадки. Обрядовая их разновидность включена в такие издания, как «*Малкъарлыланы бла къарачайлыланы халкъ поэзия чыгъармачылыкълары*» – «Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев» (1988), «*Къарачай-малкъар фольклор*» – «Карачаево-балкарский фольклор» (1996), «*Алгышыла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле*» – «Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки» (1997). Их исследование затронуто в трудах А.И. Караевой [Караева 1966: 23–25], Х.Х. Малкондуева [Малкондуев 1996], Т.М. Хаджиевой [Хаджиева 1996: 26–27; Хаджиева 2014: 574–576; Хаджиева 2021]. Определенный интерес данная группа благопожеланий представляет и для этнографов [Кучмезова 2003; Кучмезова, Шаманов 2014; Хатуев 2014; Шаманов 2014 и др.]. Что же касается необрядовой разновидности благопожеланий, приходится констатировать, что они до сих пор не становились объектом научного исследования.

Еще один малый жанр, который не был не только изучен, но даже не зафиксирован в необходимой для этого степени, представляют проклятия (*къаргышыла*). Об их наличии в карачаево-балкарской устной традиции вскользь говорили в своих трудах Х.Х. Малкондуев, Т.М. Хаджиева, Т.Ш. Биттирова, однако не давали

им какой-либо значительной характеристики. В то же время на обрядовой их разновидности – клятвах (*антла*) – останавливались более подробно [Малкондуев 1996: 39–41; Хаджиева 2014: 576–578].

Таким образом, анализ имеющейся к настоящему времени фольклорной и научной литературы показывает крайнюю неравномерность в собирании и изучении малых жанров карачаево-балкарского устного народного творчества, что привело к невозможности проведения полноценной жанровой и внутрижанровой классификации.

Ситуация несколько изменилась в лучшую сторону за последние годы в связи с подготовкой к изданию очередного тома двуязычной серии «Свод карачаево-балкарского фольклора» – «Малые жанры фольклора карачаевцев и балкарцев». Сотрудниками Института был издан ряд статей по проблемам историографии малых жанров [Гулиева 2020а; Берберов 2021b], по различным аспектам изучения пословиц и поговорок [Берберов 2020; Гергокова 2020; Гулиева 2020b; Гулиева 2020c], загадок [Берберов 2021а; Берберов 2021c; Берберов 2021d; Локьяева 2021а; Локьяева 2021b], благопожеланий [Локьяева 2020а; Локьяева, Узденова 2021]. Особо следует обозначить посвященную проклятиям статью Ж.М. Локьяевой, в которой дается развернутая характеристика обозначенного жанра на материале карачаево-балкарской устной словесности, выявляются его особенности и формальные признаки, определяется место в системе устного народного творчества, представлена авторская таксономия проклятий, осуществлен лингво-культурологический анализ ряда текстов [Локьяева 2020b].

Итогом вышеперечисленных изысканий станет написание вступительных статей на карачаево-балкарском и русском языках, нацеленных не только на обобщение накопленного материала и анализ научных трудов предшественников, но и решение таких актуальных проблем, как жанровая и внутрижанровая классификация, характеристика и выявление специфики каждого жанра, входящего в исследуемую группу. Тем не менее, очевидно, что подготовка одного, даже столь крупного издания не может решить всех насущных проблем и вопросов изучения малых жанров, оно лишь готовит базу для дальнейших более углубленных изысканий в этой области национальной фольклористики.

Таким образом, проведенный анализ выявил значительный разрыв в степени исследованности малых жанров карачаево-балкарского фольклора. Многие аспекты изучения пословиц и поговорок, загадок, благопожеланий и проклятий, клятв все еще требуют пристального, более детального рассмотрения. В то же время содержащаяся в них информация представляет интерес не только для фольклористов, но и для лингвистов, этнографов, культурологов и представителей других гуманитарных дисциплин, что свидетельствует о наличии значительного исследовательского потенциала у произведений, входящих в данный сегмент устной словесности карачаевцев и балкарцев.

Список источников

Алиев 1984 – *Алиев С.Ч.* Эл берген джомакъла (Загадки) // *Алиев С.Ч.* Къарачай халкъны эл берген джомакълары (Карачаевские народные загадки). Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карач.-Черкес. отд-ние, 1984. С. 8–30.

Аппоев Ас., Аппоев Ал. 2012 – *Аппоев А.К., Аппоев А.К.* Карачаево-балкарские паремии: структура и семантика. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2012. 130 с.

Берберов 2020 – *Берберов Б.А.* Концепт «здоровье» в карачаево-балкарских поговорках и пословицах // *Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН.* 2020. № 2 (94). С. 102–110. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-2-94-102-110.

Берберов 2021а – *Берберов Б.А.* История и поэтика карачаево-балкарской загадки // *Oriental Studies.* 2021. № 14 (3). С. 635–648. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648>.

Берберов 2021b – *Берберов Б.А.* С.Ч. Алиев – собиратель и публикатор карачаево-балкарских загадок // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 5 (103). С. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99.

Берберов 2021c – *Берберов Б.А.* Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 3 (101). С. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132.

Берберов 2021d – *Берберов Б.А.* Этнокультурные особенности карачаево-балкарской загадки // Известия СОИГСИ. 2021. № 40 (79). С. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009.

Биттирова 1997 – *Биттирова Т.Ш.* Ал сѣз (Введение) // Алгышшла, нарт таурухла, жомакъла, жырла, элберле... (Пожелания, легенды о нартах, сказки, песни, загадки...): хрестоматия по карачаево-балкарскому фольклору / сост. Т.Ш. Биттирова, А.Б. Габаева. Нальчик: Эльбрус, 1997. С. 3–22.

Гелястанова 2015 – *Гелястанова Т.С.* Лингвокультурологический анализ карачаево-балкарских паремий: учебное пособие. Нальчик: КБГУ, 2015. 55 с.

Гергокова 2020 – *Гергокова Л.С.* Тематическое многообразие пословиц и поговорок в карачаево-балкарских народных сказках о животных // Вестник КБИГИ (KVINR Bulletin). 2020. № 4-1 (47). С. 123–128. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-123-128.

Гузев, Мизиев 1999 – *Гузев Ж.М., Мизиев А.М.* Лексикализация имен действия в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Литература народов Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения. Карачаевск: Изд-во КЧГПУ, 1999. С. 54–56.

Гулиева 2020a – *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* К истории записи и публикации малых жанров карачаево-балкарского фольклора // Вестник КБИГИ (KVINR Bulletin). 2020. № 4-1 (47). С. 129–135. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-129-135.

Гулиева 2020b – *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки о мудрости // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 289–294. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-289-294.

Гулиева 2020c – *Гулиева (Занукова) Ф.Х.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки: к проблеме жанрового разграничения // Кавказология. 2020. № 4. С. 259–270. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-4-259-270>.

Замалетдинов 2004 – *Замалетдинов Р.Р.* Лингвокультурология и паремии // Татар фольклоры мѣсьэлѣрѣ (Вопросы татарского фольклора) / отв. ред. И.Г. Закирова. Казань: Фикер, 2004. С. 62–67.

Караева 1961 – *Караева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1961. 62 с.

Караева 1966 – *Караева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1966. 320 с.

Кетенчиев 2015 – *Кетенчиев М.Б.* Карачаево-балкарские компаративные паремические высказывания // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 2. С. 132–136.

Кетенчиев, Акамов 2021 – *Кетенчиев М.Б., Акамов А.Т.* Концепт кѣз / гѣз («глаз») в карачаево-балкарской и кумыкской национальных картинах мира // Кавказология. 2021. № 1. С. 158–170. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1-158-170.

Кетенчиев, Геляева 2015 – *Кетенчиев М.Б., Геляева Ж.А.* Вербализация концептов «муж» и «жена» в карачаево-балкарских паремиях // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 48–52.

Койчуев 2010 – *Койчуев А.Д.* Ал сѣз (Введение) // Нарт сѣзле, айтыула, чам сѣзле (Пословицы, поговорки, шуточные изречения) / сост. А.Д. Койчуев. Ставрополь – Карачаевск, 2010. С. 4–8.

Кучмезова 2003 – *Кучмезова М.Ч.* Соционормативная культура балкарцев: традиции и современность. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 216 с.

Кучмезова, Шаманов 2014 – *Кучмезова М.Ч., Шаманов И.М.* Свадьба и свадебная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 487–512.

Локьяева 2020a – *Локьяева Ж.М.* Особенности и функциональная роль благопожеланий (алгыш) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. № 6 (98). С. 302–311. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-302-311.

Локьяева 2020b – *Локьяева Ж.М.* Проклятия как жанр карачаево-балкарского фольклора // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН 2020. № 3 (95). С. 114–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-3-95-114-121.

Локьяева 2021a – *Локьяева Ж.М.* Жанровая природа и особенности карачаево-балкарских загадок // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Сб. ст. Нальчик: Принт Центр, 2021. С. 108–114.

Локьяева 2021b – *Локьяева Ж.М.* Тематические и художественные особенности жанра загадки в карачаево-балкарском фольклоре // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2021. № 3 (101). С. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139.

Локьяева, Узденова 2021 – *Локьяева Ж.М., Узденова Ф.Т.* Алгыши (благопожелание) в фольклоре и литературе карачаевцев и балкарцев: специфика жанра, таксономия, поэтика // Кавказология. 2021. № 3. С. 247–259. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-247-259.

Малкондуев 1996 – *Малкондуев Х.Х.* Обрядово-мифологическая поэзия балкарцев и карачаевцев (Жанровые и художественно-поэтические традиции). Нальчик: Эль-Фа, 1996. 272 с.

Малкондуев 2010 – *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: ГП КБР «Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.», 2010. С. 8–35.

Мусуков, Магрелова 2015 – *Мусуков Б.А., Магрелова Ф.А.* Функционально-семантическая парадигма числительных в карачаево-балкарских пословицах и поговорках // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. С. 59–65.

Ортабаева 1991 – *Ортабаева Р.А.-К.* Карачаево-балкарские паремии (тематика и некоторые особенности народного исполнительства) // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 48–65.

Ортабаева 2011 – *Ортабаева Р.А.* Карачаево-балкарские народные загадки // Загадки народов Карачаево-Черкесии: оригиналы и переводы на русский язык. Черкесск: РГБУ КЧИГИ, 2011. С. 84–85.

Салпагарова 1991 – *Салпагарова К.А.* Карачаево-балкарские пословицы и поговорки о животных // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 66–81.

Хаджиева 1996 – *Хаджиева Т.М.* Малкъярлыланы бла къярачайлыланы халкъ поэзия чыгъярмачылыклары (Народное поэтическое творчество балкарцев и карачаевцев) // Къярачай-малкъяр фольклор (Карачаево-балкарский фольклор): хрестоматия. Нальчик: Эль-Фа, 1996. С. 6–37.

Хаджиева 2014 – *Хаджиева Т.М.* Фольклор // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 522–584.

Хаджиева 2021 – *Хаджиева Т.М.* Жанр благопожеланий (алгышла) в карачаево-балкарском фольклоре // Фольклорный текст: рубеж тысячелетий. Сб. ст. Нальчик: Принт Центр, 2021. С. 101–107.

Хатуев 2014 – *Хатуев Р.Т.* Похоронно-поминальная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 513–521.

Холаев 1981 – *Холаев А.З.* Народное устно-поэтическое творчество // Очерки истории балкарской литературы / отв. ред. С.У. Алиева. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.

Хубиев 1963 – *Хубиев О.* Къярачай халкъны сёз байлыгы (Словесное богатство карачаевского народа) // Къярачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. С. 3–12.

Шаманов 2014 – *Шаманов И.М.* Календарь и календарная обрядность // Карачаевцы. Балкарцы / отв. ред. М.Д. Каракетов, Х.М.-А. Сабанчиев. М.: Наука, 2014. С. 453–474.

References

ALIEV S. CH. *El bergen dzhomak"la* [Riddles]. IN: ALIEV S. CH. *K"arachaj halk"ny el bergen dzhomak"lary* [Karachay folk riddles]. Cherkessk: Stavropol book publishing house. Karachay-Cherkessian branch, 1984. P. 8–30. (In Karachay)

APPOEV A. K., APPOEV A. K. *Karachaev-balkarskie paremii: struktura i semantika* [Karachay-balkarian paremias: structure and semantics]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2012. 130 p. (In Russian)

BERBEROV B. A. *Koncept «zdorov'e» v karachaev-balkarskih pogovorkah i poslovicah* [Concept «health» in karachay-balkar sayings and proverbs]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo*

nauchnogo centra RAN [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 2 (94). P. 102–110. DOI:10.35330/1991-6639-2020-2-94-102-110. (In Russian)

BERBEROV B. A. *Istoriya i poetika karachaevo-balkarskoj zagadki* [History and poetics of the karachay-balkarian riddle]. IN: *Oriental Studies*. 2021. № 14 (3). P. 635–648. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2021-55-3-635-648>. (In Russian)

BERBEROV B. A. *S. Ch. Aliev – sobiratel' i publikator karachaevo-balkarskih zagadok* [S. Ch. Aliev – a collector and publisher of the karachay-balkarian riddles]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 5 (103). P. 93–99. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-5-103-93-99. (In Russian)

BERBEROV B. A. *Funkcional'nyj potencial antonimov v karachaevo-balkarskoj zagadke* [The functional potential of antonyms in the karachay-balkarian riddle]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 3 (101). P. 126–132. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-126-132. (In Russian)

BERBEROV B. A. *Etnokul'turnye osobennosti karachaevo-balkarskoj zagadki* [Ethnocultural features of the karachay-balkarian riddle]. IN: *Izvestiya SOIGSI* [News of NOIHSR]. 2021. № 40 (79). P. 130–139. DOI: 10.46698/VNC.2021.79.40.009. (In Russian)

BITTIROVA T. SH. *Al sez* [Introduction]. IN: *Alg'yshla, nart taurukhla, zhomak'la, zhyr-la, elberle...* [Wishes, legends about narts, fairy-tales, songs, riddles...]: readings on karachay-balkarian folklore / collected by T. Sh. Bittirova, A. B. Gabaeva. Nalchik: Elbrus, 1997. P. 3–22. (In Balkarian)

GELYASTANOVA T. S. *Lingvokul'turologicheskij analiz karachaevo-balkarskih paremij* [Linguoculturological analysis of the karachay-balkarian paremias]. Nalchik: KBSU, 2015. 55 p. (In Russian)

GERGOKOVA L. S. *Tematicheskoe mnogoobrazie poslovic i pogovorok v karachaevo-balkarskih narodnyh skazkah o zhivotnyh* [Thematic variety of proverbs and sayings in karachay-balkarian folk tales about animals]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2020. № 4-1 (47). P. 123–128. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-123-128. (In Russian)

GUZEEV ZH. M., MIZIEV A. M. *Leksikalizatsiya imen dejstviya v karachaevo-balkarskih poslovicah i pogovorkah* [Lexicalization of names of action in karachay-balkarian proverbs and sayings]. IN: *Literatura narodov Severnogo Kavkaza: hudozhestvennye i metodologicheskie problemy izucheniya* [Literature of the peoples of the North Caucasus: artistic and methodological problems of study]. Karachaevs: Publishing house of KChSPU, 1999. P. 54–56. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F. H. *K istorii zapisi i publikatsii malyh zhanrov karachaevo-balkarskogo fol'klora* [To the history of collection and publication of small genres of karachay-balkarian folklore]. IN: *Vestnik KBIGI* [KBIHR Bulletin]. 2020. № 4-1 (47). P. 129–135. DOI: 10.31007/2306-5826-2020-4-1-47-129-135. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F. H. *Karachaevo-balkarskie posloviy i pogovorki o mudrosti* [Karachay-balkarian proverbs and sayings about wisdom]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 6 (98). P. 289–294. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-289-294. (In Russian)

GULIEVA (ZANUKOEVA) F. H. *Karachaevo-balkarskie poslovitsy i pogovorki: k probleme zhanrovogo razgranicheniya* [Karachay-balkarian proverbs and sayings: to the problem of genre differentiation]. IN: *Kavkazologiya*. 2020. № 4. P. 259–270. DOI: 10.31143/2542-212X-2020-4-259-270. (In Russian)

ZAMALETDINOV R. R. *Lingvokul'turologiya i paremii* [Linguoculturology and paremias]. IN: *Tatar fol'klory mas'alolar* [Questions of tatar folklore] / executive editor I. G. Zakirova. Kazan: Fiker, 2004. P. 62–67. (In Russian)

KARAEVA A. I. *O fol'klornom nasledii karachaevo-balkarskogo naroda* [About the folklore heritage of the karachay-balkarian people]. Cherkessk: Karachay-Cherkessian book publishing house, 1961. 62 p. (In Russian)

KARAEVA A. I. *Ocherk istorii karachaevskoj literatury* [Essay on the history of karachay literature]. Moscow: Science. Main edition of oriental literature, 1966. 320 p. (In Russian)

KETENCHIEV M. B. *Karachaevo-balkarskie komparativnye paremicheskie vyskazyvaniya* [The karachay-balkar comparative proverbial expressions]. IN: *Aktual'nye problemy filologii i*

- pedagogicheskoy lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2015. № 2. P. 132–136. (In Russian)
- KETENCHIEV M. B., AKAMOV A. T. *Koncept kyož / gyož («glaz») v karachaevo-balkarskoj i kumykskoj nacional'nyh kartinah mira* [The concept of *kez / gez* («eye») in karachay-balkarian and kumyk national pictures of the world]. IN: *Kavkazologiya*. 2021. № 1. P. 158–170. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-1-158-170. (In Russian)
- KETENCHIEV M. B., GELYAEVA ZH. A. *Verbalizaciya konceptov «muzh» i «zhena» v karachaevo-balkarskih paremiyah* [Verbalization of the concepts «husband» and «wife» in the Karachai-Balkarian paremias]. IN: *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoj filologii* [Actual questions of karachay-balkarian philologies]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015. P. 48–52. (In Russian)
- KOJCHUEV A. D. *Al syoz* [Introduction]. IN: Nart syozle, ajtyula, cham syozle [Proverbs, sayings, comic sayings] / compiler A. D. Kojchuev. Stavropol – Karachaevesk, 2010. P. 4–8. (In Karachay)
- KUCHMEZOVA M. CH. *Sotsionormativnaya kul'tura balkartsev: traditsii i sovremennost'* [Socionormative culture of the Balkarians: traditions and modernity]. Nalchik: El-Fa, 2003. 216 p. (In Russian)
- KUCHMEZOVA M. CH., SHAMANOV I. M. *Svad'ba i svadebnaya obryadnost'* [Wedding and wedding rituals]. IN: *Karachaevcy. Balkarcy* [Karachais. Balkarians] / executive editors M. D. Karaketov, H. M.-A. Sabanchiev. Moscow: Science, 2014. P. 487–512. (In Russian)
- LOKYAEVA ZH. M. *Osobennosti i funkcional'naya rol' blagopozhelanij (alg'ysh)* [Features and functional role of good wishes (*alg'ysh*) (based on the material of karachay-balkar folklore)]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 6 (98). P. 302–311. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-302-311. (In Russian)
- LOKYAEVA ZH. M. *Proklyatiya kak zhanr karachaevo-balkarskogo fol'klora* [Curses as a genre of karachay-balkarian folklore]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2020. № 3 (95). P. 114–121. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-3-95-114-121. (In Russian)
- LOKYAEVA ZH. M. *Zhanrovaya priroda i osobennosti karachaevo-balkarskih zagadok* [Genre nature and peculiarities of karachay-balkarian riddles]. IN: *Fol'klornyj tekst: rubezh tysyachetij* [Folklore text: the turn of the millennium]. Collection of articles. Nalchik: Print Center, 2021. P. 108–114. (In Russian)
- LOKYAEVA ZH. M. *Tematicheskie i hudozhestvennye osobennosti zhanra zagadki v karachaevo-balkarskom fol'klore* [Thematic and artistic features of the riddle genre in karachay-balkarian folklore]. IN: *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN* [News of Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]. 2021. № 3 (101). P. 133–139. DOI: 10.35330/1991-6639-2021-3-101-133-139. (In Russian)
- LOKYAEVA ZH. M., UZDENOVA F. T. *Alg'ysh (blagopozhelanie) v fol'klore i literature karachaevev i balkarcev: specifika zhanra, taksonomiya, poetika* [*Alg'ysh* (goodwill) in folklore and literature of Karachais and Balkarians: specificity of the genre, taxonomy, poetics]. IN: *Kavkazologiya*. 2021. № 3. P. 247–259. DOI: 10.31143/2542-212X-2021-3-247-259. (In Russian)
- MALKONDUEV H. H. *Obryadovo-mifologicheskaya poeziya balkartsev i karachaevtsev* [Ritual and mythological poetry of Balkars and Karachays]. Nalchik: El-Fa, 1996. 272 p. (In Russian)
- MALKONDUEV H. H. *Fol'klor i fol'kloristika* [Folklor and folklor study]. IN: *Ocherki istorii balkarskoj literatury* [Essays of history of balkarian literature]. Nalchik: State enterprise KBR «Republican polygraphic plant named after Revolution of 1905», 2010. P. 8–35. (In Russian)
- MUSUKOV B. A., MAGRELOVA F. A. *Funkcional'no-semanticheskaya paradigma chislitel'nyh v karachaevo-balkarskih posloviach i pogovorkah* [Functional-semantic paradigm of the numerals in karachay-balkarian proverbs]. IN: *Aktual'nye voprosy karachaevo-balkarskoj filologii* [Actual questions of karachay-balkarian philologies]. Nalchik: Publishing department of KBIHR, 2015. P. 59–65. (In Russian)
- ORTABAEVA R. A.-K. *Karachaevo-balkarskie paremii (tematika i nekotorye osobennosti narodnogo ispolnitel'stva)* [Karachay-balkarian paremias (themes and some features of folk performance)]. IN: *Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii* [Folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia]. Cherkessk, 1991. P. 48–65. (In Russian)

ORTABAEVA R. A. *Karachaevo-balkarskie narodnye zagadki* [Karachay-balkarian folk riddles]. IN: *Zagadki narodov Karachaevo-Cherkessii: originaly i perevody na russkij yazyk* [Riddles of the peoples of Karachay-Cherkessia: originals and translations into Russian]. Cherkessk: RSBE KCHHR, 2011. P. 84–85. (In Russian)

SALPAGAROVA K. A. *Karachaevo-balkarskie posloviy i pogovorki o zhiivotnyh* [Karachay-balkarian proverbs and sayings about animals]. IN: *Fol'klor narodov Karachaevo-Cherkessii* [Folklore of the peoples of Karachay-Cherkessia]. Cherkessk, 1991. P. 66–81. (In Russian)

HADZHIEVA T. M. *Malk"arlylany bla k"arachaylylany khalk" poeziya chyg"armachylyk"lary* [Folk poetic creativity of Balkarians and Karachays]. IN: *K"arachay-malk"ar fol'klor* [Karachay-balkarian folklore]: readings. Nalchik: El-Fa, 1996. P. 6–37. (In Balkarian)

HADZHIEVA T. M. *Fol'klor* [Folklore]. IN: *Karachaevtsy. Balkartsy* [Karachais. Balkarians] / executive editors M. D. Karaketov, H. M.-A. Sabanchiev. Moscow: Science, 2014. P. 522–584. (In Russian)

HADZHIEVA T. M. *Zhanr blagopozhelanij (alg"yshla) v karachaevo-balkarskom fol'klоре* [The genre of good wishes (*algyshta*) in karachay-balkarian folklore]. IN: *Fol'klornyj tekst: rubezh tysyacheletij* [Folklore text: the turn of the millennium]. Collection of articles. Nalchik: Print Center, 2021. P. 101–107. (In Russian)

HATUEV R. T. *Pohoronno-pominal'naya obryadnost'* [Funeral and memorial ritual]. IN: *Karachaevtsy. Balkarcy* [Karachais. Balkarians] / executive editors M. D. Karaketov, H. M.-A. Sabanchiev. Moscow: Science, 2014. P. 513–521. (In Russian)

HOLAEV A. Z. *Narodnoe ustno-poeticheskoe tvorchestvo* [Folk oral-poetic works]. IN: *Ocherki istorii balkarskoj literatury* [Essays on the history of balkarian literature] / executive editor S. U. Alieva. Nalchik: Elbrus, 1981. P. 13–31. (In Russian)

HUBIEV O. *K"arachaj halk"ny syoz bajlyg"y* [Verbal wealth of karachay people]. IN: *K"arachaj nart syozle* [Karachay proverbs and sayings] / compiler S. Ch. Aliev. Cherkessk: Karachay-Cherkessian book publishing house, 1963. P. 3–12. (In Karachay)

SHAMANOV I. M. *Kalendar' i kalendar'naya obryadnost'* [Calendar and calendar ritual]. IN: *Karachaevtsy. Balkarcy* [Karachais. Balkarians] / executive editors M. D. Karaketov, H. M.-A. Sabanchiev. Moscow: Science, 2014. P. 453–474. (In Russian)

Информация об авторе

Ф.Х. Гулиева (Занукоева) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

F.H. Gulieva (Zanukoeva) – Candidate of Science (Philology), Senior researcher of the sector of karachay-balkarian folklore.

Статья поступила в редакцию 20.11.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 20.11.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

ОППОЗИЦИЯ БЕЛОГО И ЧЕРНОГО ЦВЕТА В АДЫГСКОМ ЭПОСЕ

Лиана Славовна Хагожеева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© Л.С. Хагожеева, 2021

Аннотация. Статья посвящена анализу цветовой символики в историко-героическом эпосе адыгов. Изучается роль цветообозначений в функциональной дифференциации образов. В этом плане исследуются приемы раскрытия внутренней сущности и внешних проявлений характера героя и его связь с предметным и животным миром. Анализ проводится с учетом идентификации эпических образов в оппозиции «свой – чужой».

Прослеживаются сакральная природа, мифологические корни и эволюция белого и черного цвета. Отмечается принцип заимствования архаического мотива в отдельных циклах младшего эпоса. Определяются функции и формы его художественного проявления. Устанавливается, что цветовые символы способны отражать этические и эстетические предпочтения носителей фольклорного сознания.

Символическое использование цветовых кодификаций в историко-героическом эпосе – задача нашего исследования. Анализ осуществляется с применением структурно-сопоставительного метода. Материалом для рассмотрения служат тексты архаических нартских сказаний и стадийно следующего за ним историко-героического эпоса. В результате проведенного исследования устанавливается роль знаковости в фольклорной традиции адыгов.

Ключевые слова: мифология, архаический эпос, историко-героический эпос, художественная система, символические единицы, белый цвет, черный цвет

Для цитирования: Хагожеева Л.С. Оппозиция белого и черного цвета в адыгском эпосе // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 84–94. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-84-94

Original article

OPPOSITION OF WHITE AND BLACK IN THE ADYGHE EPIC

Liana S. Khagozheeva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, liana1771@mail.ru., <https://orcid.org/0000-0003-1811-5183>

© L.S. Khagozheeva, 2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of color symbolism in the historical and heroic epic of the Circassians. The role of color designations in the functional differentiation of images is studied. In this regard, the methods of revealing the inner essence and external manifestations of the character of the hero and his connection with the objective and animal world are investigated. The analysis is carried out taking into account the identification of epic images in the opposition “friend – foe”.

The sacred nature, mythological roots and evolution of white and black are traced. The principle of borrowing an archaic motive in individual cycles of the younger epic is

noted. The functions and forms of its artistic manifestation are determined. It is established that color symbols are capable of reflecting the ethical and aesthetic preferences of the bearers of folklore consciousness.

The symbolic use of color codifications in the historical and heroic epic is the task of our research. The analysis is carried out using the structural-comparative method. The material for consideration is the texts of archaic Nart legends and the stage-by-stage historical and heroic epic that follows it. As a result of the study, the role of symbolism in the folklore tradition of the Circassians is established

Keywords: mythology, archaic epic, historical and heroic epic, artistic system, symbolic units, white, black

For citation: Khagozheeva L.S. Opposition of white and black in the Adyge epic. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021. № 4-1 (51): 84–94. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-84-94

Как известно, для художественного восприятия образа важную роль играет знаковость. Порой символы и знаки могут стать главными маркерами для объективации эстетического идеала и духовных ценностей, исповедуемых этносом. Таким образом, в фольклорном тексте эпоса они имеют важную эстетическую значимость.

Соглашаясь с мнением А.М. Гутова, можно утверждать, что историко-героический эпос отражает поздний тип мировоззрения, где поэтические приемы уже понимаются как средства художественной выразительности, т.е. они становятся символическим обозначением нравственных идеалов функционирующего общества [Гутов 2017: 158–176].

Так, события периода позднего эпоса способствовали возникновению нового художественного мира, отличного от мифологизированного архаического эпоса. В фольклорную речь младшего эпоса постепенно вписываются новые явления, а старые актуализируются. Суть этих явлений выражается, в основном, в образном символично-знаковом аспекте. Такая тенденция прослеживается и в системе колоративов. Таким образом, символически нагруженные цветообозначения в художественном тексте способны выражать этические и эстетические предпочтения функционирующего общества

В связи с этим, мы в данном исследовании изучаем колористику историко-героического эпоса адыгов в символическом аспекте. В фольклоре песни максимально нагружены эмоционально-экспрессивными средствами. В этой связи за основу нашего исследования были приняты тексты исторических песен. Здесь мы попытались выявить позиции, в которых цветовые единицы становятся символами. Колористика историко-героических песен разнообразна. Наиболее употребительна в данном аспекте оппозиция белого и черного цвета. Ее следует рассматривать как один из признаков проявления дуальности восприятия.

Белый цвет в мифологии многих народов – пространство между небом и землей, символ света, чистоты, свободы и всего непорочного, доброго. Символика белого цвета в фольклоре адыгов, начиная с мифологических воззрений, устойчиво несет положительный аспект. Так, например, в ранних циклах эпоса его значение понимается как принадлежность к существам, ассоциирующимся с добром, чистотой, благородством и во многих случаях символизирует божественный атрибут.

Как известно, покровитель мелкого рогатого скота Амыш и бог растительности Тхаголедж в мифологических нарративах выступают в роли культурного героя. Как говорится в сказании «*Амышцрэ Тхьэгьэлэджрэ*» («Амыш и Тхаголедж») [Нарты I 2012: 61], Амыш первым одомашнил диких животных и подарил их людям, а Тхаголедж первым обнаружил колоски проса для людей. По некоторым вариантам, оба эти мифологических персонажа имеют ассоциации с белым цветом.... Тхаголедж ...: «*Тхьэгьэлэджыр ар хужькIэ хуэпауэ гъавэм хэтиц, къекIухьри, жаIэ. И тепльэр сцIэIым, хужькIэ хуэпауц*» – «Тхаголедж, он, как говорят, ходит по полю,

одетый в белое. Каков на вид, не знаю, но одет в белое»... [Нарты I 2012: 68], по другим вариантам, «красноволосый» ... [Нарты I 2012: 157]. См. также «Уэр, Амыщ Амыщ ди нэху» – «Ор, Амыш, наш свет...» [Нарты I 2012: 62] и т.д.

В обрядовой поэзии это проявляется в функции возвышения образа. Здесь постоянным эпитетом жениха и невесты служит слово «махуэ» (махо – досл. день, как синоним белого, светлого, ясного): «Шцауэ махуэ» (жених ясный) / «нысэ махуэ» (невеста ясная), указывающая на чистое происхождение образа. В подобных стихах использование в описании образа белого цвета указывает на чистоту души и плоти, а в обереговой культуре этот код призван защитить от нечистой силы. Встречаются следующие формулы, характеризующие невесту: *напэху дахэм...* (светлолицая красавица...), *Ицхэху дахэр...* (красавица с белыми рукавами) [Кардангушев 2009: 218] и т.д.; формулы, описывающие образ жениха: *данэхур зи лэпэдым...* (шелка белые чьи чулки...) [Кардангушев 2009: 218], *Къыздырашам Лъэдакъэ махуэ къыцинауэ, Къыздашам Лъапэ махуэ къахуихъауэ* – Там, откуда ее привезли, Счастливую пяту чтобы она оставила, Туда, куда ее привезли, Счастливою стопой ступила; *Щхэльащлэ уэсу* – Снежноволосая [Гутова 2020: 158–159, 173–174] и т.д.

Символическое использование белого цвета обнаруживается и в образах богатырей нартского эпоса. Таким является, например, Бадинок, которому, по справедливости, присваивается код белого цвета:

*Уэу-уэ-уэредэ-редэ,
Нартурэ лыху нэху... –
Уоу, уоу, уареда-реда,
Нартский муж ясный... [Нарты III 2020: 52, 53].*

*Хьэхьей, шауэ хужь Ипцагъуэу... –
Эй, юноша светлый с желтым запястьем... [Нарты III 2020: 82, 84].*

В светлых, белых тонах окрашиваются и его атрибуты:

*И афэху джанэр зыщлыпцлэ... –
Его белая кольчуга <на солнце> сверкает... [Нарты III 2020: 28, 31].*

В отличие от него, образ Сосруко представлен сочетанием белого (светлого) и черного цвета. Практически все варианты пшинатля о бое Сосруко с Тотрешем, сыном Альбека, начинаются со следующей формулы:

*Сосырыкъуэ ди къан,
Сосырыкъуэ ди нэху... –
Сосыруко наш кан,
Сосыруко наш свет... [Нарты I 2012: 228, 236].*

Однако в других сказаниях, в частности, в пшинатле о добывании им огня, он определяется как «смуглый» «черный» муж, что указывает на его «железную» сущность, при этом подчеркивается его суровость:

*Армы, Сосрыкъуапцлэ,
Армэ, лы флыцлэ гъуцлынэ,
Мыдэ, емынэ шу... –
Армы, Сосруко смуглый,
Арма, муж черный, железноокий,
Мыда, всадник неистовый... [Нарты I 2012: 224, 232].*

Позицию белого цвета в нартском эпосе занимает ряд женских образов. Здесь можно выделить красавицу Акуанду. Белая грудь Акуанды светится как полуденное солнце, так, что ночь кажется днем. Живет она в белой крепости, охраняемой белыми собаками [Нарты III 2020: 87–162].

А в образе Адиных (Иэдиных) символика белого цвета, заключена в ее светящихся руках: «*И Иэдиитлыр цхьэгъубжэм къыдишииклэмэ, дыггэм и нэхъ гуащлэм хуэдэу дунейр нэху къыщлырт*» – «<Блеск от ее рук> освещал все вокруг как яркое солнце» [Нарты IV 2020: 78].

Таким образом, светлые образы Акуанды и Адиюх, солярные по своей природе. Можно заметить, что символика колоратива может стать частью в собственном имени героя эпоса. Символика белого цвета находит воплощение в таких женских именах как, например, вышеназванные Акуанда (Гэкуандэ), Адиюх (Гэдиюху) или же в именах Ахомыда (Ахумыдэ), Бадах (Бэдэху), и т.д. Опозицией здесь могут выступать хтонические по своей природе персонажи Черноволосяя Красавица (ЩхьэцфЫщГэдахэ) и Даханаго (Дахэнагьуэ), являющимися воплощением природных стихий, ночи, луны.

В поздних типах эпоса – это образ Гуашамахо. Само имя Гошамахо символично, оно содержит цветообозначение белого кода, на что неоднократно делается акцент в тексте песни:

Сыгуащэти, рэуиуа, а-а, сы-Гуащэмахуэт... [Кардангушев 2009: 373].

Я гуаша, рауиуа, а-а, я Гуашамахо... (Перевод – наши). Символика слова «махо» (досл.: день – здесь в значении ясный) является частью собственного имени. Оно употреблено в эстетической функции и указывает на светлую, добросердечную натуру героини.

Соответствующая формула присутствует и в имени Шурдум Пшимахо – героя исторической песни. В подобных случаях эпитет «пщы», по убеждению А.М. Гутова приобретает положительную семантическую функцию [Гутов 2000: 125]. Другая часть имени (махо), дополняет высокую символическую оценку.

Кроме этого, цветообозначение белого активно участвует в формировании самого образа Гуашамахо:

Уой, си напэ хужьри, уэр, сэрмахуэ,

Уойрэц, жыфГэркьэ, кьыхуагьэуцЫплъ, атГэ! – [Кардангушев 2009: 373].

Уой, мое лицо белое, уор, сармахо,

Уойрац, скажите, заставляют краснеть! (Перевод – наши). Здесь делается акцент на чистоту репутации героини, которая невинно была запачкана.

Гуашагаг принадлежит к привилегированному сословию, на что указывает эпитет «гуаша». В историко-героическом эпосе слово гуаша часто используется в обозначении социального статуса. Вместе с тем, код белого цвета в характеристике образа Гуашагаг отражает чистоту души, подвергшейся мучениям одиночества: *Дыцэхуурэ, рэ, си щхьэцыгьуэшихуэри...* – Белого золота мои длинные волосы...; *Си Гэдишумрэ лъэдишумрэ...* – Мои белые руки и белые ноги... (Перевод – наши) [Кардангушев 2009: 386].

В описании образов эпических красавиц функционируют характеристика места их обитания (замок, дворец, дом) и материала, из которого он сделан. Так как это одно из средств выделения героя, в подобные описания включены символы белого и желто-золотистого оттенков, указывающие на надземную природу красавиц. Так, например, жилище нартов Аледжей, где находится красавица Акуанда, описывается в белых тонах:

Унэ фыжь 'ахьыба, о-орэда,

Тхьацэ 'и 'эхьагьыба, о-орэда,

Унэ плГэГупэфыба, о-орэда. –

<Это> дом белый длинный, ба, о-орада,

Сто тха в длину он, о-орада,

<Это> дом с белым фасадом, ба, о-орада! [Нарты III 2020: 126, 133].

Этот прием актуализируется в историко-героической песне:

(Ор) я ордэ унэхэри (а, ар) чэпэфы

Жьыу: Ойра

– *Ой-роу, рирарэ, оу!*

(Ар) дахэу нэпэфыхэр (а, ар) кьегьыхы... –

(Ор) в их больших домах (а, ар) белобоких

Все: Ойра

- Ой-роу, рирара, оу!

(Ар) красавицы белолицые (а, ар) рыдают... [АПВКВ 2014: 279, 280].

Для возвышения образа Гуашагаг материал, из которого сделано ее жилище: *Сэ мывэху унэжьым, атлэ, сыщлозашэ ...* [Кардангушев 2009: 386] – В доме из белого камня я, ата, томлюсь... (*Перевод – наш*). Помимо колоратива, дополнительную роль выполняет образ камня, из которого этот дом построен. Думается, что прочность камня имеет место в художественной поэтике эпоса. Сочетание образа камня с цветовой символикой усиливает эмоциональное восприятие описываемого явления. В данном примере, его слияние с белым цветом делает акцент на величие и мощь светлой природы героини. А его контраст с черным цветом отражает глубину и тяжесть переживаний княгини. В народном сознании они ассоциируются с прочностью черного камня. Это иносказательное выражение того, что даже самый прочный материал не выдержит то горе, что обрушилось на героиню:

Уой, мывэ фьлэжьхэри зэгуэудыхуки дэ дывгъагы... – [Кардангушев 2009: 386].

Уой, пока камни черные не расколятся, <давайте> поплачем... (*Перевод – наш*).

Параллель в следующей строке, символизирует отчаяние и бессилие героини перед своей тяжелой участью:

Мывэ фьлэжьхэри, уай-уай, зэгуэмыдэурэ

Сэ си наплащхьитри зэгуэудати – [Кардангушев 2009: 386].

Черные камни, уай-уай, не раскалываясь

Очи мои раскололись (*Перевод – наш*).

В мужских образах историко-героического эпоса код белого цвета удерживает свою силу и также проявляется достаточно ярко. Лежероко представлен борцом-победителем злых духов. Его «избранность» заключается в чистоте плоти и духа, на что указывает его связь с белыми духами – носителями добра и света [АИГИКБНЦРАН. Ед. хр. 150. Док. 23.]

В некоторых вариантах преданий Бора Могучий именуется еще эпитетом Умахо (Борэ Гумахуэ) (досл. Бора Удачливый), присвоенный ему в знак его светлой души и чистоты помыслов.

В историко-героических песнях, большое место занимает описание военного снаряжения, которое выступает признаком воинской доблести его обладателя, описываются также боевые кони воинов-наездников. Так, в «Песне о Шурдуме Пшимахо» («Шурдым Пшимахуэ и уэрэд») светлый мужественный образ героя воссоздается посредством описания его оружия:

Ерыжьбурэ (уой) нывэшэклэху... –

Чей ерижиб (марка кремневого ружья) (уой) белыми камушками заряжен... [НПИНА III-1 1986: 67, 69].

В песнях, наряду с описанием военного снаряжения, описываются также боевые кони воинов-наездников. Конь в адыгском историко-героическом эпосе своего рода «alter ego» его хозяина. Характеристика коня в песне дает характеристику его хозяина. Таким образом, в формировании образа воина важную роль играл образ его коня. А порода, масть коня, или же цветовые признаки имели дополнительное символическое значение. В эпосе адыгов среди прочих, особое место занимали белые кони. Функциональная особенность символики цвета в его образе состоит в возвышении и идеализации фольклорного героя: Могучий! Твой белый конь – великан: Его не сломить в бою [АПВКВ 2014: 177]. Таким образом, утверждается роль животного мира в маркировке образов эпических персонажей. Животные здесь выступают в виде помощников героев, их символов и атрибутов [Кудаева 2006]. В подобных случаях учитывается сочетание сакральной основы животного и его цветообозначения. В таком аспекте в младшем эпосе наиболее развиты образы коня и птиц. Так образ птицы в сочетании с колоративами может стать символическим обозначением красоты героя. Здесь красота героя сравнивается с красотой птицы. В этом плане, самыми распространенными являются такие

цвета, как белый, черный и красный. Наиболее часто употребительным из них является сочетание белого и черного цвета с образами галки и сокола. Приведем яркий пример из нартского эпоса:

Орадэ, къончIэф-къончIапцIэуи. –

Орада, <это тот, у кого> белое – как у галки белое, черное – как у галки черное [Нарты III 2020: 145, 147].

Подкрепим сказанное примерами из историко-героического эпоса:

Зригъэльэтэхым, къашыргъэ пцэхуу... –

Когда соскакивает <с коня>, он подобен соколу с белой шеей [Нарты III 2020: 28, 31].

Неполнота данной формулы является характеристикой атрибутов доблестного воина. Она может быть представлена символикой белого или красного цвета, а в некоторых случаях не определяется никаким цветом:

(Ар) нэбэжэ кIэхухэри

Ежью: Уо!

(а дуней) сагъындакышэ гуцэм (уэ) здешэ (жи). –

(А) с соколиными перьями белыми

Все: Уо!

(а дуней) его сагайдака стрелы (гуша, уа) летят (жи) [НПИНА III-1 1986: 115, 116].

В противовес черному, символика белого цвета в адыгском эпосе олицетворяет только положительное явление. Код белого и черного, как и всякий колоратив, берут свое начало из древних мифологических воззрений. В мифологии многих народов (древнегреческой, древнеримской, германцев (здесь не всегда несет абсолютно негативный смысл), славянской, адыгской и т.д.) черный цвет предстает как цвет негативных сил и печальных событий. Это олицетворение сил зла, ночи, мрака. В архаическом фольклоре символика черного ассоциируется с загробным миром, землей, смертью и выступает как знак траура. В фольклоре младшего эпоса цветовой код черного служит лексической номинацией, чаще всего, отрицательных эмоций и различных негативных явлений. В художественной системе позднего эпоса, колоративы стали знаковой единицей.

Символика черного цвета в историко-героической песне может встретиться и в положительной коннотации. Но чаще всего он носит функцию негатива. В первом случае это, прежде всего, метафора для описания оружия героя, олицетворяющая его мощь и силу. Например:

Свирепой чуме подобное ружье черное, грозное от стрельбы накаляется [АПВКВ 2014: 295].

Кърымүэ фоч фIыцIэ дахэм

гыныпсыр къызэльэбгъэжжц... –

Крымское ружье черное, красивое

с порохом жидкость ты заставил извергнуть... [АПВКВ 2014: 103, 108].

Оружие же вражеской стороны в песне принимает прямо противоположное отрицательное значение:

Биидзэм я фоч фIыцIэжжхэр

Пцэдджыжъым къыттракътэ –

Вражеского войска ружья черные

Под утро в нас опорожняют [АПВКВ 2014: 438, 440].

Таким образом, все «вражеское» в песне всегда определяется в черных и темных тонах. Таким образом, в адыгском эпосе черный цвет указывает на наступление врага, как символ приближающейся беды:

АрыкъыкIэр къызэтищыхьгуэ,

Къуэбланэм къыдэжагуэ,

Зы фIыцIагъи къекIэпцц... –

Арыка низовья обрыскав,
Седьмую лощину миновав,
Он что-то черное заметил... [Нарты I 2012: 232, 236].

В историко-героическом эпосе наблюдается такая же тенденция обозначения врага. В «Песне о Шаджамоко Хасанше» («Шэдждэмокъуэ Хьэсанш») образ приближающегося врага обозначается кодом черного цвета:

(Уо-уой) ищхьэрэкIэ маплъэри

Ежью: Уо,

(уэукъэ, рэуэ-ией) а махуэм фIыцIагъэжъыбэр къельагъур. –

(Уо-уой) в нижнюю сторону он смотрит и

Все: Уо,

(уарка, рауа-ией) в тот день черное сборище видит [НПИНА III-1 1986: 128, 131].

Очевидным образованием явилось слияние двух символических основ в едином проявлении. Органическое сочетание символики черного цвета с символической единицей пространственного деления мира, организуют устойчивую картину приближающейся беды. В системе символов это пространственное деление по вертикали, где верх – наполнен положительным значением, а низ негативным. Таким образом, в песне низ интерпретируется негативным содержанием.

В песне «Бора Могучий» неузнанный сын героя, которого он выдает за врага, описывается как нечто «черное»:

ФIыцIагъэ мацIэ солъагъу.

ФIыцIагъэ слъагъур къыкъокI... –

Что-то черное вижу.

Черное что вижу, выступает... (Перевод – наши) [ФАИГИКБНЦРАН. Кол. 638-ф/5, кас. 968, т. 3].

Точно также, в черном цвете отражены и атрибуты Бора Могучего, который собирается на злосчастную встречу. В других вариантах обнаруживается цветовой код синего / серого (къашхьуэ) и зеленого (щхьуантIэ). В рассматриваемом варианте он выступает как предвестник беды:

Уэ си уанэ фIыцIэ мыгъуэр нытызохри,

Уэй дуней, си уанэ фIыцIэр си пIэщхьагъыу.

Уойрэ, уо уэрирари!

Уэ си цIагIуэ фIыцIэ мыгъуэр нызоубгъур,

Уэй дуней, Сыным ищхьэ пIанэмэ сыщожейжри.

Уойрэ, уо уэрирари! –

Уо, мое седло черное снимаю,

Уой дуней, седло черное мое – моя подушка.

Уойра, уо уарирари!

Уо, мою бурку черную, мыго, расстилаю,

Уой дуней, засыпаю на голой Сыным.

Уойра, уо уарирари! (Перевод – наши) [ФАИГИКБНЦРАН. Кол. 646-ф/6, кас. 891, т. 9, 10]

К таким «вражеским определениям» можно также отнести образ черной бурки. Этот символ весьма устойчив в историко-героическом эпосе. В зависимости от контекста и колористики образ адыгской бурки и черкески «заряжается» позитивной или негативной функцией. Так, образ черной / темной бурки ассоциируется с жестокостью вражеских воинов и горем, что они принесли с собой:

Биидзэм я ишэ фIыцIэжъхэр

ЩагIуэ фIыцIэм тыдогъэльальэ –

Для вражеского войска стрелы черные

На черную бурку я высыпаю [АПВКВ 2014: 463].

Также, этот образ символизирует гибель врага или предателя. Так, образ предателя унижается рядом описаний, куда входит и образ темной бурки:

Щақуэ къуаңцIэм къуаңцIалъхъэжауэ –

Тот, кого в темную бурку завернули [АПВКВ 2014: 472].

Народное сознание крайне негативно принимает образ вражеской пули и опирается ее с нескрываемой ненавистью:

Вражеские войска пули черные проклятые

На бурку черную нашу льются... [АПВКВ 2014: 438, 440].

Упоминание черной пули также может указывать и на гибель адыгского воина-героя:

Дунеижъмэ утемызагъэ,

Шэ фIыцIэжъмэ уезэгъыжат –

С этим светом ты не смог примириться,

С черной пулей ты примирился [НПИНА III-2 1990: 58].

Гибель героя часто ассоциируется и с образом черной земли:

Данагъуэр зи пацIэкIитI мыгъуэр

ЩIы фIыцIэжъмэ къырагъэзэгъыц. –

Того, кто носил желто-шелковые усы, о горе,

С землей черной примирили [СМОМПК 25 : 12].

Вместе с тем, органичное сочетание черного цвета с образом земли в художественном стиле исторических песен закрепляется как символ бедствий и внутреннего беспокойства героя:

Мусльымэнуэ дэ дызэхэзыхыр

щIы фIыцIэм зэлъыхэбгъагъэщ,

Алыхь-Алыхь, дыжылэкIуэдиц... –

Мусульмане, которые нас слышат,

Боже, боже, мы селение погибающее,

в черную землю уткнувшись лицом, плачут... [АПВКВ 2014: 101,106].

А образ черного дня в ряде песен указывает на печальные события и ее катастрофические последствия:

Муса белохвостый над пропастью мчался,

В черный день остался с пустым седлом [АПВКВ 2014: 182].

В образной системе героического эпоса «темнота» или «отсутствие света», как вариант мотива черного цвета тоже может носить отрицательную символику:

Дыцэхэр зи пацIэкIитIым

данапIэм дащыдэдджэгурт.

Сэлэтыжъхэр зыгъэдджэгу тетыр

пэи унэм къыцдыроджэгу. –

С теми, у кого золотые усы,

мы на шелковой постели игрались,

Начальник, который играючи, солдат <гоняет>,

в <темной> комнате нами забавляется [АПВКВ 2014: 103, 108].

Таким образом, выясняется, что в системе колористики адыгского эпоса природа черного цвета амбивалентна. Если он ассоциируется с доблестным адыгским воином, его цветообозначение положительное. В противоположной позиции, черный цвет носит негативный смысл. В силу этого, анализ проводится в связи с принадлежностью эпических образов к «своему» или «чужому». Так, народное сознание презирает малодушие князя, за что отводит ему место в стороне врагов. Поэтому черный цвет в его образе несет негативный смысл:

ХэйтIохъуцокъуэу лы фIыцIэжъ фагъуэ... –

Хатакшоковых черный муж недобрый, бледный... [НПИИНА III-1 1986: 67, 70].

Смеем предположить, что бледность, здесь расценивается как отсутствие цвета, т.е. отсутствие света, и наполняется негативной символикой в одном ряду с черным цветом. Кроме того, суффикс «гъу» в слове «фагъуэ» означают серый цвет (гъу-абжэ). Оттенок серого близкий к черному цвету может принять негативный смысл.

В другом варианте этой песни поется:

Хьэтлохьуцокьуэу щауэ хужь фагьуэ! –

Хатакшоковский наездник белый, бледный! [АПВКВ 2014: 446, 447]

Противоречивый характер представленного образа – иносказательное определение трусости героя песни. Белый положительный цвет здесь указывает на социальный статус князя. Его сочетание с цветообозначением бледности становится уничижительным колоративом. Это упрек за то, что Хатакшоко, лицо благородного происхождения, не смог сохранить свою честь.

Отрицательный смысл черный цвет выражает и в женских образах врагов:

Фыз кьуапцлэ нашэр зи нлэ цэбащлэ... –

Женщина смуглая касоглазая –

Твоя прислужница в ваших покоях [АПВКВ 2014: 100].

А в образах адыгских женщин этот цвет сливается с рядом положительных описаний. Колоратив становится определением ее красоты и принадлежности к позиции «свой». А.В. Гутов считает, что связано это с утратой цветовой символики к существенной роли эстетического характера [Гутов 1994: 130]:

Ханио, моя невестка,

Худая, чернявая с виду... [АПВКВ 2014: 148].

В свете проделанного анализа:

1. Устанавливается зависимость цветовой символики от мифологии этноса, в основе чего лежит сфера сакрального.

2. В связи с тем, что в разные исторические периоды колоративы могут нести разную смысловую нагрузку, символическое использование цветových обозначений остается актуальной в фольклоре. Таким образом, ассоциация цвета в архаическом и младшем эпосе разноплановая. Вместе с тем, функции и формы его художественного проявления различны.

3. Так, в историко-героическом эпосе колоративы потеряли свое первоначальное мифологическое значение и, выполняя эстетическую функцию, стали символическим явлением. При этом, обнаруживается четко выстроенная оппозиция белого и черного цвета. Код белого цвета в эпосе адыгов носит устойчивую положительную символику. Черный же, в отличие от белого цвета, может стать метафорой с положительной, но чаще всего, с отрицательной оценкой. В первом случае – это описание внутреннего и внешнего облика адыгского воина и его атрибутов, во втором – это описание противостоящей вражеской стороны. В этом рассматривается оппозиция «свой» – «чужой», как позиции добра и зла.

Список источников

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

АПВКВ 2014 – Адыгские песни времен кавказской войны. Изд. 2-е, доп. / под общ. ред. В.Х. Кажарова. Нальчик: Печатный двор, 2014. 656 с.

Гутов 1994 – Гутов А.М. Обозначения цвета в поэтическом языке эпоса «Нартхэр» // Нартский эпос и языкознание: материалы коллоквиума VI ЕОК / сост. А.М. Гадагатль. Майкоп: Адыгея, 1994. С. 128–134.

Гутов 2000 – Гутов А.М. Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 218 с.

Гутов 2017 – Гутов А.М. Парадигмы преемственности (старший и младший типы адыгского эпоса) // Кавказология. 2017. № 4. С. 158–176.

Гутова 2020 – Гутова Л.А. Жизненный цикл человека в фольклорном отражении. Часть II. Нальчик: Принт-Центр, 2020. 238 с.

Кардангушев 2009 – Кардангушев З.П. Избранные труды / сост. М.Ф. Бухуров, М.А. Тимижев, А.А. Ципинов. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2009. 756 с.

Кудаева 1986 – Кудаева З.Ж. Паремнологические жанры адыгского фольклора. Автореферат диссертации кандидата филологических наук / Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М., 1986. 21 с.

Нарты I 2012 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / под общ. ред. А.М. Гутова. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. 423 с.

Нарты III 2020 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 3. Бадиноко. Шауей / сост., перев., коммент. М.Ф. Бухурова, А.М. Гутова и др. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 582 с.

Нарты IV 2020 – Нарты. Адыгский эпос. Т. 4. Разрозненные сказания / сост., перев., коммент. М.Ф. Бухурова, А.М. Гутова и др. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2020. 420 с.

НПИНА III-1 1986 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 3. Ч. 1. М.: Сов. композитор, 1986. 264 с.

НПИНА III-2 1990 – Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. В 4-х томах / сост. В.Х. Барагунов, З.П. Кардангушев; под ред. Е.В. Гиппиуса. Т. 3. Ч. 2. М.: Сов. композитор, 1990. 485 с.

СМОМПК 25 1989 – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. 1898. Вып. 25. 761 с.

ФАИГИКБНЦРАН – Фоноархив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук.

References

Arhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Archive of the Institute of humanitarian researches of the Kabardino-Balkarian scientific center of the Russian academy of sciences]. (In Adyghe)

Adygskie pesni vremen kavkazskoy vojny [Adyghe songs of the times of the Caucasian war]. Edition 2nd, augmented / edited by V. H. Kazharov. Nalchik: Printing Yard, 2014. 656 p. (In Russian)

GUTOV A. M. *Oboznacheniya cveta v poeticheskom yazyke eposa «Narther»* [Color designations in the poetic language of the epic «Narther»]. IN: *Nartskiy epos i yazykoznanie* [Nart epic and linguistics]: materials of the colloquium VI EOK / composer A. M. Gadagatl. Maykop: Adygea, 1994. P. 128–134. (In Russian)

GUTOV A. M. *Hudozhestvenno-stilevye tradicii adygskogo eposa* [Artistic and stylistic traditions of the Adyghe epic]. Nalchik: El-Fa, 2000. 218 p. (In Russian)

GUTOV A. M. *Paradigmy preemstvennosti (starshij i mladshij tipy adygskogo eposa)* [Succession paradigms (senior and junior types of the Adyghe epic)]. IN: *Kavkazologiya*. 2017. № 4. P. 158–176. (In Russian)

GUTOVA L. A. *Zhiznennyj cikel cheloveka v fol'klornom otrazhenii* [The life cycle of a person in folklore reflection]. Part II. Nalchik: Print Center, 2020. 238 p. (In Russian)

KARDANGUSHEV Z. P. *Izbrannye trudy* [Selected works] / compilers M. F. Buhurov, M.A. Timizhev, A.A. Tsipinov. Nalchik: Publishing house of M. and V. Kotlyarovs, 2009. 756 p. (In Russian)

KUDAIEVA Z. Zh. *Paremiologicheskie zhanry adygskogo fol'klora. Avtoreferat dissertatsii kandidata filologicheskikh nauk* [Paremiological genres of the Adyghe folklore. Abstract of the dissertation of the candidate of philological sciences]. Institute of World Literature named after A.M. Gorky RAS. Moscow, 1986. 21 p. (In Russian)

Narty. Adygskiy epos. T. 1. Ranniye tsikly eposa. Sosruko [Narts. Adyg epic. Vol. 1. Early cycles of the epic. Sosruko] / edited by A. M. Gutov. Nalchik: LLC «Tetragraf», 2012. 424 p. (In Adyghe and in Russian)

Narty. Adygskiy epos. T. 3. Badinoko. Shauey [Narts. Adyg epic. Vol. 3. Badinoko. Shauey] / compilation, translation, comments by M. F. Buhurov, A. M. Gutov, etc.; editor-in-chief A. M. Gutov. Nalchik: Editorial and publishing department of the IHR KBSC RAS, 2020. 582 p. (In Adyghe and in Russian)

Narty. Adygskiy epos. T. 4. Razroznennye skazaniya [Narts. Adyg epic. Vol. 4. Scattered legends] / compilation, translation, comments by M. F. Buhurov, A. M. Gutov, etc. Nalchik: Editorial and publishing department of the IHR KBSC RAS, 2020. 420 p. (In Adyghe and in Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V. H. Baragunov, Z. P. Kardangushev; edited by E. V. Gippius. Vol. 3. Ch. 1. Moscow: Soviet composer, 1986. 264 p. (In Russian)

Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov [Folk songs and instrumental tunes of the Circassians]. In 4 volumes / compilers V. H. Baragunov, Z. P. Kardangushev; edited by E. V. Gippius. Vol. 3. Ch. 2. Moscow: Soviet composer, 1990. 485 p. (In Russian)

Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostej i plemen Kavkaza [Collection of materials for description of regions and tribes of the Caucasus]. 1898. Issue 25. 761 p. (In Russian)

Fonoarkhiv Instituta gumanitarnykh issledovaniy Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk [Phonoarchive of the Institute of humanitarian researches of the Kabardino-Balkarianscientific center of the Russian academy of sciences]. (In Adyghe)

Информация об авторе

Л.С. Хагожева – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник сектора адыгского фольклора.

Information about the author

L.S. Khagozheeva – Candidate of Science (Philology), Junior researcher of the sector of adyghe folklore.

Статья поступила в редакцию 06.11.2021; одобрена после рецензирования 28.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 06.11.2021; approved after reviewing 28.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

**ЭСТЕТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ИДИОСТИЛЯ В ПРОЗЕ М. ЭЛЬБЕРДА
И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В РАСКРЫТИИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОГО ЗАМЫСЛА АВТОРА**

Светлана Михайловна Алхасова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alphas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© С.М. Алхасова, 2021

Аннотация. В статье поднимаются вопросы изучения индивидуального стиля писателя в художественных текстах, рассматриваются вопросы специфики литературного стиля и составляющих его маркеров в романе «Страшен путь на Ошхамах» М. Эльберда. Стоит задача принципиально разграничить – с лингвопоэтической точки зрения – основные модификации маркеров в литературно-художественном произведении. В статье исследованы маркеры речевой художественной формы. Анализ проведен с использованием лингвопоэтического подхода. Автор останавливается на таких культурно значимых маркерах, как прозаические формы монологической речи, несобственно прямая речь, присутствие автора, как стороннего наблюдателя и др. В статье также уделяется большое внимание стилистическим и лексико-семантическим маркерам. Замечено, что в романе представлено немало каламбуров, оксюморонов, окказионализмов и других лексико-семантических и стилистических маркеров. Приводится классификация маркеров, выделяются несколько групп маркеров. Автор статьи заостряет внимание на значимой группе маркеров, таких, как фонетическо-интонационные маркеры. Особое внимание уделяется графическим маркерам, которые входят в группу фонетико-интонационных. Доказано, что графические маркеры писателем используются для подчеркивания смысла и значения текста. Новизна исследования видится в том, что в работе впервые рассматриваются вопросы специфики идиостиля М. Эльберда в романе «Страшен путь на Ошхамах». Актуальность исследования обусловлена тем, что исследования маркеров речевой художественной формы в данном произведении все еще остаются в числе малоизученных.

Ключевые слова и фразы: авторский стиль, эстетическая функция, маркеры, адыгская проза, контекст романа

Для цитирования: Алхасова С.М. Эстетическая функция стиля в прозе М. Эльберда и ее значение в раскрытии содержательного замысла автора // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 95–100. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-95-100

Original article

**THE AESTHETIC FUNCTION OF STYLE IN M. ELBERD'S PROSE
AND ITS SIGNIFICANCE IN REVEALING THE AUTHOR'S MEANINGFUL PLAN**

Svetlana M. Alkhasova

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alphas55@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1773-285X>

© S.M. Alkhasova, 2021

Abstract. The article raises the issues of studying the individual style of the writer in literary texts, examines the specifics of the literary style and its constituent markers in the novel “The Path to Oshkhamaho is Scary” by M. Elberd. The task is to fundamentally distinguish – from a linguopoetic point of view – the main modifications of markers in a literary and artistic work. The article examines the markers of the speech art form. The analysis was carried out using a linguopoetic approach. The author dwells on such culturally significant markers as prosaic forms of monologue speech, improperly direct speech, the author’s co-presence as an outside observer, etc. The article also pays great attention to stylistic and lexical-semantic markers. It is noticed that the novel contains a lot of puns, oxymorons, occasionalisms and other lexico-semantic and stylistic markers. The classification of markers is given, several groups of markers are distinguished. The author of the article draws attention to a significant group of markers, such as phonetic-intonation markers. Particular attention is paid to graphic markers, which are part of the phonetic-intonation group. It is proved that the writer M. Elberd uses graphic markers to emphasize the meaning and meaning of the text. The novelty of the research is seen in the fact that the work for the first time examines the specifics of the idiosyle of the writer M. Elberd in the novel “The Path to Oshkhamaho is Scary”. The relevance of the study is due to the fact that the study of markers of the speech art form in this work is still among the poorly studied.

Keywords: author’s style, aesthetic function, markers, Adyge prose, novel context

For citation: Alkhasova S.M. The aesthetic function of the style in M. Elberd’s prose and its significance in revealing the author’s meaningful plan. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021. №. 4-1 (51): 95–100. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-95-100

Роман М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» по своему стилю, композиции, сюжетообразованию и подаче художественного текста особо выделяется в кабардинской литературе. Это уникальное произведение по настоящее время мало исследовано литературоведами. В данной статье рассматривается только одна грань произведения – стиль и идиостиль писателя в романе. Хочется надеяться, что другие особенности и специфика произведения окажутся в фокусе внимания других исследователей.

Изучению индивидуального стиля писателя в художественных текстах посвящено немало работ в современной отечественной науке. Известный лингвист и литературовед В.В. Виноградов еще в 60–80-е гг. прошлого столетия первым посвятил этому вопросу научные работы [Виноградов 1980]. По мнению исследователя, стиль автора отражается в стиле художественного произведения. Индивидуальный стиль писателя (идиостиль) определяется как единство художественных систем. Изучая художественный стиль произведения автора, направления эпохи, «... следует обращать внимание прежде всего на то, каков тот мир, в который погружает нас произведение искусства, каково его время, пространство, социальная и материальная среда, каковы в нем законы психологии и движения идей, каковы те общие принципы, на основании которых все эти отдельные элементы связываются в единое художественное целое» [Виноградов 1980].

Природе стиля и его составляющим, проблеме, связанной с этим понятием, также посвятил свои работы Е.В. Кловак [Кловак 2015]. По его определению, природа стиля заключается в единстве слов и образов произведения, а также в «особом чувстве писателя» [Кловак 2015: 36]. Для анализа текстов романа М. Эльберда мы воспользовались классификацией, которая приводится в названной выше работе Е.В. Кловака.

Средства, которые образуют текст всего художественного произведения, называются маркерами. Маркеры являются одним из главных составляющих, придающих специфику стилю писателя. «Маркеры реализуются в конкретном произведении» [Молдавская 2006: 238–239]. В романе М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» мы можем выделить следующие группы маркеров: 1) тропы: метафоры, метонимии, синекдоха, гиперболы, эпитеты, перифразы, аллегории, литоты; 2) лексико-семантические маркеры: каламбуры, оксюморон, авторские окказионализмы

и др.; 3) культурно значимые маркеры: аллюзии, аллитерации; 4) фонетическо-интонационные маркеры: шрифты, графика для подчеркивания смысла и значения текста. Существуют и другие группы маркеров, которые менее выражены в данном произведении, вследствие чего мы их касаться не будем.

Развернем всю матрицу произведения и отметим самые значимые маркеры в художественном построении романа М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо», чтобы определить их значение в построении смысловой части всего произведения.

Объем романа составляет 243 страницы, структура имеет сложное построение. Она состоит из 2-х больших частей: «Первая часть, предварительная» и «Заключительная часть»; из 18 «Хабаров» и 7 «Слов Созерцателя». Автор использует графические маркеры, такие, как выделение отдельных фрагментов разными шрифтами: курсивом и полужирным шрифтом. Этим автор подчеркивает фрагментарность произведения: слова «Созерцателя» и «Хабары» часто связаны не по смыслу, а по ассоциативному принципу. Так, «Слово Созерцателя», а также заглавие и подзаглавие «Хабаров» всюду выделены полужирным шрифтом, курсив используется для постраничных комментариев и сносок, а также все старинные песни и поговорки выделены курсивом. Каждая глава озаглавлена как «Хабар» с соответствующей нумерацией и с разъяснительным подзаголовком: «ХАБАР ПЕРВЫЙ, напоминающий о том, что пути сокращаются хождением, а долги – погашением»; или: «ХАБАР ПЯТЫЙ, доказывающий справедливость того изречения, что волк жеребенка режет – на тавро не смотрит». Очень яркий троп, имеющий фольклорные корни, это песня, приведенная в «Хабаре одиннадцатом»: *«Грязная тропа, набитая не нами, к полю приведет, загаженному псами»*. Эти маркеры используются писателем для того, чтобы отразить особенности мышления как самого автора, так и персонажей произведения. Графические маркеры, подчеркивающие фрагментарность, иначе называется дискретностью, и относится к лексико-синтаксическим маркерам. Подобные графические маркеры первыми использовали лауреат Нобелевской премии американский писатель-модернист Уильям Катберт Фолкнер (1897–1962) в романе «Шум и ярость», а также англоканадский писатель Артур Хейли в романе-бестселлере «Аэропорт» (1968), по которому был поставлен известный фильм «Конкорд» (1979). Эти писатели активно использовали графические маркеры в своих произведениях: фрагментарно тексты были выделены не только разными шрифтами по размеру и графике, но пошли дальше и активно использовали цветовую гамму в тексте произведения: от красного, синего шрифта и до желтого, зеленого и фиолетового. Функция дискретности использовалась этими авторами для подчеркивания важности и своеобразия персонажей и событий, чтобы отразить особенности мышления действующих героев и разности смысловых фрагментов произведения. Хочется подчеркнуть, что М. Эльберд, будучи хорошо знаком с творчеством классиков мировой литературы, явился их преемником и первым использовал в кабардинской литературе новые графические приемы.

В романе М. Эльберда немало стилистических и культурно-значимых маркеров. К стилистическим маркерам (в соответствии с языковым уровнем) относятся тропы, которые отчетливо прослеживаются, например, в следующем фрагменте: *«Случалось дни и ночи проводить в седле, терпеть изнуряющий зной пустыни, пить вместо воды верблюжью кровь или вонючую жижу солончакового болота... В богатом каирском доме моего отца, важного придворного сановника, все располагало к беспечному праздному кейфу. Отец рано умер, и мне достались в наследство и шкатулки, набитые драгоценностями, и золотая посуда, и роскошные ковры, которыми были устланы в доме плиты мраморного пола и увешаны стены, сложенные из белого известняка. В моем тенистом саду, отгороженном от пыльного зноя улиц стеной, росли цветы, мягко журчала вода большого фонтана, ветви деревьев сгибались под тяжестью плодов. Но я не мог провести и*

нескольких дней в праздном покое. Тоска и скука быстро выгоняли меня за ворота собственного дома, и я спешил к крепостным стенам, где всегда толпились воины, где слышались грубый смех и свист стрел, посылаемых в мишени, где пахло по вечерам дымом смолистых факелов и лошадиным навозом» [Эльберд 1980].

В приведенном отрывке достаточное количество эпитетов, то есть, ярких определений, которые помогают лучше раскрыть не просто суть метафор. Они раскрывают нам живописно и красочно особенности жизни и быта описываемой автором эпохи. Немало в тексте встречаются и такие культурно-значимые маркеры, как аллюзии или реминисценции. То есть, скрытый в речи или письме намек на какого-либо человека, событие или ситуацию, которые заведомо известны читателю. Чаще всего автор использует старинные фольклорные выражения, поговорки, фразеологизмы, отрывки из фольклорных и исторических песен и легенд. По большей части они встречаются в подзаголовках «Хабаров»: ХАБАР ЧЕТВЕРТЫЙ, подтверждающий, что ворон кружит там, где лежит падаль, а уорк – где лежит богатство». Здесь намек – прямой. Но есть и многозначительные, скрытые намеки: «ХАБАР ПЯТЫЙ, доказывающий справедливость того изречения, что волк жеребенка режет – на тавро не смотрит». Все подзаголовки «Хабаров» подспудно намекают на то, чему будет посвящено содержание всей следующей главы: «ХАБАР ВТОРОЙ, наводящий на мысль о том, что и к самому далекому порогу человек всегда найдет дорогу».

Другой стилистический прием – это монолог от автора: «Слово Созерцателя». Таких монологов в романе – семь. Написаны они как несобственно прямая речь: «Несобственно прямая речь – особый прием повествования, широко распространенный в прозе 20 в., но идущий от нач. 19 в. Несобственно прямая речь позволяет писателю совмещать собственно-авторскую характеристику с самохарактеристикой героя, переплетать авторскую речь с речью персонажа. Речь ведется от автора, но общее содержание высказывания (по лексике, словоупотреблению, синтаксису) как бы переносится в область мышления и речи литературного героя» [Виноградов: эл. ресурс]. Писатель использовал особый прием – в форме соприсутствия автора в образе Созерцателя. Автор произведения, Созерцатель, словно бы наблюдает за происходящими действиями, событиями со стороны, рассуждает, дает характеристику героям и их поступкам, рассказывает, как сложилась их дальнейшая жизнь. То есть, события происходят как бы без видимого вмешательства самого автора: *«Интересную жизнь прожили Мысроко и Тузар. И хочется сказать о них шестым аятом из двадцать четвертой суры Корана: «Разве не окинули они земли своими взорами?»» [Эльберд 1980].*

А перед изумленными взорами созерцателя пронеслось множество интересных лиц и увлекательных событий, и далеко не каждое лицо и событие нашли свое место в трех наших первых хабарах». Вот еще пример:

«1. Давно замечено: если земля хороша, то нравится она не только тем, кому принадлежит.

2. Замечено также, что принадлежит она обычно плохим хозяевам.

3. И еще замечено: эти хозяева обязательно в чем-то провинятся перед соседями.

Ведь они обязательно не ту песню запоют, не так лошадь оседлают, загрузят не вовремя, развеселятся не к месту. Учить их надо. А за науку пусть платят.

С более сильными соседями не хочется спорить. Хорошо, хорошо – ваши речи умнее, ваша религия самая лучшая. Не лучшая, а единственно правильная, вы говорите? Ладно, согласны.

Вот ведь какие эти владельцы тучных пашен, сочных лугов и богатых лесов и садов, орошаемых потоками чистых вод! Соглашаются. А не слишком ли благодушно принимают они в свой дом единственно истинного бога? Где священный

трепет и благоговение, где страх божий?! Все не так, как у людей! Они готовы платить за науку назначенную цену? Значит, цена эта слишком мала. Согласны и на большую? Значит, они гораздо богаче, чем прикидываются?» [Эльберд 1980].

Данный фрагмент – яркий пример, когда слова автора передаются несобственно прямой речью. Когда слова Созерцателя передаются в виде авторской речи, не отличаясь от нее ни синтаксически, ни пунктуационно. Но несобственно прямая речь сохраняет все стилистические особенности, свойственные прямой речи персонажа, что и отличает ее от авторской речи: «Как стилистический прием несобственно прямая речь широко используется в основном в художественной прозе, позволяя создать впечатление соприсутствия автора и читателя при поступках и словах героя, незаметного» [Виноградов: эл. ресурс].

В романе представлено немало каламбуров, оксюморонов, окказионализмов и других лексико-семантических и стилистических маркеров. Их разбор и подробный анализ в данном произведении может стать темой отдельных, последующих статей.

В заключении следует подчеркнуть, что все представленные выше примеры маркируют стиль писателя М. Эльберда и придают его роману неповторимую этнонациональную специфику. Исследование маркеров речевой художественной формы в данном произведении мы провели, используя лингвопоэтический подход. Анализ же данного произведения с литературоведческих позиций, когда рассматриваются его содержательные и композиционные особенности, значительно отличается от лингвопоэтического подхода, и может также стать темой последующих наших работ. Подчеркнем, что для более внимательного и глубокого изучения романа М. Эльберда «Страшен путь на Ошхамахо» в конечном итоге желателен синтез этих двух методов исследования. Он позволит всесторонне осветить особенности идиостиля М. Эльберда.

Список источников

Виноградов 1980 – *Виноградов В.В.* К теории литературных стилей // *Виноградов В.В.* Избранные труды. М.: Наука, 1980. С. 240–249.

Виноградов: эл. ресурс – *Виноградов В.А.* Несобственно-прямая речь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotekBuks/Literat/Tamar/12.php> (дата обращения: 23.10.2021).

Кловак 2015 – *Кловак Е.В.* Типичные авторские модели как реализация универсального и индивидуального в идиостиле: дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2015. 150 с.

Молдавская 2006 – *Молдавская Н.* Несобственно-прямая речь // *Словарь литературоведческих терминов. Современная иллюстрированная энциклопедия.* М.: Росмэн, 2006. С. 238–239.

Эльберд 1980 – *Эльберд М.* Страшен путь на Ошхамахо: роман. Нальчик: Эльбрус, 1980. 243 с.

References

VINOGRADOV V. V. *K teorii literaturnih stiley* [On the theory of literary styles]. IN: VINOGRADOV V. V. *Izbrannie trudy* [Selected works]. Moscow: Science, 1980. P. 240–249. (In Russian)

VINOGRADOV V. A. *Nesobstvenno pryamaya rech'* [Improperly direct speech] / [Electronic resource]. Access mode: <http://www.gumer.info/bibliotekBuks/Literat/Tamar/12.php> (date of access: 23.10.2021). (In Russian)

KLOVAK E. B. *Tipichnye avtorskie modeli kak realizacija universalnogo I individualnogo v idiostile* [Typical author's models as the implementation of the universal and individual in the idiosyle]: diss. ... Cand. philol. sciences. Tver, 2015. 150 p. (In Russian)

MOLDAVSKAYA N. *Nesobstvenno-pryamaya rech'* [Inappropriate direct speech]. IN: *Slovar' literaturovedcheskih terminov. Sovremennaya illyustrirovannaya enciklopediya*

[Dictionary of literary terms. Modern illustrated encyclopedia]. Moscow: Rosmen, 2006. P. 238–239. (In Russian)

ELBERD M. *Strashen put' na Oshhamaho* [The path to Oshkhamakho is terrible]: novel. Nalchik: Elbrus, 1980. 243 p. (In Russian)

Информация об авторе

С.М. Алхасова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

S.M. Alkhasova – Doctor of Philology, leading researcher of the Kabardino-Circassian literature sector.

Статья поступила в редакцию 01.10.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 01.10.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-101-106

**ИСТОРИЯ КАК СПОСОБ ЭТНОИДЕНТИФИКАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Д. АРМЫ «ДОРОГА ДОМОЙ»)**

Елена Нартшаевна Бетуганова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© Е.Н. Бетуганова, 2021

Аннотация. Во второй половине 1980-х – начала 1990-х гг., а затем и в постсоветский период литература претерпевает трансформации, связанные с изменениями в социально-политической жизни России. Отсюда возникает потребность общества в знании отечественной истории. В анализе нуждается тенденция к переосмыслению проблем «человек и время». При кажущейся разработанности темы она не потеряла своей актуальности. Главная цель статьи – рассмотреть пути художественной реализации темы «человек и время». Через историческую аксиологию осуществляется развитие представлений о национальных идеалах. Приобщение к истории открывает возможность проникнуть во внутренний мир адыгов периода Кавказской войны. В статье реконструируются менталитет, ценностно-нормативные установки воина времен Кавказской войны; делается акцент на том, что менталитет адыга был обусловлен в первую очередь национально-культурной традицией, развивался из нее, по возможности сохраняя формулы идентификационного начала. Этика и эстетика адыгского народа была построена на оппозициях: «жизнь-смерть», «слава-позор», «свобода-рабство», «героизм-трусость». При всем высоком развитии индивидуального начала в поведении, личность воина-адыга обретала социально-значимый статус в зависимости от того, насколько общественно важным было его отношение к Родине.

Ключевые слова: человек, время, воин, национально-культурная традиция, менталитет

Для цитирования: Бетуганова Е.Н. Образ воина в романе Д. Армы «Дорога домой» // Вестник КБИГИ. 2021 № 4-1 (51). С. 101–106. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-101-106

Original article

**HISTORY AS A WAY OF ETHNOIDENTIFICATION
(ON THE EXAMPLE OF THE NOVEL BY D. ARMA “THE WAY HOME”)**

Elena N. Betuganova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, betuganovaelena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7969-4564>

© E.N. Betuganova, 2021

Abstract. In the second half of the 1980s – early 1990s, and then in the post-Soviet period, literature undergoes transformations associated with changes in the socio-political life of Russia. Hence the need of society for knowledge of Russian history arises. The tendency to rethink the problems of “man and time” needs analysis. Despite the apparent

elaboration of the topic, it has not lost its relevance. The main purpose of the article is to consider the ways of artistic realization of the theme “man and time”. The development of ideas about national ideals is carried out through historical axiology. An introduction to history opens up an opportunity to penetrate into the inner world of the Circassians of the period of the Caucasian War. The article reconstructs the mentality, value-normative attitudes of a warrior during the Caucasian War. The article focuses on the fact that the mentality of the Adyghe was primarily due to the national-cultural tradition, developed from it, preserving the formulas of the identification principle, if possible. The ethics and aesthetics of the Adyghe people were built on the oppositions: “life-death”, “glory-shame”, “freedom-slavery”, “heroism-cowardice”. With all the high development of the individual beginning in behavior, the personality of the Adyghe warrior acquired a socially significant status depending on how socially important his attitude to the Motherland was.

Keywords: man, time, warrior, national and cultural tradition, mentality

For citation: Betuganova E.N. The image of a warrior in D. Arma’s novel “The Road to Home”. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2021. № 4-1 (51): 101–106. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-101-106

Стремительные изменения в мире в конце XX – начале XXI века, связанные в первую очередь с нарастающими и весьма противоречивыми процессами глобализации, резко обострили проблему национальной идентичности. Ведущей чертой современной литературы стало пробуждение национального чувства, как защитная реакция на глобализацию, нивелирование национального компонента. Обновленческие процессы в стране выявили возрастающую роль и значение «национального вопроса» во всем комплексе составляющих его параметров (национальное самосознание, национальное своеобразие, проблемы языка, истории). В литературе стали актуальны вопросы: что такое национальная идентичность и национальный характер, как их защитить от нивелирующих все и вся глобальных процессов, где их корни и источники. Стремление сохранить «этнокультурную самобытность» усилило интерес литературы к национальным истокам. Писатели выявляют, анализируют, вводят в художественную практику богатый материал по этнографии адыгов. В подавляющем большинстве текстов современных авторов наблюдается тяготение к детализированным характеристикам этнографического быта, воспроизведению обычаев и традиций; связано это с необходимостью сохранения бытующих в этносреде традиционных моделей поведенческой этики, императивов и адатных воззрений; с этой целью в художественную практику вводится материал по истории, культуре, фольклорному наследию народа.

Действенным способом проявления этноидентичности в романе «Возвращение домой» является обращение к истории народа, через аксиологию которой в романе осуществляется развитие представлений о национальных идеалах.

Дина Арма пытается ответить на вопрос, что побуждало воина «противостоять многократно превосходящим силам противника, предпочитая героическую смерть выгодам мирного подчинения».

Так, начало повествования открывает притча о происхождении народа адыге, которых сотворил творец вездесущий и назвал их «детьми солнца». Солнце у адыгов – один из сакральных символов. Автор подчеркивает, что менталитет адыга был обусловлен в первую очередь национально-культурной традицией, развивался из нее, по возможности сохраняя формулы идентификационного начала [Betuganova, Uzdenova, etc. 2019: 667]. Неслучайно адыги любили повторять: «Мы [наши] предки солнечно-лунного происхождения» [Бгажноков 1983: 105]. С характером этноса, – отмечает Ю.В. Бромлей, – неразрывно связана типичная для его членов система побуждений – совокупность их потребностей, интересов, ценностных установок, убеждений, идеалов» [Бромлей 1983: 152]. Адыги, опирались в первую очередь на силу общественного мнения. В XIX веке на Северном Кавказе, если следовать общепринятым понятиям, государственность отсутствовала. Однако господствовавшие здесь порядки и образ жизни населения

свидетельствуют о том, что люди, несмотря на это, чувствовали себя более защищенными, чем в других государственных образованиях. Все дело было в уникальной системе управления. Население не было обременено налогами, у него не было ни регулярной армии, ни прокуроров, ни заключенных. Полиция и тюрьмы отсутствовали. Они сами определяли границы своей свободы и своих прав. Подобные правила поведения формировались на протяжении столетий и приобрели со временем характер неписаных законов, обязательных для всего населения и безусловно соблюдаемых. Отсюда проистекали и отсутствие во все времена на Северном Кавказе такого общественного устройства, при котором власть была бы сосредоточена в руках какой-либо социальной группы, способной к ограничению свободы людей. Никто никому не навязывал соблюдения каких-либо законов, люди каждый поступок соизмеряли в соответствии с традициями, правами и обычаями своего народа. Именно поэтому подобная социальная среда формировала людей, смыслом жизни которых становилось сохранение чести и свободы.

«Сила народа в могучем дубе, который почитается священным в священной роще», – пишет автор [Арма 2009: 224]. В адыгской мифологии священными или «божьиими деревьями» могли быть различные деревья (Тхьэ чьыг), но особенно выделялся дуб. Сакральным предметом оказывалось практически любое дерево. То, что у адыгов из всех деревьев чаще всего сакрализуется дуб, было связано с ментальностью народа, уникальностью и самобытностью, особенностями образа жизни и «...культивированием качеств стойкости, мужества, необходимости постоянно защищать свою землю» [Кудаева 2008: 33]. «Любовь к Родине для горца была священна. Родину воин-адыг расценивал не просто, как землю, это было место, где родились, выросли и умерли предки. Могилы предков считались священными. Отдать землю врагу означало утратить память, корни. Тем более, у адыгов, традиционно преклонявшихся перед старшим поколением, еще большим почитанием в рамках культа предков была окружена память ушедших из жизни. «В характере черкесов, – отмечал Дж. Лонгворт, – нет, пожалуй, черты более заслуживающей восхищения, чем их забота о павших – о бедных останках мертвого, который не может уже чувствовать этой заботы» [Хагожеева 2019: 171]. Привязанность их к родине до того была сильна в этом народе, что они нередко, забравшись в какое-нибудь заросшее темное ущелье, там и умирали от холода и голода с винтовкою в руке.

При всем высоком развитии индивидуального начала в поведении, личность воина-адыга обретала социально-значимый статус в зависимости от того, насколько общественно важным было его отношение к Родине. Адыг должен был быть настоящим патриотом, бесстрашным, готовым умереть за свою родину. С незапамятных времен, ставя защиту Родины превыше всего, матери-горянки в своих наказаниях напоминали сыновьям, что по древним законам горцев, самая высокая честь – это честь умереть за Родину. В случае трусости их ждало страшное материнское проклятие. «Пусть молоко мое станет ядом, если не сбережешь Родину», – говорила мать сыну, провожая на воину. Если бы воин между желанием остаться в живых, уклонившись от вражеского огня, или погибнуть, защищая Родину, дрогнул бы и выбрал жизнь, его постигла духовная смерть. Его бы отвергла мать, друзья, невеста. Это сторона черкесского менталитета была отражена М.Ю. Лермонтовым в поэме «Беглец» – Гарун, «бежавший в страхе с поля брани забывший свой долг и стыд», отвергнут и проклят другом, матерью и возлюбленной.

Чем яростнее разгорался дух мужской любви, тем тщательнее изживалось всякое чувство, ибо изошренно насмеялись над несчастным, который выказал тень еще не вытравленной любви. Любить было подобно смерти. Опасная страсть делала тело влюбленного податливым и мягким, лишала воли и силы. Такие воины становились первыми жертвами в бою. Поэтому, чем больше зрела в мужчинах неизбывная тоска по любви и теплу, тем дальше они уходили от дома, тем больше

согревало их оружие у изголовья жесткого, одинокого ложа. Чем больше они любили и привязывались к детям своим, тем больше отстранялись от них. Либо детей отдавали на воспитание аталыкам, потому что то была другая любовь, и попасть в них значило погубить себя и свою семью. «Не люби! Приказывала жизнь со всех сторон и во все времена, – сопротивляйся чувству изо всех сил, ибо в нем заключается смерть твоя» [Арма 2009: 226], – пишет автор.

Еще больше истреблялась любовь к себе. Малейшее проявление ее – и быстрее пули и штыка врага такого убило бы всеобщее презрение и насмешки. Чем больше разрасталось его сила и знание собственного величия, тем глубже оно погружалось на самое дно суровой души, ибо в молчании отражалось величие.

Н. Дубровин писал: «Храбрые по природе, привыкшие с детства бороться с опасностью черкесы в высшей степени пренебрегали самохвальством. О военных подвигах черкес никогда не говорил, никогда не прославлял их, считая такой поступок неприличным. Самые смелые джигиты отличались необыкновенной скромностью, говорили тихо, не хвастались своими подвигами...» [Бгажноков 1983: 97]. Весьма показательно в этом отношении предание о рыцаре Бзехинеко Бексирзе, потребовавшем выкинуть из героической песни, сложенной в его честь, «описание такого подвига, который унижал одного из его соперников» [Бгажноков 1983: 97]. Конечно, это всего лишь предание, но, бесспорно, такое, которое отражает специфику моральных качеств, ожидаемых от воина. Сдержанность во всем, что было связано с необходимостью защитить свою честь, была одной из их главных заповедей. Отсюда спокойствие и невозмутимость даже в экстремальных ситуациях, стойкое перенесение ударов судьбы. [Бгажноков 1983: 101].

Оружие никогда не вынималось из рук воина, словно приросло к нему. Сложить оружие, убоявшись смерти, считалось бесчестьем, а потому смерть всегда была предпочтительнее, чем сохранение жизни ценою утраты чести. Адыг жил по принципу «достойно жить или достойно умереть». Его этика и эстетика была построена на оппозициях: «жизнь-смерть», «слава-позор», «свобода-рабство», «героизм-трусость». Он постоянно находился в ситуации свободного выбора: мог выбрать жизнь, дрогнуть и отступить, но для него не было ничего позорнее трусости. Поэтому воины, решая эту экзистенциальную дилемму, без колебаний выбирали смерть, строили свое поведение в расчете на норму, которая принята в обществе. В этом контексте можно говорить о своеобразной «воле к смерти». Вместе с тем в этом акте самопожертвования обнаруживается самое высокое проявление «воли к жизни», которая оценивается только в свете героических деяний. Через небытие утверждается вся полнота бытия, его предельное состояние и высший смысл. Погибая, герой обретал бессмертие в славе бесстрашного воина. Пятно бесчестия не могла стереть даже смерть.

Благословенными были павшие в бою, ибо доблесть их была священным покрывалом, которая делала их тела нетленными. Один воин из рода Анзоровых был захоронен на поле битвы, но оправляя прах на землю отцов, извлекли тело через 40 дней, и увидели, что тлен не коснулся его. Ибо только погибшие в сражении были любимцами создателя.

Жить долго, вообще говоря, считалось неприлично. Предание гласит, что бесленевские князья Каноко любили повторять: «Дэ гьащІэу зыхуэдгъэувыжыр ильэс тІошІрэ тхурэщ». – «Мы планируем жить не более двадцати пяти лет» [Бгажноков 1983: 101]. С пятнадцати лет полагалось вести жизнь, полную опасных приключений, чтобы до двадцати пяти лет принять смерть, достойную воина. Небезынтересна в этом отношении история о женщине, которая, увидев дожившего до седин князя Хатакшоко Бачмырзу, насмешливо, с притворным удивлением молвила: «Пщы жьакІэ хужьт сыммыльэгъужар». – «Седобородый князь, такого я еще не видывала» [Бгажноков 1983: 102], тем самым намекая на то, что, видимо, из-за недостатка мужества и предприимчивости князь прожил долго.

Жизнь неминуемо имела свое продолжение, свое следствие, растягивалась, имела длительность. Еще древние философы (Платон, Аристотель), диалектически взаимосвязывая героическое и трагическое, утверждали бессмертие героя, несущее в себе высокие общественные начала, ведь такая жизнь получала прекрасное завершение. В иерархии ценностей сословия благородных воинская слава занимала центральное место и являлась по существу эквивалентом бессмертия [Кажаров 2012: 37]. Дж. Лонгворт подметил, пожалуй, главное, а именно: стремление адыгских воинов к известности, к славе и самый верный путь к его достижению, проявленная на поле битвы храбрость. Неслучайно народная мудрость гласит: «АжалитГ щыщымыІэкІэ, а зы лІэгъуэм лЫгыгъ хэлъхъэ». – «Раз не бывает двух смертей, в единственную смерть вложи мужество»; «ЛПыхъужь и лЪэужь кІуэдыркъым». – «Память о славном воине вечная», «И цІэр, игъэхъахэр къонэж». – «След, память мужественного мужа не исчезает» [Хагажеева 2019: 171]. Именно поэтому они проникались презрением к любому страданию, так же, как к чувству, и умирали без стога.

Как было выше сказано, все тайное заключалось только в душе народа. «Каждый адыг верил сердцем своим лишь первозданной форме чистого смысла, безмолвно живущего внутри» [Арма 2009: 231]. Когда Тайное разрасталось, адыги выпускали душу на свободу, облекая ее словами-крыльями, и безымянная правда превращалась в стих, чувство – в песню, а непосильное горе – в гыбзэ. Поэтому больше всех любили и боялись джегуако; они были отмечены, ибо обладали силой самого создателя. Они могли сплетать воедино души людей и извлекать из него голос, облекая его слово. Одним словом своим он мог из труса сделать храбреца, защитника своего народа...». Черкес знал, что прославленный поэтом-импровизатором, он не умрет в потомстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит. Возможно, поэтому ценностные доминанты воина-адыга автор передает через образ джегуако.

В одном ауле погибли все молодые мужчины, остались лишь женщины, дети и старики. Среди них был великий джегуако, которому поставили условие: «Или он покажет, где прячутся воины, или не пощадят их женщин и детей». Он ввел их в заблуждение, повел их в горы, заведомо зная, что они никогда не выберутся. Зная, что он лучший танцор, враги приказали ему танцевать. Ему пристрелили руку, бедро, грудь, сердце. «Старик улыбался, продолжал танцевать, истекая кровью» [Арма 2009: 233]. Твердость духа джегуако была красноречивым ответом на условие врагов. Дина Арма возложила на джегуако ответственность за моральный дух всего народа, ибо по нему одному враг мог судить обо всех.

Таким образом, процесс переоценки ценностей, коснувшийся самых различных сторон жизнедеятельности современного человека в эпоху глобализации, привел к поиску новых аксиологических ориентиров. Поиски алгоритма сохранения этнической культуры, постижение основ национального самосознания и традиционного права становятся необходимыми условиями полноценного развития общества, его нравственного «исцеления».

Дина Арма неслучайно связала воедино эпоху глобализации и трагические страницы истории. Автор напоминает о смысле подлинной жизни, о том, что утрачено и что должно быть обретено вновь. Приобщение к истории открывает возможность проникнуть во внутренний мир адыгов периода Русско-Кавказской войны, восстановить в сознании их потомков связь времен и тем самым наметить перспективы обретения ими подлинной идентичности.

Список источников

- Арма 2009 – Арма Д. Дорога домой: роман. Нальчик: Эльбрус, 2009. 356 с.
Бгажноков 1983 – Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1983. 228 с.

- Бромлей 1983 – *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
- Кажаров 2012 – *Кажаров В.Х.* Историография и историческое сознание кабардинцев во второй половине XX – начале XXI в. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2012. 84 с.
- Кудаева 2008 – *Кудаева З.Ж.* Мифопоэтическая модель словесной культуры. Нальчик: Эльбрус, 2008. 296 с.
- Хагожеева 2019 – *Хагожеева Л.С.* Адыгская феодальная знать по материалам фольклора. Нальчик: Принт Центр, 2019. 268 с.
- Betuganova, Uzdenova, etc. 2019 – *Betuganova E.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M.* Problem of national identity and ways of its resolution in works of Adyghe and Karachay-Balkarian authors // *Journal of History, Culture and Art Research*. 2019. Vol. 8. № 2. P. 660–670.

References

- ARMA D. *Doroga domoj* [The road home]: novel. Nalchik: Elbrus, 2009. 356 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B. H. *Ocherki etnografii obshcheniya adygov* [Essays on the ethnography of the communication of the adygs]. Nalchik: Elbrus, 1983. 228 p. (In Russian)
- BROMLEJ YU V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on the theory of ethnicity]. Moscow: Science, 1983. 412 p. (In Russian)
- KAZHAROV V. H. *Istoriografiya i istoricheskoe soznanie kabardincev vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v.* [Historiography and historical consciousness of the kabardians in the second half of the XX – early XXI century]. Nalchik: Publishing department of KVIHR, 2012. 84 p. (In Russian)
- KUDAEVA Z. ZH. *Mifopoeticheskaya model' slovesnoj kul'tury* [Mythopoetic model of verbal culture]. Nalchik: Elbrus, 2008. 296 p. (In Russian)
- HAGOZHEEVA L. S. *Adygskaya feodal'naya znat' po materialam fol'klora* [Adyghe feudal nobility based on folklore materials]. Nalchik: Print Center, 2019. 268 p. (In Russian)
- Betuganova E. N., Uzdenova F. T., Dodueva A. T., Khubolov S. M.* Problem of national identity and ways of its resolution in works of Adyghe and Karachay-Balkarian authors. IN: *Journal of History, Culture and Art Research*. 2019. Vol. 8. № 2. P. 660–670.

Информация об авторе

Е.Н. Бетуганова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

E.N. Betuganova – Candidate of Science (Philology), Researcher of the Department of Kabardino-Circassian Literature.

Статья поступила в редакцию 25.10.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 25.10.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

ПОЭТИЧЕСКИЙ МИР И. БАБАЕВА: КОНЦЕПЦИИ, ОБРАЗНЫЕ ПАРАДИГМЫ

Асият Даутовна Болатова (Атабиева)

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© А.Д. Болатова (Атабиева), 2021

Аннотация. В статье определены ведущие концепции творчества балкарского поэта Ибрагима Бабаева, идейно-эстетические основы его произведений, авторская знаковая система и образные парадигмы. Поэтические формулы совмещают в себе многообразие значений и смыслов, содержат трактовку реальности в индивидуальном восприятии, дают возможность моделирования и концептуализации действительности. Диахронический аспект позволяет выявить инварианты, возможные способы воспроизведения устойчивых символов в новой подаче. На примере поэзии И. Бабаева затрагивается и сфера этнического сознания, разъясняются особенности концептуальных метафор, из которых складывается целостная поэтическая картина мира. В рассматриваемых произведениях преобладает формульность, ведущая начало от устно-поэтических традиций. Многочисленные текстовые примеры демонстрируют умение поэта оперировать иносказаниями, абстракциями, олицетворениями в процессе воплощения идейного замысла. Результаты исследования отражают творческие достижения поэта в освоении жанров баллады, лирической и лиро-эпической поэмы, стихотворного цикла и т.д. Подчеркивается весомый вклад автора в расширение возможностей балкарского стихосложения, несомненными являются его заслуги в обновлении поэтики и проблематики национальной поэзии.

Ключевые слова: образные парадигмы, концептуальные метафоры, инвариантность, поэтические формулы, индивидуальная картина мира

Для цитирования: Болатова (Атабиева) А.Д. Поэтический мир И. Бабаева: концепции, образные парадигмы // Вестник КБИГИ. 2021 № 4-1 (51). С. 107–116. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-107-116

Original article

THE POETIC WORLD OF I. BABAYEV: CONCEPTS, FIGURATIVE PARADIGMS

Asiyat D. Bolatova (Atabieva)

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, bolatovaatabieva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2384-6108>

© A.D. Bolatova (Atabieva), 2021

Abstract. The article defines the leading concepts of creativity of the Balkarian poet I. Babayev, the ideological and aesthetic basis of his works, the author's sign system and figurative paradigms. Poetic formulas combine a variety of meanings and meanings, contain an interpretation of reality in individual perception, make it possible to model and conceptualize reality. The diachronic aspect makes it possible to identify invariants, possible ways of reproducing stable symbols in a new presentation. On the example of poetry And . Babayev also touches on the sphere of ethnic consciousness, explains the features

of conceptual metaphors, which form an integral poetic picture of the world. In the works under consideration, formularity prevails, leading from oral and poetic traditions. Numerous textual examples demonstrate the poet's ability to operate with allegories, abstractions, personifications in the process of implementing an ideological plan. The results of the study reflect the poet's creative achievements in mastering the genres of ballads, lyrical and lyric-epic poems, poetic cycle, etc. The author's significant contribution to the expansion of the possibilities of the Balkarian versification is emphasized, his merits in updating the poetics and issues of national poetry are undoubted.

Keywords: figurative paradigms, conceptual metaphors, invariance, poetic formulas, individual picture of the world

For citation: Bolatova (Atabieva) A.D. The poetic world of I. Babayev: concepts, figurative paradigms. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2021; 4-1 (51): 107–116. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-107-116

Ибрагим Бабаев пришел в литературу в конце 1950-х годов и достаточно известен национальному читателю. Наиболее яркие, значимые произведения поэта входят в программу изучения родной литературы, приобщая детскую аудиторию к многоплановому творчеству художника. Первое издание поэтических произведений автора «Жолгъа чыгъама» («Выхожу на дорогу») состоялось в 1962 году. В предисловии к книге К. Кулиев выразил радость по поводу появления в балкарской поэзии такого дарования, отметив выверенный творческий стиль молодого автора, свежесть поэтического слога. В дальнейшем увидели свет: «Малкъар балладасы» («Балкарская баллада» – 1964, 1984), «Жазны барыуу» («Продолжение весны» – 1968), «Продолжение весны» (первая книга стихов в переводе на русский язык, 1968), «Жетегейле» («Семизвездие» – 1972, 1991), «Элия бешик» («Колыбельная для молнии» – 1978, 2000), «Туугъан ташым» («Камень родины» – 1983), «Балкарская баллада» (М., 1974), «Ара боран» («Гнездовье ветров» – 1986), «Иги къууум» («Добрые надежды» – Избранное, 1996) и др.

Уже в первом стихотворном сборнике четко определились индивидуальный стиль И. Бабаева, его включенность в ритм эпохи, стремление осмыслить актуальные вопросы современности. Снабдив художественные тексты комплексом метафор, иносказаний, рефренных мотивов, узнаваемых поэтических формул, автор заметно обновляет ресурсы поэтики. Помимо мощной идейной составляющей, в стихотворениях И. Бабаева велика роль размышляющего начала. Круг затрагиваемых тем отличается многообразием, проблематика стихов вбирает важные события истории народа и общественной жизни. Философская концепция мира не ограничивается декларацией основополагающих нравственных ценностей, мастерство поэта проявляется в способности высвечивать первопричины драматического («Таш бешик» – «Каменная колыбель») и источники прекрасного в окружающей действительности («Гибенек» – «Бабочка»). Поэзия Бабаева ориентирована на раскрытие внутренних переживаний, душевных движений лирического героя, включенного в модус времени. Действительность, судьбы людей, бытие человека отражены во взаимосвязи с историей народа (его прошлым, настоящим и будущим).

Недостаточность опыта на начальном этапе, отсутствие художественных изысков компенсируется постоянным стремлением к совершенствованию, объективным осмыслением и оценкой изображаемого, важностью затрагиваемых проблем. В постижении жизни, прохождении собственного пути художник признает необходимость терпения и борьбы. Поэт ценит в людях открытость сердца, свет души, ум, чистоту намерений, искренность чувств, честь, мужество и уверенный взгляд в будущее, без которых немислимо существование созидательно настроенной личности («Адамны къадары» – «Судьба человека»).

Светлые, романтические картины, вырисовывающиеся в первых публикациях автора, позднее уступают место глубоким философским размышлениям

(«Сагъышла» – «Думы»). Тягостные раздумья не дают поэту покоя, преследуют его, однако оставить их негде, эту ношу не вынесет вековое дерево, его листья пожелтеют и опадут, и небо почернеет в одночасье, посемену, он оставляет их в сердце. И это осознанный нравственный выбор. Лирический герой Бабаева избирает для себя не самый легкий путь познания мира, накопления опыта, проходит испытание на прочность («Ауаз» – «Голос»). Жизненные уроки подаются в сопряжении со значимыми явлениями современной ему действительности. Для художника немаловажны поучительность строк, ненавязчивые назидания, которые необходимы для духовного становления героя.

Люди ответственны за целостность и нерушимость мира на земле. Эта ответственность возрастает многократно, если ты поэт, с которого спрос всегда будет велик. И. Бабаев помнит об этом, осознает в полной мере: «Поэт болсам, менден кёпню сурарла, // Оюн тюйюлдю ол атны жүрютген, // Кёп керекди манга поэт болургъа, // Жазар сёзюм, бишмей, чыкъма жүрекден!» («Если стану поэтом, с меня многое спросят, // Нести это имя не игра, // Мне многое нужно, чтобы стать поэтом, // Слово, что будет написано, не созрев, не выходи из сердца!»). Поэт не устает повторять, что его слово, как ясное небо, открыто для всех, и в то же время оно готово достигнуть цели, уподобляясь натянутому луку и стреле. Творчество должно быть вдумчивым, осознанным, осторожным, этим обусловлена зыскательность Ибрагима к создаваемым произведениям, он отбирает детали, несущие максимальную смысловую нагрузку. Строки не просто сведены в рифмы, но звучат в нужной тональности в абсолютной гармонии строф. Слово художника вбирает радости и печали, его тяжесть и окрыляющая сила обусловлены увиденным и пережитым («Мое слово»), так раскрывается двойственность восприятия мира:

Сыйдам чинарны буз да тюеди,
Кёгерсин деп жауса да жауун.
Или:
Жер бузласын деп тюшеди къар да,
Жер жылынсын деп келсе да жаз.

Гладкий чинар бьет град,
Тогда как дождь льет, чтобы он зеленел.
Снег идет, чтобы земля замерзала,
Весна же приходит, чтобы ее отогреть.

(Подстрочный перевод здесь и далее наш) [Бабаев 1972: 43].

Новаторским направлением поэзии И. Бабаева явилось освоение такой формы как балладный цикл, оставшейся на тот момент относительно новой в балкарской литературе. Этот жанр способен вместить различные грани действительности, отразить философское восприятие мира. Балладное творчество поэта детально проанализировано З.Х. Толгуровым, который определяет «Балкарскую балладу» как «высокохудожественное лиро-эпическое произведение» [Толгуров 2015: 141]. Исследователем указывается, в частности, что здесь велико влияние романтических традиций. Помимо представленного примера, в творчестве Ибрагима Бабаева отдельного внимания заслуживают «Жангыз терекни балладасы» («Баллада об одиноком дереве»), «Адамны юсюнден баллада» («Баллада о человеке»), «Кёреме желни» («Вижу ветер»), «Сабан агъач» («Плуг»), «Илхам» («Вдохновение») и другие. Доминирующей проблематикой отмеченных произведений становится взаимосвязь природы и человека, тревога за будущее народа и человечества в целом. Стройность составных частей текста достигается объединяющей идеей. Баллада «Вижу ветер» выстроена в форме диалога, образ ветра одухотворен, неоднозначно отношение к нему лирического героя, их противостояние проходит три фазы (гнев, спор, принятие и прощение). Впечатляющ поэтический слог автора:

«всеми на свете ветрами я во Вселенную вбит», «камни, ветром прошитые», «слышен свист его кнута», «ветер в крыльях отцовского башлыка».

В серии стихотворений, составивших «Балладу об одиноком дереве», затронут вопрос осознанного одиночества. Образ *дерева, растущего над обрывом*, глубоко символичен. Поэт отождествляет себя с деревом, проецирует его боль на себя, призывает людей проявлять больше беспокойства за каждый камень, росток, родник. В контексте балладного цикла «Три путника обрисован образ *дерева у поворота дороги*, оно растёт под ливнем и градом, уподобляется путнику, всаднику, за ветром летящему, ткёт полотно из ветра. В подаче поэта это – *Древо жизни* – память людская, «*словно мать над могилою сына склонилась*».

Нередки в поэзии Бабаева и стихотворения в форме песен («Жерими журу», «Ашыгъама туугъан элиме»), ийнаров («Тал терек», «Кийикни суусабы»). В их содержании функциональны метафоры-олицетворения, в одном из них *дерево*, видится женщиной, любимой девушкой, матерью, стоит у железной дороги в ожидании дорогого сердцу человека, как Гошаях, тоскующая по Каншаубий. Листья опадают, словно слезы из глаз, ветви представляются в виде женских рук, простертых к небу с мольбой.

Книгу «Элия бешик» («Колыбельная для молнии») составили три лирические поэмы «Атсыз солдат» («Безыманный солдат»), «Китабым» («Моя книга») и «Туугъан ташым» («Камень родины»), их объединяет антивоенная проблематика, любовь к родной земле. Центральные образы сборника – защитник отечества, труженик-пахарь, мать. Поэмы структурированы таким образом, что каждая часть с отдельным заглавием воспринимается одной из картин в контексте истории. В этом аспекте значительно понятие *времени*, которое рефреном проступает в поэзии И. Бабаева. Время и есть его книга, дни и ночи превращаются в ее страницы, из ночи и дня состоят темные и светлые письма («заманды мени китабым», «акъ жазыула», «къара жазыула»), отразившие боль и переживания народа. Поэтические строки направлены на отрицание войны, они выражают гнев по отношению к злему умыслу людей:

Жер, къалай кётюресе аман
Адамны – юсюнде жюрюсе?
Жер айтды: Да мени жюрегим
Ташды...

Земля, как ты терпишь плохого
Человека – идущего по тебе?
Отвечает Земля: Да ведь сердце мое
Камень... [Бабаев 1978: 59].

В мире дуют «адские ветры войны» («урушну жаханым желлери»), человек, забывший родину, становится «врагом Аллаха и людей» (Аллахны, адамны да жауу // Ёз жерин унутсады адам). Голос поэта говорит от имени земли, ратуя за сохранность хрупкого мира.

Воображение художника раздвигает семантические горизонты образа, адаптируя его к меняющейся реальности. *Камень* (активно раскрученный в северокавказской поэзии символ) формирует поэтическое представление о мире. Внедрение в художественный текст устойчивых метафор, ассоциаций, параллелей, олицетворений позволяет автору охватить весь спектр чувств и эмоций. В этом плане наиболее запоминающимся стал образ *камня* из поэмы «Туугъан ташым» («Камень родины» – дословно родина). Параллель между человеком и раненым камнем, которую развил в своем творчестве К. Кулиев, подхвачена И. Бабаевым и представлена в индивидуальной трактовке с сохранением стержневого смысла (мотив страдания, терпения). В поэзии Ибрагима Бабаева вырисовывается следующий

ассоциативный ряд: «тыпыр таш – таш эсгерме – жукьусуз къалауур» («камень очага – обелиск – неусыпный хранитель»). *Камень* выступает в обликии солдата, предстает в образе матери. Водный поток срывает камни со дна реки, ударяет друг о друга, разбрасывает в разные стороны. В интерпретации поэта молчание камня осмыслено как груз пережитого, выстраданный опыт. Камень помогает постичь суть самой жизни, воспринимается как опора в трудную минуту, когда человек уходит в иной мир, служит напоминанием, обелиском на его могиле. Человек и камень испытывают множество несправедливостей, проходя свой путь в земном воплощении, сохранив самоценность, не нарушая основополагающих законов мироздания.

*Таш тюшген жеринде къалгъанлай
(Чапракъныча элтмез ючюн жел),
Мен къаллыкьма санга къапланып,
Атамы аягъы басхан жер!
(«Атамы аягъы басхан жер»)*

*Как камень, оставшийся там, где упал,
(Чтоб как лист не быть унесенным ветром)
Я останусь, упав и прижавшись к тебе,
Земля, по которой ходил мой отец! [Бабаев 1978: 97]*

Тот же лейтмотив звучит в книге стихов «Жетегейле» («Семиззвездие»), его предваряет цикл «Адам – жулдуз – таш» («Человек – звезда – камень»). Смысл строк «Жулдуз – ариу, таш – ауур» («Звезда – красива, камень – тяжел») выражает идею о том, что у всего в мире есть свое предназначение, у каждого человека на земле есть свой камень, а на небе – своя звезда. Лирический герой отождествляет себя с безмолвным камнем, который, раскалываясь, отвечает огненной искрой. Так же и поэзия Бабаева несет в себе огонь, искры самых разных мыслей и чувств. Жизнь – это дар, однако у всего есть свой срок, радость сменяется горем, молодость переходит в старость, и это неизбежно. Лишь обелиск, вытесанный стариком балкарцем, будет хранить память в веках. Объединив идейное содержание перекликающихся по смыслу произведений цикла, можно выстроить следующий синонимичный ряд: «жарылгъан тирмен таш» – «расколовшийся камень жерновов», «таш бешик» – «каменная колыбель», «къадау таш» – «каменная глыба/твердыня», «мурдор таш» – «краеугольный камень», «адам – жулдуз – таш» / «человек – звезда – камень». Камень родной земли способен сочувствовать боли и страданиям других. *Жернова*, крутящиеся без зерна, раскалываются, и служат напоминанием о том, как тяжела участь матери, растящей сирот. Необходимо помнить урок древнего камня как пример искренней преданности родной земле, символ стоического духа.

Емким метафорическим содержанием наполнено стихотворение «Семиззвездие», давшее название книге. Это число рефреном выписано в каждой его строке: *в темной ночи светят семь звезд семи небес, семь войн идет, семь ветров, семь теней из дыма, столько же криков слышны, семь ножевых ран и семеро погибших* – отголоски трагических событий.

Обе книги И. Бабаева «Семиззвездие» и «Колыбельная для молнии» концептуально соотносятся. По ним можно судить о том, насколько возрос творческий опыт автора, закрепился его самобытный стиль. Поэтический мир Ибрагима Бабаева безграничен, он простирается в космическое пространство, поэт говорит языком звезд и планет («Жулдузланы тилинде»). Многие его произведения циклически структурированы, выстроены в форме просьбы, пожелания, клятвы, благословения или посвящения, в таких текстах нередки сквозные образы, повторы значимых строк, переходящие в разряд своеобразных поэтических формул («Мое

слово», «Три посвящения», «Реквием», «Три путника»). Слова поэта-переводчика Г. Яропольского подтверждают сказанное: «Немаловажной чертой поэзии Бабаева является ее подчеркнутая цикличность: одну и ту же ситуацию он порой рассматривает как бы под разным углом, одни и те же образы дает в различных комбинациях. Это порождает своеобразный стереоэффект, наполняет бабаевский мир воздухом, ощущением пространства, многократно (как в глядящих друг на друга зеркалах) множит ассоциации, что в конечном итоге приводит к усилению эстетического воздействия на читателя» [Ибрагим Бабаев 2006: 162].

Неразрывная связь человека и природы, щедрость земли по отношению к людям, желания, реализующиеся силой формулируемой мысли – все это находит выражение в поэтических строках автора. По мере углубления в живописные пейзажи родного края, в разноплановое содержание сюжетных стихотворений, раскрывается внутренний микрокосм лирического героя. Поэзия Ибрагима Бабаева одухотворена чувствами и переживаниями, время здесь протекает в неспешном ритме, мир играет всеми красками, по-новому проявляясь в каждой следующей картине. Судьба человеческая воплощена в единстве драматических и жизнеутверждающих моментов. Поэт выражает неприятие войны, насилия, неоправданной жестокости людей, поскольку это причиняет страдания всему живому, наносит непоправимый урон земле, на которой все существуют («Чамланама жерни атындан» – «Мой гнев от имени земли»). Эти мысли аккумулируются в стихотворениях «Уроки горя», «Как забыть все это?», получают концентрированное выражение. В их содержании велико значение памяти, она наделена огромной силой, хранит в себе весь опыт человечества, служит мечом возмездия, воздает за несправедливые деяния.

Для поэта, в ком развита интуиция творца, характерны предчувствия, прозрения в будущее, ему становятся доступны таинства мироздания. Причудливые видения обретают зримую форму, воплощаясь в мистических картинах, суть которых постигается с течением времени. Таково стихотворение «Аян таууш» («Глас неба»). Произведение отличается философской глубиной, передает трагические моменты жизни. Поиски ответов на вопросы о смысле существования и неизбежности конца подводят к выводу, что люди порой не готовы принять жизнь и смерть как данность свыше.

Исключительная роль поэта-творца заключается в том, чтобы стать выразителем вселенских законов и чувств людских, носителем лучших черт, быть голосом земли и природы, когда приходит это осознание, поэтические строки насыщаются весомым содержанием. Все происходящее в мире – результат выбора человека, его осознанных действий, в зависимости от того, на стороне добра или зла он действует. «Прекрасное» является следствием созидательных мыслей и поступков, драматические события подпитаны деструктивным мышлением, стремлением к превосходству. К подобным выводам приходишь, погружаясь в поэтический мир И. Бабаева.

Художественная реальность в его поэзии основывается на фундаменте этнического сознания, а оно, в свою очередь, является преломлением общечеловеческих концептов. Проявлением этнического выступает образ коня в стихотворении «Учхан ат» («Крылатый конь»), в тексте соотносятся реальность и мифологическое мышление народа. В мифе незыблема связь человека и природы, в этой совершенной модели действительности ценным является каждое существо. Символ крылатого коня, довольно распространенный во многих культурах, закреплён в национальном фольклоре. Сказочный мотив рождения крылатого жеребенка в момент, когда небеса разверзлись, реализован в поэзии И. Бабаева в новом качестве. Специфические детали в описании сюжета придают тексту мистический оттенок. Главный герой – пастух Базза слышал этот рассказ от отца и применил его в обыденной жизни, чтобы объяснить внуку неожиданное появление коня

через древнее магическое восприятие. Вымысел и преувеличение в данном случае имеют особое художественное значение. Старик растит своего скакуна в любви и заботе, много ночей проводит с ним рядом, надевает на шею коня оберег. Следует сказать, горцы никогда не относились к лошадям как к животным, воспринимали их разумными существами, равными себе, способными перенять черты владельца (стать с ним единым целым), служить верой и правдой, они были больше, чем друзья – олицетворяли крылья за спиной. Благоговейное отношение к коню прочитывается также и в народных пословицах. Примером такого окрыляющего чувства служит творчество Кайсына Кулиева.

В стихотворении «Озгъан жауун» («Прошедший дождь») герой И. Бабаева видит себя во сне верхом на жеребенке, обдуваемого ветром, мокнущего под проливным дождем, он ощущает в сердце безудержную радость, догоняя вчерашний день. В его содержании также находит выражение боль сироты, оставшегося без дома, однако, как бы жизнь ни была тяжела, в ней есть достаточно причин, побуждающих идти навстречу новому дню, любые сложности будут побеждены крепостью человеческого духа, заключает поэт.

Волшебство, магия, фантазийная реальность раскрываются и в стихотворении «Колыбельная для молнии». Необычная интерпретация явлений, погружение в мифологический пласт продиктованы осознанием себя частью Вселенной, стремлением раскрыть ее неизведанные глубины. Неожиданные сравнения, параллели-метафоры – результат развитого ассоциативного мышления. В этом тексте слились миф и художественное воображение, поэтическая картина мира формируется на основе древних языческих знаний. Читатель может наблюдать, как ветер раскачивает колыбель молнии, в ней находится трепетное сердце лирического героя, Апсаты выдаивает для него молоко дикой лани, луна кормит младенца грудью и т.д. Автор вкладывает в сознание слушателя противоречивые эмоции и чувства (печаль и радость, умиление и сочувствие).

Мифологизация обнаруживается в образах *радуги, молнии, крылатого коня*. Идеиное содержание стихов многократно усиливается посредством рефренных строк. Повторяющиеся мотивы, знаки, символы (*обелиск, камень, ветер, звезда, огонь, колыбель*) способствуют закреплению декларируемых поэтом гуманистических идей. Комплекс сравнений, ассоциативно-образные ряды направлены на выражение субъективно-авторского мироощущения. В стихотворениях И. Бабаева исследован и выражен весь спектр эмотивных реакций на явления окружающей действительности.

В книге «Колыбельная для молнии» синтезирован опыт предыдущих поэтических сборников автора, здесь сосредоточены главным образом лирические поэмы. Центральный образ объединяет в себе судьбы безымянного солдата, труженика, мудреца, познавшего и испытавшего многое. Поэт стремится возвеличить его каждодневный подвиг, свершения и открытия. В любом поступке усматриваются смысл и значение, ничто не случается просто так. Искренность, внутренняя сила, целеустремленность не дают лирическому герою обмануться благами брэнного мира, поступиться истинными человеческими ценностями. Примерами служения добру служат пахарь, каменщик, мастеровой, в которых живы традиции, сохранена близость с родной землей, памятью предков, усвоены жизненные уроки и принципы существования горца. Судьбы этих людей полны драматических изломов, в минуты испытаний, выпавших на их долю, они ощущают себя «*в колыбели молнии, раскачиваемой ветрами времени*» – эта доминирующая метафора отражает процессы, подчиненные законам мироздания.

Художественно-эстетическая ценность поэзии заключается в том, какой посыл в ней содержится. Она складывается из опыта, из тех воздействий, которые способны оказать поэтические строки на формирование целостного гуманистического мировоззрения. В данном аспекте следует обратиться к содержанию цикла

«Реквием», где четко выражен ведущий принцип творчества Ибрагима Бабаева – *«Я вижу только сердцем. Сердце – глаза мои»*. Взаимообусловленность всего, что окружает человека с рождения и до самой смерти, является сквозным мотивом его поэзии. Явления природы и события из жизни представлены не во внешних характеристиках, но через призму смыслов, заключенных в них. Так формируются важнейшие нравственные императивы.

Творческие искания И. Бабаева не укладываются в одну тематическую линию, поэт выказывает ориентированность на расширение границ, поэтическая интуиция позволяет уловить в обыденном нечто существующее вне времени. Красота в трактовке художника обнаруживает две ипостаси: в первой превосходит эгоизм, вторая выражается в понимании своей ответственности перед миром («Эки бутакъ» – «Две ветви»). Разнополярные категории переходят из текста в текст, демонстрируя множество граней реальности в разных вариациях возможного восприятия. Заметно стремление поэта через малое постигать великое, вложить в поэтическую строку глубинный подтекст, развить мысль до уровня прозрений.

Поэзия И. Бабаева делегирует в современность и будущее ценностный уровень своего поколения, его философскую концепцию мира. Стихи содержат добрый посыл и ориентированы на масштабное содержание, голос автора излучает тепло сердца, проявляющего заботу о малом, сопереживание чужой боли, тревогу за будущее и одновременно убежденность в лучшем исходе. Он тоскует об ушедшем детстве, яркие воспоминания греют душу, природа окрыляет и вдохновляет творить. Оттого поэтические строки наделены магической силой, завораживающей самого изощренного художника. Воображение поэта вырисовывает причудливую вереницу образов, оседающих в памяти: белые облака в ясном летнем небе уподобляются разбросанным пучкам шерсти, которые затем превратятся в дождевые нити, ветер сможет вы ткать из них зеленое платье. Скала, над которой сверкнула молния и льет ливень, называется колыбелью Элии, а радуга – первой бороздой.

Тревожная эпоха XX столетия привносит в эту почти идиллическую картину беспокойство за сохранность мира в том виде, в каком его передали нам предки. Привычную тишину может нарушить взорванная атомная бомба. Поэт напоминает человечеству, что пока два камня не ударятся друг об друга, не появятся дым и искра, пока белое облако не почернеет и не накалится до предела от содержащейся в ней энергии, не ударит молния, и не польется дождь. Из этой мысли следует, что любая жестокость, разрушение, страдание – все является трагическим следствием бездумных действий.

В содержании цикла «Сон» ощутимы драматическая тональность, усиление аналитического начала. Поражает способность Бабаева находить эффектные сравнения («Шибля къамичини уруучума жерге, // Элия жюгенни да бошлап...») – «Плетью Шибля (бога грома) ударяю о землю, // Молнии ослабив уздцы») [Бабаев 1978: 14]. В тексте стихотворений велика роль фонетических созвучий, анафор. Рефренные образы *молнии, сверкнувшей искры, огня, ветра* перерастают в многозначные символы. Через них автор декларирует идею взаимосвязей в природе. Причинами войн и разрушений поэт называет неравенство между людьми, их социальное разделение. Война одинаково бездушна к живому и неживому, она лишает точки опоры, обрывает нить, связующую человека с землей, сводит на нет основы бытия («Энди битеу дуня ууалды» / «Теперь весь мир разрушен»). Подобные эпизоды являются напоминанием о возможном повторении ошибок прошлого.

Павшим за родину посвящена серия стихов «Урушну кёзлери» («Глаза войны»), в нем И. Бабаев озвучил монолог солдата, чьи глаза запомнили все краски мира и оттенки чувств. Эти воспоминания контрастируют с тем, что он видит теперь: *белые березы, лебеди, снега черны и солнце черным-черно, белый свет погас на поле брани, лицо обожжено порохом, над землей навис мрак*. Защитник

отечества погиб до победы, но его *глаза-луны* смотрят в мир, продолжая тенью преследовать врага, всеми силами приближая конец войны.

Тема гражданской ответственности звучит и в цикле «Замансыз кетген поэт-ни назмусу» («Стих безвременно ушедшего поэта»). С новой силой отзывается трагедия войны, она обрывает не только человеческую жизнь, но уничтожает живую природу, которая воспринимается художником как мыслящая, чувствующая субстанция, поскольку резонирует с человеческими страданиями, выражает ненависть к любому виду насилия. Цикл характеризуется преобладанием черного цвета. Приметами войны выступают *грохочущее, мутное небо, звуки взмахов черного крыла, штыки, срывающие последнее дыхание, горящее от удара молнии дерево* и т.п. Детализация, отчетливые драматические картины нагнетают напряженную атмосферу. Война – не просто источник горя, потерь, бед и страданий, она – следствие равнодушного отношения к миру, частью которого является сам человек. Та же темная эмблематика присутствует в цикле «Три путника»: *дым адских печей, стон обожженной земли, ослепленный дом с мертвыми окнами, потухший очаг, копоть истлевшей листвы на яблоне, беспризорные животные у ворот, солнце, срывающееся в бездну* и т.п.

В сборнике «Камень родины» поэт выразил убежденность, что все в окружающем мире и сам мир – ничто без человека («Къудурет» – «Могущество»). Герой вспоминает завет отца: *не причиняй неосознанно зла земле-матери, тяжела ее ноша; не бросай камень с обрыва, ведь он безмолвен; не порань ненароком тело дерева* [Бабаев 1983: 116–118]. В произведении объединены три поколения: седой старец, молодой мужчина и мальчик, каждый в свой черед проходит часть одного пути. Перед взором читателя предстают Млечный путь, созвездия, кузница Дебета в звездном небе, где ветры надувают горн, месяц служит молотом, молния – накаленным железом. Углубляясь в просторы Вселенной, постигаешь, как мир прекрасен, его богатства неисчерпаемы. В тексте имеют место и аллюзивные включения, например, упоминания о величайших горных вершинах и имена тех, кто их покорил. Несмотря на все многообразие мира, человек никогда не променяет на них горсть родной земли, таков итог размышлений поэта.

Подытоживая анализ творчества Ибрагима Бабаева, отметим, что достижением автора стало заметное обновление ресурсов поэтики, обогащение образной парадигмы балкарской поэзии. Рассматривая комплекс изобразительно-выразительных средств словесного искусства, подбор творческого инструментария, который нарабатывался на протяжении полувека, можно сделать вывод о том, что наиболее продуктивными явились 1960–1980-е годы – время активного эволюционирования балкарской литературы. Употребительные ранее глагольные рифмы либо варианты совмещения глагола и существительного уступают позиции корневой и перекрестной способам рифмовки, наблюдается позитивная тенденция к модернизации строфики.

И. Бабаев принадлежит к когорте мастеров-стихотворцев (наравне с М. Мокаевым и Т. Зумакуловой), внедривших в уже имеющийся арсенал художественных приемов развернутые, корневые рифмы, подняв планку балкарской поэзии на новую высоту. Им интегрируются многозначность слова и всевозможные ритмические комбинации, с соблюдением абсолютной доминанты смысла над формальными изысками. Художник придерживается в равной степени романтического и реалистического направлений творчества, развив различные формы лирики (сюжетных стихотворений, цикла, поэмы, баллады). Несомненны заслуги И. Бабаева в обновлении поэтики и проблематики национальной поэзии, вклад автора в расширение возможностей балкарского стихосложения неоценим. Основу его творчества составляют устно-поэтические традиции народа. Синтезируя опыт старшего поколения, поэт выкристаллизовывает концептуально весомые элементы и формирует индивидуальный поэтический мир.

Список источников

- Бабаев 1972 – *Бабаев И.* Жетегейле (Семизвездие). Нальчик: Эльбрус, 1972. 129 с.
Бабаев 1978 – *Бабаев И.* Элия бешик (Колыбельная для молнии). Нальчик: Эльбрус, 1978. 185 с.
Бабаев 1983 – *Бабаев И.* Туугъан ташым (Камень родины). Нальчик: Эльбрус, 1983. 128 с.
Ибрагим Бабаев 2006 – Ибрагим Бабаев. Жизнь и творчество / составитель С.С. Ахматова. Нальчик: Эльбрус, 2006. 172 с.
Толгуров 2015 – *Толгуров З.Х.* Жанр баллады в балкарской поэзии. Нальчик: Изд. отдел КБИГИ, 2015. 164 с.

References

- BABAEV I. *Zhetegejle* [Seven stars]. Nalchik: Elbrus, 1972. 129 p. (In Balkarian)
BABAEV I. *Eliya beshik* [A lullaby for lightning]. Nalchik: Elbrus, 1978. 185 p. (In Balkarian)
BABAEV I. *Tuug'an tashym* [The stone of the motherland]. Nalchik: Elbrus, 1983. 128 p. (In Balkarian)
Ibragim Babaev. Zhizn' i tvorchestvo [Ibragim Babaev. Life and creativity] / compiled by S. S. Akhmatova. Nalchik: Elbrus, 2006. 172 p. (In Russian)
TOLGUROV Z. H. *Zhanr ballady v balkarskoj poezii* [The genre of ballads in balkarian poetry]. Nalchik: Publishing Department of KVIHR, 2015. 164 p. (In Russian)

Информация об авторе

А.Д. Болатова (Атабиева) – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы.

Information about the author

A.D. Bolatova (Atabieva) – Candidate of philological Science, Senior researcher of the sector of karachai-balkar literature.

Статья поступила в редакцию 06.11.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 06.11.2021; approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Илму статья
УДК 821.512.142.0
DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-117-124

БУДАЙЛАНЫ АЗРЕТНИ ЧЫГЪАРМАЧЫЛЫГЪЫНЫ СУРАТЛАУ ЭНЧИЛИГИ

Сарбашланы Мустафаны кызы Алена

Гуманитар тинтиулени Институту – Россей илмуланы академиясыны Къабарты-Малкъар илму арасыны филиалы, Нальчик шахар, Россия, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© Сарбашланы М.А., 2021

Кысха магъанасы. Илму иште малкъар назмучу Будаиланы Азретни (1915–1942) чыгъармачылыкъ жолу тинтиледи. Аны ниет хазнасына (назму жыйымдыкълары: «Стихле бла жырла» (1935), «Мени Родинам» (1938), «Алгъын» (1941) жангы кёз бла къаралады, суратлау хатыны энчи этген шартла белгиленедиле: отузунчу жыллада айныгъан романтизм амалгъа бойсунуу, заманны излемлерине къулланыуу, жашау кертиликни суратларгъа итиниюу. Назмуланы («Къарангъдан жарыкъгъа», «Ахыр кюнюдю», «Хорладыла», «Ата Журтум», «Жолугъуу», «Колхоз контролер», «Телефон») тарых эм миллет магъаналары чертиледиле. Назмучуну суратлау оюмунда жамауат жангылыкъла туудургъан тюрлю-тюрлю сезимле ачыкъланадыла: жангы жашаугъа къууаныуу, ийнаныуу бла бирге кесамат къарамы баямланадыла. Аны чыгъармаларыны ниет энчилиги белгиленеди: Ата журтуна, табийгъатны къудретине соймеклиги, табыныуу, ишчи адам бла ёхтемлениу, урунууу магъанасын ангылау, экибетли инсанлагъа къажау туруу, тюзлюкге чакъырыу, халкъ терелеге кертичилиги. Миллет адабиятны тарыхында Будаиланы Азретни чыгъармачылыгыны жери чертиледи.

Баи магъаналы сёзле: Будаиланы Азрет, назмула, малкъар адабият, суратлау энчилик

Цитата этерге: Сарбашланы А.М. Будаиланы Азретни чыгъармачылыгыны суратлау энчилиги // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 117–124. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-117-124

Original article

ARTISTIC PECULIARITY OF CREATIVITY AZRET BUDAYEV

Alena M.Sarbasheva

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© А.М. Sarbasheva, 2021

Abstract. The article explores the literary heritage of one of the pioneers of Balkarian written literature Azret Budaev (1915-1942), whose attention was focused on the ideological and aesthetic understanding of the historical era of the 1920-1930s. As a result of the analysis of the poet's work (poetry collections: "Stihle bla zhyrly" ("Poems and Songs," 1935), "Meni Rodinam" ("My Homeland," 1938), "Algyn" ("In the Past," 1941), artistic features characteristic of his poetry, romantic trends depicting social transformations in the life of the state in the first decades of the twentieth century, as well as features critical realistic In verses ("Akhyr kyunyudyu" ("The last day"), "Horladyla" ("Won"), "Ata Zhurtum" ("Homeland"), "Zholugjuu" ("Meeting"), "Against collective farm the controller" ("The collective-farm controller"), "Phone") along with

tendentiousness and emotional interpretation of historical changes the national identity is noted. The basis of the ideological content of the lyrical works of Azret Budaev is determined – love for the fatherland, native nature, fidelity to national traditions, faith in the bright future of the people, motives of social equality, internationalism dictated by the current tasks of the specified time.

Keywords: Azret Budayev, poetry, Balkarian literature, artistic originality

For citation: Sarbasheva A.M. Artistic peculiarity of creativity Azret Budayev. Vestnik KBIGI = KVINN Bulletin. 2021; 4-1 (51): 117–124. (In Balkarian). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-117-124

Научная статья

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ТВОРЧЕСТВА АЗРЕТА БУДАЕВА

Алена Мустафаевна Сарбашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, alenasarb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7457-9823>

© А.М. Сарбашева, 2021

Аннотация. В статье исследуется литературное наследие одного из основоположников балкарской письменной словесности Азрета Будаева (1915–1942), внимание которого было ориентировано на идейно-эстетическое осмысление исторической эпохи 1920–1930-х годов. В результате анализа творчества поэта (поэтические сборники: «Стихле бла жырла» («Стихи и песни», 1935), «Мени Родинам» («Моя Родина», 1938), «Алгъын» («В прошлом», 1941), выявлены характерные для его поэзии художественные особенности, романтические тенденции изображения социальных преобразований в жизни государства в первые десятилетия XX века, а также черты критического реализма. В стихах («Ахыр кюнюдо» («Последний день»), «Хорладыла» («Победили»), «Ата журтум» («Моя Родина»), «Жолугъуу» («Встреча»), «Колхоз контролер» («Колхозный контролер»), «Телефон») наряду с тенденциозностью и эмоциональной интерпретацией исторических перемен отмечается национальное своеобразие. Определяются основы идейного содержания лирических произведений Азрета Будаева – любовь к отечеству, родной природе, верность этническим традициям, вера в светлое будущее народа, мотивы социального равенства, интернационализма, продиктованные актуальными задачами указанного времени.

Ключевые слова: Азрет Будаев, поэзия, балкарская литература, художественное своеобразие

Для цитирования: Сарбашева А.М. Художественное своеобразие творчества Азрета Будаева // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 117–124. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-117-124

Будайланы Азрет озгъан ёмюрдеги жазма адабиятны айныууна себеплик этген биринчи малкъар жазычуланы санында тийишли жерни алгъанды. Фахмулу назмучуну жашау жолу кысха болгъанды. Азрет 1915 жылда Огъары Бахсанда туугъанды. Атасы Кичибатыр орус-япон урушха къатышхан жигит киши жашына окъуу-билим алырча онгла излегенди. Онжыллыкъ Азрет эллеринде ачылгъан медирсеге жюрюйдю, андан сора жангы ачылгъан школда окъуйду. 1931 жылда Исси-Сууда (Пятигорск шахар) жыллыкъ устазлыкъ курслагъа киреди. Окъууну бошагъандан сора Нальчикде типографияда ишлейди, аны ызындан «Ленинчи жол» газетде корректор, 1935 жылда уа жууаплы секретары болады. 1938 жылда китап басмада ишлейди. 1939 жылда партияны Къабарты-Малкъар обкомуна кёчюрюледди, Холам-Бызынгы районну партия райкомуну биринчи секретарыны къуллугъун толтурады. Уллу Ата журт уруш башланып, душман республикагъа киргенде, партизан жыйыннга къошулады. 1942 жылны ахырында, фашистле бла

къазаут эте, Чирик кёлде ажымлы жоюлгъанды. 1965 жылда 10-чу майда СССР-ни Баш Советини Президиуму Уллу Ата журт урушда этген жигитлиги ючюн Будаиланы Азретни «Къызыл Жулдуз» орден бла саугъалагъанды.

Будаиланы Азрет жангы жашауну алчы келечилеринден (Этезланы Омар, Теммоланы Хамит, Хочуланы Салих, Гуртуланы Берт, Отарланы Саид, Къулийланы Къайсын, Отарланы Керим) бири болуп миллет маданиятны, жазма адабиятны ал атламларында уллу къошумчулукъ этгенди. Къысха заманны ичинде ол «Стихле бла жырла» (1935), «Мени Родинам» (1938), «Алгъын» (1941) деген китапларын басмалагъанды эм чыгъармачылыкъ иши бла малкъар окъуучуну ыразылыгъын тапханды.

Азретни суратлау хазнасыны юсюнден орус, малкъар алимле (М. Талпа, И. Юрьев, Дм. Бычков, Маммеланы Д., Теппеланы А., Толгъурланы З.) кеслерини илму-кесамат ишлеринде жазгъандыла, анга тийишли багъа бичгендиле. Тинтиучюлени оюмларына кёре, назмучуну суратлау хатыны энчи этген шартланы санында отузунчу жыллада айныгъан романтизмге бойсунуу, тарых заманны ниетин айтыугъа къулланыу болгъандыла. Бюгюнлюкде аны чыгъармачылыгына жангы кёз бла къарагъанда, тарых эм миллет магъанасы бла байламлы энчиликле белгилендиле: бек биринчиден, назмучу жашау кертиликни суратларгъа итингенди.

Поэтни чыгъармачылыкъ жолу 1932 жылда башланады. Ол кезиуде Азрет «Къарангыдан жарыкъгъа» деген назмусун «Ленинчи жол» газетде басмалайды. Анда, адабиятта тохташхан төредеча, озгъан жашауну мутхузлугъу, къыйын болумлары суратланадыла:

Малкъар тауланы тубюнде,
Къарангылыкъны ичинде,
Зулмулукъну кючюнде... [Будаев 1976: 33].

Болсада назмучу окъуучуланы жүреклеринде эриулюк сезимни къозгъап къояргъа излемейди. Чыгъарманы биринчи кесегинде лирика жигитни халкъ сынагъан зорлукъдан эркинликке итинуу ачыкълана эсе, экинчи жарымында уа жарыкъ жашау болумла бла байламлы къууанчлы макъам эштиледи.

Ата журтуна кёзбаусуз суймеклиги Азретни назмуларында, суратлау оюмунда ара жерни алады. Аны чыгъармаларыны ниет энчилиги туугъан жерине, табийгъатны къудретине табыныуунда жашырылмай белгиленеди. Ол себепден назму тизгинлери таза ниетден, сейирсиниуден, ёхтемликден толудула:

Къарт Минги тау къарайды
Тауланы арасындан.
Адам ичип къанармы
Сууундан, гарасындан?!
(«Хорладыла») [Будаиланы 2000: 23]

.....
Жарыкъ кюн тийди бизни къыралгъа.
Къалай насыплыды къыралыбыз!
Къарачы бир аны турушуна:
Къалай къууанчлыды кёп халкъыбыз!
(«Ата журтум») [Будаиланы 2000: 56]

«Будаиланы Азретни лирикасы кёп макъамлы поэзияды. Халкъына, туугъан жерине табыныу, тюз ниетге, ариулукъгъа кертичилик, инсанлыкъны, аны бла бирге уа урунууну магъанасын терен ангылау, шуёхлукъ, тенглик – была барысы да аны чыгъармачылыкъ ишини тарых эм миллет энчилигин белгилегендиле», – деп жазгъанды Толгъурланы Зейтун [Толгъурланы 2000: 11–12].

Халкъыны жашауунда болгъан тарых тюрлениуле назмучуну жарыкъ жашаугъа ийннаныуун кючлендиредиле, ол себепден аны эсин бийик сезим бийлейди:

Ма насыплы! Ма багъалы бизде!
Халкъ ишине кертчи болайыкъ!
Кертчи – сыйлыды ичибизде,
Биз ол затланы эсге алайыкъ.
Ким жырларыкъды да, биз жырламай?!
Тюрленгендиле таула, ташла да.
Ким къууанырыкъды, биз къууанмай?!
Насыплыдыла къартла, жашла да! [Будайланы 2000: 57].

Неда:

Ашыгъып чыкъдым тангнга,
Къууанчыкъ келгенди манга,
Тансыкъ болгъан эдим санга,
Кёп хорлаулу Октябрь [Будайланы 2000: 35].

Болсада Будай улу къууанч сезимге, ийнаныуъа эсин хорлатмайды. Азрет жамауатда болгъан кемчиликлеге жютю кёз бла къарайды, тюзюн айтыргъа итинеди. «Колхоз контролер» деген назмусунда эл мюлкге жууаплы адамланы шарайыпларын жашырмай, кесамат сёзюн айтады:

Элде барды урлаучу –
Колхоз мюлкню тонаучу,
Бек сакъ къара, къармаучу,
Эй, колхоз контролер! [Будайланы 2000: 28].

Чыгъармада насийхат магъананы жыйышдыргъан тизгинле бир-бирлерин алышадыла (Ишле, ишден ыйлыкъма... // ...Уллу кёллю да болма, // Ишни мөхелге салма, // Не эринме, не талма, Бек жютю болсун кёзюнг, // Эм керти болсун сёзюнг, // Жартылыкъгъа жокъ тёзюм... [Будайланы 2000: 27]). Будай улу къыраллыкъ жумушлагъа тири къатышханы себепли, бардыргъан ишлерин заманны ниет излемине бойсундургъанды. Болсада аны дунягъа кёз къарамы жютю болгъанды, жамауат жашауда, инсанны къылыгында эсленген келишимсизликлени, кемчиликлени, терсликлени да белгилерге жетишгенди. Ол себепден Азретни назмуларында тюрлю-тюрлю чюйреликле шартланадыла. Сёз ючюн, «Ахыр кюнюдю» деген назмуда жангы жашауну жорукълары бла келишалмай, жашырын душманлыкъ бардыргъан экибетли инсанланы сыфатлары ачыкъланадыла:

«Ишге чыкъ!» – деселе, ол
Кесин эм алгъа урад,
Сора, кёп чырмау эте,
Уллу гузabalанад.
Ичи кюйюп, тышы ышара,
Бет сыфатын ташлайды... («Ахыр кюнюдю») [Будаев 1976: 19]

Азрет чыгъармаларында жашауну бек магъаналы кезиулерин суратлай, таукелликге, жигитликге чакъырады. Ол жыллада эл мюлкде бардырылгъан колхоз къурулушну, бусагъат бла озгъан заманланы араларында сермешни юслеринден жазады. Назмучу жашауда керти болгъан затланы суратларгъа итинеди. Аны чыгъармаларында сабыр хапарланган табийгъатны, ишни зауукълугъун ачыкълагъан, халкъ душманлагъа чамланган жютю тизгинле бир бирлерин алышадыла.

Будаиланы Азрет колхоз кьурулушну кезиуюнде ишчи адамны сыфатын, сезимин, жашауун суратларгъа излейди. Аны «Кюз жыйын», «Жолугъуу», «Колхоз контролер», «Телефон» деген назмулары ол хыйсапда жазылгандыла. «Кюз жыйын» (1934) деген назмуда элни жашаууну бек жууаплы кезиую – бичен чалыу заман тынгылы суратланады. Кюз ташыуулда жыйын ишге чыкъса бирси жыйынла бла эришеди, алчылык алыргъа итинеди. Назмучу, ол адетни эслеп, эришиуюню халкъда айтылгъан сёзле бла кёрюзтеди:

Эй аланла, хайдагъыз,
Жауун жетип къалады!
Кёремисиз, башха жыйын
Бизни озуп барады... [Будаиланы 2000: 25].

Чыгъармада чалгъы чалыуну сураты тенгешдириу мадарны болушлугъу бла ачыкъланады. Жамауатда жюрюген төрелеге кёре, кюз артында бичен чалыу бла байламлы ишле эришиу халда баргъандыла, жигерлени бла хомухланы араларында келишмекликни ачыкълагандыла.

Будаиланы Азрет 1933–1935 жыллада магъанасы бла да, суратлау кючу бла да окъуучуну ыразы этерча чыгъармаланы кьурай, жазыучулукъ ишинде жангы мадарла бла хайырланады. Аны алайлыгы «Жолугъуу» деген назмуну окъугъанда сезиледи:

Акъ пудрасын да себе,
Къышны бораны жетер,
Уллу сай ёзенлени
Барын да чыммакъ этер.

Сызгырыучу тау кези
Акъ жууургъан алады,
Топпанбаш жумарукъ да
Журтун тёбен салады... [Будаиланы 2000: 35].

Назмуну экинчи кесегинде къышны аллында жай айланы муштухул кезиуюню окъуучуну кёз аллында турурча сураты бериледи. Табийгъатны ариу сыфаты бла бирге бу жерледе жашагъан адамланы жарсыулары, кьууанчлары да суратланадыла. Табийгъатны бла эллилени жашауларыны байламлыгы ачыкъ кёрюнеди:

Хайдагъыз эришейик,
Биченни кёп этерге,
Къышны ол кюнлерине
Хазырланып жетерге... [Будаиланы 2000: 36].

Малкъар поэзияда Будаиланы Азретни адамны къылыгында тюрлениу халланы, тыш белгилерин санап къоймай, ичинден терен ачыкълап келген чыгъармаларындан бири «Телефон» (1936) деген назмусуду. Телефонну сыфаты жангы дуняны белгисича суратланады. Автор Азнорну къылыгы, сыфатын кьурай, заманны шартларын кёрюзтеди.

Алло! Алло! Алло! – деп,
Чолпугъа юфгюреди,
Аны алай этгенин
Къойчу Азнор кёреди...
...Айтад Азнор къолгъа алып,
Завферманы чолпусун

«Ахшы зат кёреме бу!
Муну ишлеген сау болсун!»... [Будайланы 2000: 38].

Будай улуну ахыр чыгъармаларындан бири «Ата журт урушха алгъа!» деген чакъырыу халда жазылган назмусу болганды.

«Малкъар литератураны къураугъа тири къатышхан А. Будаев, ёсген литератураланы тюрлю-тюрлю сынауларын таукел файдаланады, жанр эм тил жаны бла жангы онгланы тохтаусуз излейди», – деп жазганды Тёппеланы Алим [Тёппеланы 1978: 111]. Айтылганны магъанасы – Будай улу, жазма адабиятны айнытыр муратда суратлау кючюн поэма жанрда сынаганды. «Мараучуну хапары» (1936), «Алгъын» (1941) деген эпикалы чыгъармалары жомакъны, таурухну хапарлау ызларына келишдирилип жазылгандыла. Малкъар адабиятта ол жыллада жазылган чыгъармала халкъ чыгъармачылыкъны төрелерине бойсунуп къуралгандыла [Сарбашева 2019: 54]. Жомакъладача, белгиленген поэмаланы мурдорларына ниет чойрелик салынады, экисинде да тюзлюк бла терсликни, зорлукъ бла азатлыкъны араларында келишимсизлик жигитлерини къадарларыны юсю бла суратланады. Энци сюжет ызны жаш адамланы Зайнаф бла Къоркъмазны («Мараучуну хапары»), Жагъафар бла Жансуратны («Алгъын») бушуулу суймекликлери, къыйынлыкълардан кутулуп, насыплы жашаугъа ие болур ючюн бардырылган кюрешлери къурайдыла. Сёз ючюн, «Алгъын» деген поэмада адамлыгы болмаган кюйсюз Махай бийни хатасындан суйдюмлю Жансуратны эм жигит Жагъафарны жашаулары бушуулу боладыла. Хар жигитни къылыгыны энчилеген шартланы ачыкъларгъа жазуучуну сёзге усталыгы себеplik этеди.

Будайланы Азретни поэмаларыны махтаулу илишанларыны юслеринден айта, Толгъурланы Зейтун аланы жаз тил бла ачыкъланган жашырын магъаналарын, философия, тарых жибини теренликлерин чертеди. Энци да, «Мараучуну хапары» малкъар халкъны тарых жолун, ол хорлагъан, озган дуня ауушланы кёргозтеди, – деп жазады тинтиучю. – Иш аны бла бошалмайды, поэма миллет эс къалай айныгъанын, бир дунядан экинчисине, ючюнчюсуне чыгып, кёп дуняланы эшиклерин ачып, эслиликге, саясат ангылаугъа бла жарыкъ дуня не тюрлю жолла бла келгенин кёргозтеди» [Будайланы 2000: 145].

Будайланы Азретни «Мараучуну хапары», «Алгъын» деген поэмалары эм назмулары малкъар поэзияны хазнасында тийишли жерлерин алгандыла, миллет окъуучуну эсинде сакълангандыла.

Жазма малкъар адабиятны биринчи чыгъармаларына къарагъанда, аланы суратлау жаны бла къарыусуз жерлери да эслендиле. Усталыкъ, ниет магъана, суратлау жангылыкъ ол замандагъы назмулада артыкъ онглу болмагандыла. Алай тарых эм жашау болумланы эсге алыргъа тийишлиди. Биринчиден, белгиленген жыллада жазылган чыгъармала заманны ниетине сыйынып къуралгандыла, ол кепден азатланыр амал жокъ эди, ол себепден жазуучула кёп ёмюрлени къарангылыкъдан, жахилликден кутулмай жашагъан халкъыны эркин, жарыкъ жашаугъа чыкыгъанын уллу къууанч бла айтыргъа борчлу эдиле. Экинчиден – чыгъармачылыкъ сынауларын айнытыргъа заман керек эди.

Болсада Будайланы Азретни назмулары озган ёмюрню экинчи жарымында поэзияны жолунда биринчи атлам этип башлагъан жазуучулагъа юлгюлюк этгендиле. Аны юсюнден Мокъаланы Магомет былай жазганды: «Заманны саркъыуунда бирлени жашау жоллары узун таурухха ушайды, бирлени уа – жулдуз учханнга. Белгили малкъар поэтни – Будайланы Азретни къысха жашауу да жулдуз учханнга ушаганды, алай аны поэзиясыны жарыгы бюгюнлюкде да малкъар адабиятны керти шуёхларыны, суратлау сёзню сыйлы кёргенлени жүреклерин, бетлерин, жолларын жарытады» [Мокъаланы 2000: 90].

Малкъар халкъ кёчгюнчюлюкден къайтхандан сора Будайланы Азретни «Назмула бла жырла» (1957), «Стихи и поэмы» (1962), «Ата журтум» (1976)

деген китаплары басмаланадыла. «Будаиланы Азрет» (2000) деген жыйымдыкъда бир къауум чыгъармаларындан сора да, аны бла бир кезиуде жашагъан, иги таныгъан, шуёхлукъну тутхан тенглерини, белгили сёз усталаны Залийханланы Жанакъайытны, Мокъаланы Магометни, урушну ветераны Геляхланы Исхакъны эсгериулерни, анга жораланган назмулары киргендиле. Жарсыугъа, Азретни басмагъа урулмагъан чыгъармалары жазылгъан дефтери сакъланмагъанды.

Жаш назмучуну энчи этген кишилик, бийик инсанлыкъ, суратлау сёзге усталыгъы деген шартла болгъандыла. Халкъны эсинде Азрет неге да къайгырыулу, тынгысыз, халал адамча къалгъанды. Аны жарыкъ сыфаты Гуртуланы Бертни, Тёппеланы Алимни, Отарланы Керимни, Созайланы Ахматны назмуларында суратланганды.

Бюгюнлюкде да Азретни аты малкъар адабиятны тарыхында фахмулу келечисича айтылады. «Малкъар литератураны дарий байрагъын бийикге кётюрген» [Толгъурланы 2000: 21] назмучуну чыгъармалары школ, орта эм бийик билим берген окъутуу юйлени программалырына киредиле: ол болум а аны атын миллетни эсинде сакъларгъа себеплик этеди.

Алынган жерлерини тизмеси

Список источников

Будаев 1976 – Будаев А. Ата журтум. Стихле бла поэмала (Моя Родина. Стихи поэмы). Нальчик: Эльбрус, 1976. 140 б.

Будаиланы 2000 – Будаиланы А. Назмула. Поэмала. Поэтни эсгере (Стихи. Поэмы. Воспоминания). Нальчик: Эльбрус, 2000. 112 б.

Мокъаланы 2000 – Мокъаланы М. Жашауу жулдуз учханга ушагъан (Жизнь словно полет звезды) // Будаиланы А. Назмула. Поэмала. Поэтни эсгере (Стихи. Поэмы. Воспоминания). Нальчик: Эльбрус, 2000. Б. 79–90.

Сарбашева 2019 – Сарбашева А.М. Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы). Нальчик: Принт Центр, 2019. 172 с.

Тёппеланы 1978 – Тёппеланы А. Хорлагъан социализмни литературасы (Литература победившего социализма) // Малкъар литератураны историясыны очерклерни (Очерки истории балкарской литературы). Нальчик: Эльбрус, 1978. Б. 102–122.

Толгъурланы 2000 – Толгъурланы З. Байракъчы (Знаменосец) // Будаиланы А. Назмула. Поэмала. Поэтни эсгере (Стихи. Поэмы. Воспоминания). Нальчик: Эльбрус, 2000. Б. 7–22.

References

UDAEV A. *Ata zhurtum. Stikhle bla poemala* [My Homeland. Verses of the poem]. Nalchik: Elbrus, 1976. 140 p. (In Balkarian)

BUDAILANY A. *Nazmula. Poemala. Poetni esgere* [Verses. Poems. Memoirs]. Nalchik: Elbrus, 2000. 112 p. (In Balkarian)

MOK"ALANY M. *Zhashauu zhulduz uchkannga ushag"an* [Life like a flight of a star]. IN: BUDAILANY A. *Nazmula. Poemala. Poetni esgere* [Verses. Poems. Memoirs]. Nalchik: Elbrus, 2000. P. 79–90. (In Balkarian)

SARBASHEVA A. M. *Transformatsiya fol'klornykh traditsii v balkarskoi literature (na materiale prozy)* [Transformation of folklore traditions in balkarian literature (based on prose material)]. Nalchik: Print Center, 2019. 172 p. (In Russian)

TEPPELANY A. *Khorlag"an sotsializmni literaturasy* [Literature of the victorious socialism]. IN: Malk"ar literaturany istoriyasyny ocherkleri [Essays of the history of balkarian literature]. Nalchik: Elbrus, 1978. P. 102–122. (In Balkarian)

TOLG"URLANY Z. *Bairak"chy* [Standard-bearer]. IN: BUDAILANY A. *Nazmula. Poemala. Poetni esgere* [Verses. Poems. Memoirs]. Nalchik: Elbrus, 2000. P. 7–22. (In Balkarian)

Авторну юсюнден информация

Сарбашланы А.М. – филология илмуланы доктору, къарачай-малкъар литература секторну таматасы.

Information about the author

A.M. Sarbasheva – Doctor of Science (Philology), head of the sector of karachay-balkarian literature.

Информация об авторе

А.М. Сарбашева – доктор филологических наук, заведующая сектором карачаево-балкарской литературы.

Статья поступила в редакцию 10.10.2021; одобрена после рецензирования 16.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 10.10.2021; approved after reviewing 16.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

ОСОБЕННОСТИ НОВОГО СТИЛЯ ПОЭЗИИ Д. ШОМАХОВОЙ

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2021

Аннотация. В статье представлен анализ цикла стихов Д. Шомаховой *Они* (часть первая), *Я* (часть вторая), *Ты* (часть третья), *Город* (часть), *Hidden* (скрытое), написанных преимущественно верлибром. Одной из особенностей художественного стиля автора становится поэтический нарратив, базирующийся как правило на образах обыденной повседневноности, наступающей урбанизации. Свежие, парадоксальные художественные образы привычной жизни легко сочетаются со сказочными аллюзиями, элементами фантастического. Поэтические откровения поэтессы – отражение сложного, противоречивого многогранного сознания современной женщины, личности, которой «остывание», «застывание» эволюции не предполагается. Творчество молодой поэтессы – головокружительный процесс напряженного поиска, сомнений, внутренней жизни, которая оказывается «неподъемной» для поэтической артикуляции, поэтому остается и ощущается в подтексте. Эта особенность автора, возможно, – одна из важных характеристик ее поэтической индивидуальности. Другой особенностью поэтики становится эклектика: ироническое соединение несоединимых элементов, саркастическое отношение к штампам, устаревшим приемам, неизменным «вечным» темам, формам. Героини Шомаховой тонко чувствуют любые проявления нарастающей дегуманизации, мертвенность и холодное равнодушие системы, движущейся к упадку. Этим объясняется типичный мотив эскапизма как настоятельной потребности в поисках другой, лучшей жизни. На первый план выступает интерес к личности самого автора с противоречивой характеристикой, который умеет принимать самые тяжелые, драматичные, непрезентабельные формы жизни лицом к лицу.

Ключевые слова: поэтический нарратив, верлибр, обыденная повседневность, сказочные аллюзии, ирония, эскапизм, экзистенциальная роль, дегуманизация

Для цитирования: Хакуашева М.А. Особенности нового стиля поэзии Д. Шомаховой // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 125–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-125-130

Original article

FEATURES OF THE NEW STYLE OF POETRY BY D. SHOMAKHOVA

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Hakuasheva, 2021

Annotation. The article presents an analysis of the cycle of poems by D. Shomakhova *They* (part one), *I* (part two), *You* (part three), *the City* (part), *Hidden* (hidden), written mainly by verlibra. One of the features of the author's artistic style is poetic narrative,

which is usually based on the images of everyday life, the coming urbanization. Fresh, paradoxical artistic images of everyday life are easily combined with fabulous allusions, elements of the fantastic. The poetic revelations of the poetess are a reflection of the complex, contradictory multifaceted consciousness of a modern woman, a personality for whom «cooling», «freezing» of evolution is not expected. The creativity of the young poetess is a dizzying process of intense search, doubts, inner life, which turns out to be «overwhelming» for poetic articulation, therefore it remains and is felt in the subtext. This feature of the author is perhaps one of the important characteristics of her poetic personality. Another feature of poetics is eclecticism: an ironic combination of incompatible elements, a sarcastic attitude to clichés, outdated techniques, invariable «eternal» themes and forms. The heroines of Shomakhova subtly feel any manifestations of growing dehumanization, deadness and cold indifference of a system that is moving towards decline. This explains the typical motive of escapism as an urgent need to find another, better life. In the foreground comes the interest in the personality of the author himself with a contradictory characteristic, who knows how to take the most difficult, dramatic, unrepresentable forms of life face to face.

Keywords: poetic narrative, vers libre, everyday life, fabulous allusions, irony, escapism, existential role, dehumanization

For citation: Hakuasheva M.A. Features of the new style of poetry by D. Shomakhova. Vestnik KBIGI = KVIHR Bulletin. 2021; № 4-1 (51): 125–130. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-125-130

В статье представлен анализ цикла стихов Д. Шомаховой *Они* (часть первая), *Я* (часть вторая), *Ты* (часть третья), *Город* (часть), *Hidden* (скрытое), написанных преимущественно верлибром.

Поэтические произведения молодой поэтессы Д. Шомаховой обращают на себя внимание лаконичностью, но очерчивают самые важные поэтические сферы, о которых должна идти речь в соответствующих циклах: *Они* (часть первая), *Я* (часть вторая), *Ты* (часть третья), *Город* (часть), *Hidden* (скрытое).

С первых строк открывается новый неповторимый поэтический мир – как в форме непривычных, «неудобных» для местного читателя верлибров, так и особенностей художественного стиля, который базируется преимущественно на образах обыденной повседневности, наступающей урбанизации.

Обращение в верлибру в настоящее время обусловлено долгой эволюцией процесса стихосложения. «Усталость» рифмы имеет множество причин, среди которых в первую очередь – несоответствие «прекрасных» рифмованных стихов затянувшемуся тотальному кризису, включающему все сферы жизни, ощущение предапокалипсиса, формирующееся в подобные периоды у многих представителей творческой интеллигенции.

Гармоничная форма, которая должна вмещать в себя отнюдь негармоничное содержания – парадокс, содержащий в себе прямое несоответствие, – одна из важных причин, обусловивших отказ от классической рифмы. Она отчасти уступила место свободе поэтической формы, которая предполагает больший акцент на ассоциативности воображения.

Кризис рифмы уже был отмечен в стихах В. Маяковского, а в 1936 году молодой поэт Л. Коган, погибший в 1942 двадцатичетырехлетним на фронтах Второй мировой, обосновал уже сформированную эстетическую тенденцию: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал» [Стихи 2011: эл. ресурс].

Впрочем, фольклорный, устный «предверлибр» в России появился еще до традиции «несвободного» стиха. Он сформировался путем постепенного отказа авторов от тех или иных внешних признаков по мере того, как необходимость в них отпадала как для самих поэтов, так и для читателей, которые становились все более искушенными. «Похожие» на верлибр отдельные произведения появлялись еще в 19 и даже в 18 веке, например, в поэзии А. Сумарокова. Множество стихотворений без метра, рифмы и иных традиционных признаков встречаются у поэтов

19 века, которые переводили французских или немецких авторов и вольно подражали им, в манере, свойственной той эпохе. Среди этих авторов можно выделить И. Тургенева, А. Фета, М. Михайлова. Наконец, Николай Языков в 1840 году в своем шуточном стихотворении под названием «Когда б парнасский повелитель...» осуществил эксперимент, ставший очень популярным как у сторонников свободного стиха, так и (в особенности) у его противников в 20 веке. Он записал в «столбик» ту часть своего поэтического послания, которая была лишена признаков, присущих стиху, то есть представляла собой верлибр [АРВ: эл. ресурс].

В XX веке, особенно его второй половине верлибр получил широкое распространение в англоязычной литературе, что дает некоторые основания полагать, что рифма в какой-то степени затрудняла восприятие деструктивных, теневых, стихийных и прочих кризисных феноменов жизни, определенно превышающих ее «позитив».

Гармоничная форма, которая должна вмещать в себя отнюдь негармоничное содержания – парадокс, содержащий в себе прямое несоответствие, – одна из важных причин, обусловивших отказ от классической рифмы. Она отчасти уступила место свободе поэтической формы, которая предполагает больший акцент на ассоциативности воображения.

Поэтические откровения поэтессы – отражение сложного, противоречивого многогранного сознания современной женщины, личности, которая *еще не состоялась*, – не в привычном социальном понимании: ее развитие столь динамично и наглядно, что «остывания», «застывания» эволюции не предполагается в принципе. Творчество Шомаховой – головокружительный процесс напряженного поиска, сомнений, внутренней жизни столь плотной и насыщенной, что она оказывается «неподъемной» для поэтической артикуляции, поэтому остается и ощущается в подтексте (что для нас – признак хорошей литературы); она лишь мерцает, так как огромный пласт внутренних интенций вынесен в невидимую часть поэтического «айсберга». Эта особенность молодого автора, возможно, – одна из самых захватывающих характеристик ее поэтической индивидуальности.

Одним из интересных поэтических методов становится эклектика: ироническое соединение несоединимых элементов. Например, тон «красно-розовых лепестков» автор соединяет с неассоциируемым «хэппи-эндом», но с «мусорным пакетом переполненного контейнера во дворе многоэтажки» [Шомахова 2021: 7].

Стихи Шомаховой – ломка традиционной формы и поэтической идеологии, которая оказывается очень далека от оптимистической тональности, парадоксальна, драматична, порой бессмысленна. При этом поставить вердикт «постмодернизма» никак нельзя, так как при любых сюжетных перипетиях всегда ощущается открытое окно надежды. В поэзии Д. Шомаховой мы сталкиваемся не с феноменом некоей фатальной надежды, а неизбежным результатом невероятных личных усилий главной героини. Так, в стихотворении «звук за звуком» [Шомахова 2021: 8] автор раскрывает сложный процесс поэтического творчества как подъем на отвесную скалу, когда «буква за буквой» карабкаются вверх «без страховок и инструктора», безуспешно хватаясь за разные слова, которые каждый раз отражают «не то» содержание, с тем, чтобы в конечном итоге сорваться с вершины... Но поэт не разбивается при падении, а «отряхивается», хотя «парочку найденных случайных комбинаций» навсегда ставит на пыльную полку... При этом читатель понимает, что процесс покорения «вершины» при всей драматичности восхождения не завершен, а только начат...

Происходит сокращение дистанции с некой трансцендентной точкой, ранее недостижимой, возвышенной; десакрализация «верховных поэтических авторитетов» в прямом и переносном смысле. Это касается, в частности, стихотворения «если говорить о боге, то только с его коллегами», (заметим, что автором заглавные буквы игнорируются как в экспозиции стихотворения, так и в слове *бог*, что также указывает на радикальную смену аксиологических установок).

Панибратский насмешливый тон ничуть не мешает мирной беседе с демиургами: «щуриться, спрашивать у прекрасной Сехмет, как там поживает Амон..., Свесившись с Иггдрасиля..., кланяться у Одина хотя бы глоточек меда, обсуждать способы заставить Тора читать...» и т.п. [Шомахова 2021: 9].

Героиня на «ты» не только с богами, но и с соседней вселенной, путь к которой для нее открывается через окно собственной квартиры: «пора влезть на подоконник, свесив ноги в соседнюю вселенную, запыленным ботинком задеть светящийся шарик, случайно устроить вспышку сверхновой, такой, чтобы видно днем и ночью...» [Шомахова 2021: 13]. Обыденность, повседневность визуального образа современной молодой девушки, женщины (грубые ботинки, джинсы, майка, рюкзак) сочетаются с ее стремительно выросшей духовной природой, – она намного переросла недавние былые пределы и теперь ощущает невыносимую тесноту в рамках собственной вселенной, в недрах которой постоянно зреют острые неотложные вопросы, касающиеся запредельного... Страстная потребность исследовать мир и себя приводит порой к тупику или разочарованию, которые порой выступают в форме вещицы из современного общества потребления. Таков результат усилий героини стихотворения «Made in China», когда она, «меняя реальность, / перестаралась – / слишком сильно / дернула за край, / и та поползла по шву». Засмотревшись на цветную подкладку, она хочет узнать, как же устроена изнанка мира, но в результате находит лишь «безвкусную, красно-синюю этикетку «Made in China» [Шомахова 2021: 24].

В стихотворении «In death» устанавливаются столь же простые, доверительные отношения со смертью, которая знакомит героиню со своим обычным распорядком дня: «в трех кварталах отсюда / чудесная кофейня. / Иногда мне приносят оттуда / эспрессо. Или американо. / А я хочу флэт-уайт. / Или раф с дурацким сиропом» [Шомахова 2021: 35]. Героиня готова внимательно слушать могущественную собеседницу, «кивать, когда надо / возмущенно цокать языком...» Но смерть внезапно перебивает милый диалог: «А тебе / домой надо. / У тебя там ошибку пора исправлять» [Шомахова 2021: 35]. Читатель понимает эту символику: жизнь оценивается автором через призму смерти, когда становятся видны в том числе большие ошибки частной жизни.

Героине Дарьи Шомаховой действительность предстаёт в беспощадном неприкрашенном свете. Так, унылая очередь на прием к врачу постсоветской поликлиники тоже воспринимается через сюрреалистическую призму неизбежной смерти; ожидающие пациенты видятся «пыльными скелетами», которые «расселись вдоль стен», это – спокойная вереница ожидающих пропуска «на тот свет», поэтому «никто не толкается, не лезет вперед» [Шомахова 2021: 14].

Столь же беспощадный, насмешливый взгляд – на себя: «Голова в облаке, / мысли пропахли табаком. / Поведу соломенным плечом, / и они, каркая, разлетятся / к такой-то матери» [Шомахова 2021: 36]. Подобными интонациями окрашено отношение к собственной персоне и своему месту обитания в другом произведении:

«Я – маленькая обезьянка / из маленького городка в горах. / Недостаточно колоритна, / не слишком оригинальна, / погрязла в канцеляризмах, / коих слишком много в наших южных лесах... / [Шомахова 2021: 22]. Автор способен на ироническое видение и самооценку не только изнутри, но и со стороны.

Следует отдельно отметить саркастическое отношение к штампам, устаревшим приемам, неизменным «вечным» темам, формам, к которым оказывается столь чувствительна молодая поэтесса; это особенность достаточно ярко манифестирует себя в юмористически-пародийном стихотворении «Над седыми вершинами»:

«Над седыми вершинами / Ооооооооо / Извечных гор /Оооооооо / Парят, расправив крылья, / Оооооооо / Гордые орлы. / Орайда! / Парят и не знают, /Оооооооо / Что давно / Оооооооо / Стали грубейшим штампом».

Точно также «величественные горы» не знают, «что писать о них стихи – моветон» [Шомахова 2021: 19].

Героини Шомаховой тонко чувствуют любые проявления нарастающей дегуманизации, мертвенность и холодное равнодушие системы, движущейся к упадку. Таковы интонации стихотворения «Не возражаю», где целую бурю эмоций униженного человека, заносащего заявление об уходе, начальник встречает с ленивым холодным безразличием и короткой подписью «не возражаю» [Шомахова 2021: 27].

Поэт чувствует неослабевающую, неизбывную связь с природой, стихиями, со всем сущим, но это далеко не всегда взаимно. Такая ущербная, безответная связь становится очевидной в стихотворении «Говорить с ветром», в котором предельная искренность героини, готовой к любой форме диалога с ветром сталкивается с пустотой: «Я пришла говорить с ветром, / А он – нет» [Шомахова 2021: 23]. Жизнь стихий, природы органично, физически связаны с ее собственной: «По моим жилам давно / не в ту сторону / слишком медленно / растекаются ленивые / сине-фиолетовые / осенние сумерки» [Шомахова 2021: 37]. Все стихии и времена суток: сумерки, ветер, ночь, солнце призываются ею, чтобы они позволили забыть те времена, когда все было иначе...

Ярким, глубоким чувством, особыми личными неповторимыми ощущениями окрашено стихотворение «Иногда мне кажется...», посвященное отцу, причем автор способен донести эту эмотивную гамму считанными скупыми словами.

Цикл стихов в главе *Ты* следовало бы отнести к любовной лирике, но они перерастают этот жанр, так как вмещают в себя гораздо больше оттенков чувств и мыслей. В стихотворении «Ты стоишь под старой липой...» портрет возлюбленного скрыт темнотой парка, силуэт угадывается рисунком зажженной сигареты, которая рисует во мраке ломаные линии, но даже после расставания его остается «так много в этом городе» [Шомахова 2021: 68]. В стихотворении «Солнце» звучит необыкновенная полнота чувств, острое желание продлить миг счастья навсегда: «Зачаруй солнце. / Заморочь ему голову. / Окуни в синюю краску... / Лишь бы завтрашнее утро никогда не наступило» [Шомахова 2021: 69].

Противоположные интонации отражены в стихотворении «Ничего», когда героиня ощущает не только бессмысленность потерянной любви, но и самой жизни [Шомахова 2021: 26]. Пустота, утрата смысла или предчувствие бессмысленности жизни – в одноименном стихотворении, когда нарратор превращается в большую черную птицу, взлетающую над километрами... пустоты [Шомахова 2021: 70]. Тематически близким оказывается стихотворение «Одолжено у небытия»: «Подкожная инъекция / твоих чернильных мыслей / вдруг оказалась / абсолютно не интересна / той форме небытия, / что явилась сегодня / за мной» [Шомахова 2021: 75].

Цикл стихотворений главы «Город» говорит сам за себя; он включает зарисовки городов, рек, относящихся к тем или иным странам и городам. Стихотворения «Тбилисо», в котором нет признания в любви к городу, но оно следует из текста, стихотворение, посвященное реке Мтквари, грузинскому названию Куры, однажды отравившей кровь («Однажды вечно хмурая...»), ностальгия по утраченной любви в своем городе («Еще долго», «Огни крошечного города»), шутивное описание жизни города на горе («Жить в городе»), поездка в троллейбусе без ясного ощущения следования цели на этом или том свете, которая протекает лишь с одним твердым знанием: «куда бы ...ни приехала, пора платить за проезд» («Выныривая из виртуальной пустоты» [Шомахова 2021: 87].

Кульминацией цикла становится стихотворение «Уехать в теплый город» как всплеск тоски и надежды на уголок тепла, душевного уюта, на благодать, которые позволят «наконец-то примириться с собой», – типичный мотив эскапизма как настоятельной потребности в поисках другой, лучшей жизни.

Свежие, парадоксальные художественные образы формируются из привычной, повседневной жизни, они легко сочетаются, например, со сказочными аллюзиями: «Когда радуга нырнет / за неровный горизонт, / очертив идеальным прямоугольником / драконий глаз заката. / Когда луна повиснет в правом верхнем углу неба, / разбросав двойников / во все стороны... / Ты придешь. / Чтобы снова остаться насовсем / Чтобы снова уйти насовсем. / Чтобы никогда больше не приходиться» [Шомахова 2021: 72].

По мере чтения стихов Дарьи Шомаховой на первый план выступает интерес к личности самого автора с самой противоречивой характеристикой (сложного, неуспокоенного, ищущего, ранимого, мужественного и множество подобных эпитетов), который умеет принимать самые тяжелые, драматичные, непрезентабельные формы жизни лицом к лицу. Отсюда рождается уверенность в счастливом будущем не только творчества, но и жизни талантливой молодой поэтессы, – примерно так же, когда не сомневаешься в моральной победе стойка.

Список источников

АРВ: эл. ресурс – Антология русского верлибра [Электронный ресурс]. Режим доступа: Fb.ru 223092-ghto-verlibra.

Стихи 2011: эл. ресурс – Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: stih.ru2011/05/10 / 2675.

Шомахова 2021 – Шомахова Д.Т. Цикл стихов «Маркопоне по-флотски». 2021 (эл. вариант).

References

Antologiya russkogo verlibra [Anthology of the russian verlibra] [Electronic resource]. Access mode: Fb.ru 223092-ghto-verlibra. (In Russian)

Stihi [Poems] [Electronic resource]. Access mode: stih.ru 2011/05/10/2675. (In Russian)

SHOMANOVA D. T. *Cikl stihov «Markopone po-flotski»* [Cycle of poems «Marcopone in the Navy»]. 2021 (electronic version). (In Russian)

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской филологии.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Philology, Leading researcher of the Kabardino-Circassian Philology sector.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.

Требования к оформлению научной статьи, представляемой в журнал «ВЕСТНИК КБИГИ»

Условия публикации

Журнал публикует статьи на русском, кабардино-черкесском и балкарском языках, посвященные исследованию языков, фольклора и литературы, этногенеза и этнической истории, социальной организации, общего и особенного в материальной и духовной культуре народов региона, их места в исторических процессах средневековья, нового и новейшего времени, проблем исторического и современного развития народов и общества Северного Кавказа.

Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, представлены на конференциях, проводившихся ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакциях других журналов.

Отправляя статью в редакцию журнала, автор выражает согласие на ее размещение в открытом доступе в сети Интернет и в наукометрических базах.

Поступившая в редакцию статья проверяется на наличие некорректных заимствований. При обнаружении плагиата или самоплагиата статья исключается из номера на любом этапе подготовки выпуска.

Затем статья направляется на рассмотрение одному-двум членам редакционной коллегии. При необходимости к рецензированию привлекаются приглашенные эксперты. Имена рецензентов не сообщаются авторам. Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации. При положительном заключении рецензентов о качестве статьи она формируется в очередной выпуск.

Статьи не публикуются в авторской редакции. В случае необходимости внесения правки, ответственный секретарь журнала оповещает автора статьи о необходимости ее доработки. После внесения авторской правки силами редакционной коллегии выполняется редактирование текста.

1. Требования к оформлению статьи

1.1. Общие

- статьи принимаются в электронном виде, в формате doc, docx;
- объем статьи в пределах 20 000–40 000 знаков с пробелами (12–25 с.);
- страницы формата А4, поля: левое – 3 см, правое – 1,5 см, остальные – 2 см., абзацный отступ – 1,25 см.

1.2. Комплектность статьи

- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- тип статьи (научная статья, обзорная статья, редакционная статья, дискуссионная статья, персоналии, рецензия на книгу, и т.п.) в верхнем левом углу;
- индекс УДК (универсальная десятичная классификация) в верхнем левом углу;
- DOI статьи в верхнем левом углу;
- заглавие статьи на русском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя, отчество и фамилия автора(ов);
- контактная информация об авторе(ах): место работы, электронный адрес, ORCID каждого автора(ов);
- аннотация (резюме) статьи на русском языке (100–250 слов);
- ключевые слова (5–7 слов на русском языке);
- заглавие статьи на английском языке прописными (заглавными) буквами;
- имя и фамилия автора(ов) (английская транскрипция);
- abstract (резюме) на английском языке (100–250 слов);
- keywords (5–7 слов на английском языке);
- контактная информация об авторе(ах) на английском языке: место работы, электронные адреса, ORCID каждого автора(ов);
- основной текст статьи;

-
- список источников;
 - список источников на латинице (References);
 - дополнительные сведения об авторе(ах) (ученая степень, ученое звание, должность);
 - сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов

1.3. Требования к оформлению отдельных элементов статьи

1.3.1 Заглавная часть

1.3.1.1. **ТИП СТАТЬИ** (научная статья, обзорная статья, рецензия на книгу и т.п.) в верхнем левом углу, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.2. **ИНДЕКС УДК** (универсальная десятичная классификация) слева, шрифт обычный, размер 14 пт.

1.3.1.3. **ЗАГЛАВИЕ СТАТЬИ** на русском языке прописными (заглавными) буквами, шрифт полужирный, размер 14 пт., размещение по центру.

1.3.1.4. **ОСНОВНЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ(АХ)** располагаются под заголовком – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине без абзацного отступа. Основные сведения об авторе содержат:

- имя, отчество, фамилию автора (полностью);
- наименование организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.);
- адрес организации (учреждения), её подразделения, где работает или учится автор (город и страна);
- электронный адрес автора (e-mail) приводится без слова “e-mail”, после электронного адреса точка не ставится;
- открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID); ORCID указывается в форме электронного адреса в сети «Интернет», в конце ORCID точка не ставится.

Наименование организации, её адрес, электронный адрес и ORCID автора отделяют друг от друга запятыми.

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов

Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы), указывают после имени автора на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений:

ПРИМЕР:

Иван Иванович Иванов^{1,2}

¹ **Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4616-0758>**

² **Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия**

Если статья написана в соавторстве, то имена авторов приводят в принятой ими последовательности; сведения о месте работы (учебы), электронные адреса, ORCID авторов указывают после имен авторов на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений. При этом один из соавторов, ответственный за переписку, и его электронный адрес обозначаются условным изображением конверта *.

ПРИМЕР:

Иванович Иванов[✉], Петр Петрович Петров²

¹ **Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, ivanov@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>**

² Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия, retrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если у авторов одно и то же место работы, учебы, то эти сведения приводят один раз:

Иван Иванович Иванов¹, **Петр Петрович Петров²**

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

¹ ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

² petrov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-1111-2222-3333>

Если авторов более 4, допускается приводить имена, отчества в форме инициалов и фамилии авторов. В полной форме эти данные, а также электронные адреса, ORCID помещают в этом случае в конце статьи вместе с дополнительными сведениями об авторах.

В случае написания статьи в соавторстве одного из авторов обозначают ответственным за переписку:

И.И. Иванов¹, П.П. Петров², В.В. Васильева³, Ф.Ф. Федоров⁴

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

^{3, 4} Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Кабардино-Балкарская Республика, Нальчик, Россия

Автор, ответственный за переписку: Иван Иванович Иванов, ivanov@mail.ru

1.3.1.5. *АННОТАЦИЯ* статьи на русском языке (не менее 150 слов, но не более 250 слов) – шрифт 12 Times New Roman, междустрочный интервал – 1, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см, предваряется словом «*Аннотация.*» (**Abstract.**).

1.3.1.6. *КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА* (5–7 слов и словосочетаний на русском языке) предваряются словами «*Ключевые слова:*» (“**Keywords:**”) и отделяются друг от друга запятыми; после ключевых слов точка не ставится – шрифт 12 Times New Roman, выравнивание по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

1.3.1.7. *ДАННЫЕ О СТАТЬЕ И ОБ АВТОРЕ(-АХ) НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ* (оформление такое же, как и в русском варианте).

Если статья написана на одном из национальных языков, то вышеперечисленные элементы издательского оформления сначала указываются на языке статьи, затем – на английском, потом – на русском языке.

1.3.2. Основной текст статьи.

Основной текст статьи в смысловом плане должен содержать авторское обоснование актуальности исследования, оценку состояния исследований по теме, краткую характеристику источников (материалов) и методов работы, собственно анализ и результаты исследования, выводы (заключение). Это необходимо, чтобы рецензенты и редакция могли быстрее и корректнее оценить является ли представленная работа оригинальным авторским исследованием, соответствует ли современному уровню исследований в данной области, отражает ли она умение автора свободно ориентироваться в существующем научном контексте по затрагиваемым проблемам и адекватно применять общепринятую методологию постановки и решения научных задач.

Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт, междустрочный интервал – 1,5, выравнивание по ширине;

1.3.3. Ссылки и список источников

В список источников включаются записи только на ресурсы, которые упомянуты или цитируются в основном тексте статьи. Ссылки на источники (литературу) в тексте статьи даются в квадратных скобках (указывается фамилия автора или начало заглавия работы, указывается год публикации работы, страницы приводятся через двоеточие): [Бархударов 1975: 31–33], [Актуальные вопросы... 2007: 140]; при ссылке на несколько источников

позиции отделяются точкой с запятой [Бархударов 1975; Новиков 2012: 35]. Названия, имеющие общепринятое сокращение, могут сокращаться, например, «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов» – АБКИЕА [АБКИЕА 1974: 200]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно двумя авторами, указываются оба автора [Караулов, Чулкина, 2008: 141]. При ссылке на статьи или книги, написанные совместно тремя или более авторами, следует указывать фамилию первого автора и писать «и др.» [Караулов и др. 1999]. При ссылках на работы одного и того же автора, опубликованные в одном и том же году, следует различать работы, добавляя латинские буквы a, b, c к году издания [Новиков 2012a], [Новиков 2012b]. Архивные источники в тексте раскрываются полностью: [РГАДА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 255. Л. 15].

Список источников приводится в алфавитном порядке после основного текста с заголовком по центру; один источник может упоминаться только один раз, набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине.

Библиографическое описание источников (литературы и интернет-источников) в списке дается в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008: при ссылке на книгу обязательно указывать издательство и общее количество страниц в книге; при ссылке на многотомное издание обязательно указывается, сколько всего томов и на какой именно том дается ссылка; ссылка на периодическое издание дается следующим образом: Ф.И.О. автора. Название статьи // Название журнала. Год. Том (Vol.). №. Интервал страниц статьи.

Если в списке источников и литературы есть работы с DOI (Digital Object Identifier), то обязательным требованием является указание DOI в полном библиографическом описании работы: Тимижев Х.Т. О вопросах художественно-эстетического уровня современного кабардинского романа // Кавказология. 2018. № 2. С. 82–93. DOI: 10.31143/2542-212X-2018-2-82-93.

ПРИМЕР:

Список источников

Адыгэ псалъальэ 1990 – *Адыгэ псалъальэ*. Москва: Дигора, 1999. 860 н. (Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999. 860 с.).

АИГИКБНЦРАН – Архив Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра. П. 1. П. 1.

Бархударов 1975 – *Бархударов Л.С.* Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

Дзамихов, Кажаров 2019 – *Дзамихов К.Ф., Кажаров А.Г.* О национальной государственности народов КБР: история становления и конституирования (начало 1920-х гг.) // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2019. № 3 (42). С. 39–58.

Добричев 2013а – *Добричев С.А.* К вопросу о природе конверсных отношений в английском языке // Язык. Культура. Речевое общение. 2013. № 1. С. 19–22.

Добричев 2013б – *Добричев С.А.* О прагматических аспектах в семантико-синтаксической категории конверсности // Филология и человек. 2013. № 4. С. 156–165.

Кыщокъуэ 2005 – *Кыщокъуэ А.* Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык: Эльбрус, 2005. Т. 1. 600 н. (Кешоков А. Чудесное мгновение: роман. Налчык: Эльбрус. Т. 1. 600 с.).

Караулов, Чулкина 2008 – *Караулов Ю.Н., Чулкина Н.Л.* Русская языковая личность. Интегративный аспект в условиях межкультурных коммуникаций: учеб. пособие. М., 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (дата обращения 25.08.2015).

Къарачай-малкъар фольклор... 1996 – *Къарачай-малкъар фольклор: хрестоматия / жарашдыргъан Хаджиланы Т.М.* Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 б. (Карачаево-балкарский фольклор: хрестоматия / сост. Т.М. Хаджиева. Налчык: Эль-Фа, 1996. 592 с.).

Конституция... 1918 – *Конституция* (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) [Электронный ресурс] // Электронный музей конституционной истории России: сайт. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (дата обращения: 18.08.2021)

Новиков 2012 – *Новиков В.И.* Эссе как жанровая доминанта новой литературной журналистики // Медиаскоп. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (дата обращения: 12.12.2015).

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
ТСРЯ 2007 – *Толковый словарь русского языка* с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. 1175 с.
Bassnett 2000 – *Bassnett S. Translation Studies*. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.4. Список источников на латинице (References)

Набирается с абзацным отступом (1,25 см), размер шрифта 12 пт., междустрочный интервал 1, выравнивание по ширине. Порядок должен сохраняться как в русском варианте.

В References вся информация о работах на русском языке должна быть транслитерирована на английский в соответствии с правилами транслитерации (**согласно стандарту BSI**). Транслитерацию можно осуществить на сайте <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке с вариантами выбираем **систему кодировки BSI**).

Фамилии авторов на русском языке (в том числе и для источников на национальных языках) печатаются прописными буквами. Транслитерированные названия работ выделяются курсивом (в случае, если источник на национальном языке, транслитерируется оригинальное название), далее в квадратных скобках следует их перевод (для источников на национальных языках переводу подлежит их русскоязычное название). Если работа снабжена также англоязычным названием, в данном случае следует использовать его.

Перед заглавием сборника, многотомного или продолжающегося издания, периодического издания, в состав которого входит описываемая работа, знак «//» следует заменить на «IN:». Все источники на русском или национальных языках приводятся с соответствующей пометкой (In Russian / In Kabardino-Circassian / In Balkar).

Названия журналов приводятся в транслитерации, если нет официального названия на английском языке.

Названия сборников, коллективных трудов и т.п., на статью из которых дается ссылка, приводятся сперва в транслитерации (курсив), затем в квадратных скобках следует перевод на английский язык. Все дополнительные сведения (составитель, ответственный редактор и т.п.) приводятся в переводе. Место издания должно быть указано полностью. Город, название издательства, указания на том, выпуск, коллекцию и страницы также указываются на английском языке. Источники на латинице транслитерации и переводу не подлежат.

ПРИМЕР:

References

Adyge psal'al'e [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)

Arhiv Instituta humanitarnyh issledovanij Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra [Archive of the Institute for the Humanities Research of Kabardian-Balkarian Scientific Center]. Folder 1. Passport 1. (In Russian)

BARHUDAROV L. S. *Yazyk i perevod (Voprosy obshchej i chastnoj teorii perevoda)* [Language and translation (Questions of general and private theory of translation)]. Moscow: International relations, 1975. 240 p. (In Russian)

DZAMIKHOV K. F., KAZHAROV A. G. *O natsional'noi gosudarstvennosti narodov KBR: istoriya stanovleniya i konstituirovaniya (nachalo 1920-kh gg.)* [On the national statehood of the peoples of the KBR: the history of formation and constitution (early 1920s)]. IN: *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta humanitarnyh issledovanii*. – 2019. – No. 3(42). – P. 39–58. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *K voprosu o prirode konversnykh otnoshenii v angliiskom yazyke* [On the question of the nature of conversion relations in English]. IN: *Yazyk. Kul'tura. Rechevoe obshchenie*. 2013. № 1. P. 19–22. (In Russian)

DOBRICHEV S. A. *O pragmaticheskikh aspektakh v semantiko-sintaksicheskoi kategorii konversnosti* [On pragmatic aspects in the semantic-syntactic category of conversion]. IN: *Filologiya i chelovek*. 2013. № 4. P. 156–165. (In Russian)

KESHOKOV A. *H"uepseg"ue nur* [Wonderful moment]: novel. Nalchik: Elbrus, 2005. Vol. 1. 600 p. (In Kabardino-Circassian).

KARAULOV YU. N., CHULKINA N. L. *Russkaya yazykovaya lichnost'. Integrativnyj aspekt v usloviyah mezhkul'turnyh kommunikacij* [Russian language personality. An integrative aspect in the context of intercultural communication]: textbook. Moscow, 2008. URL: http://weblocal.rudn.ru/web-local/uem/iop_pdf/192-Karaulov.pdf (date of treatment 25.08.2015). (In Russian)

K''arachaj-malk''ar fol'klor: hrestomatiya [Karachay-Balkarian folklore]: reader / compiled by T. M. Hadzhieva]. Nalchik: El-Fa, 1996. 592 p.). (In Balkar)

Konstitutsiya (Osnovnoi zakon) Rossiiskoi Sotsialisticheskoi Federativnoi Sovetskoi Respubliki (prinyata V Vserossiiskim S''ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) [Constitution (Basic Law) of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (adopted by the V All-Russian Congress of Soviets at a meeting on July 10, 1918)]. IN: Electronic Museum of the Constitutional History of Russia: website. URL: <http://www.rusconstitution.ru/library/constitution/articles/684/> (access data: 18.08.2021). (In Russian)

NOVIKOV V. I. *Esse kak zhanrovaya dominanta novoj literaturnoj zhurnalistiki* [Essays as a genre dominant of new literary journalism]. IN: Mediaskop. 2012. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1116> (date of treatment 12.12.2015). (In Russian)

Rossiiskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov [Russian state archive of ancient acts]. (In Russian)

Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [Russian State Military Historical Archives]. (In Russian)

Tolkovyj slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedenij o proisхоzhdenii slov [Explanatory dictionary of russian language with inclusion of information about origin of words] / edited by N. Yu. Shvedova. Moscow: Publishing center «Azbukovnik», 2007. 1175 p. (In Russian)

BASSNETT S. Translation Studies. London: Routledge, 2000. 524 p.

1.3.5. Дополнительные сведения об авторе (авторах) указываются в конце статьи (после «Списка источников» и «References») под заголовком «Информация об авторе (авторах)», дублируются на английском языке («Information about the author (authors)») и могут содержать информацию об ученой степени, ученом звании, должности.

ПРИМЕР:

Информация об авторах

И.И. Иванов – доктор филологических наук, профессор;

В.И. Чупров – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the authors

I.I. Ivanov – Doctor of Science (Philology), Professor;

V.I. Chuprov – Candidate of Science (History), Professor.

1.3.6. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, приводятся в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова «Вклад авторов:» (“Contribution of the authors:”). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

ПРИМЕР:

Вклад авторов:

И.И. Иванов – научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; участие в разработке учебных программ и их реализации; написание исходного текста; итоговые выводы.

П.П. Петров – участие в разработке учебных программ и их реализации; доработка текста; итоговые выводы.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

I.I. Ivanov – scientific management; research concept; methodology development; participation in development of curricula and their implementation; writing the draft; final conclusions.

P.P. Petrov – participation in development of curricula and their implementation; follow-on revision of the text; final conclusions.

The authors declare no conflicts of interests.

Или:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

Усл. печ. л.
12

Формат 70x108 $\frac{1}{16}$
Цена свободная

Гарнитура Times
Заказ 282

Учредитель: Институт гуманитарных исследований КБНЦ РАН (ИГИ КБНЦ РАН)
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Редакционно-издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. Редакционно-издательским отделом *И.Х. Кушова*
Компьютерная верстка *А.В. Гергоковой*
Техническое редактирование *А.В. Гергоковой*